

ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ГОРОДА МОСКВЫ
«МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Павленко Андрей Альфредович

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ УЧАСТНИКОВ ХОРОВЫХ
КОЛЛЕКТИВОВ СРЕДСТВАМИ ЦЕРКОВНО-ПЕВЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Специальность 5.8.2

Теория и методика обучения и воспитания (музыка, музыкальное искусство
(высшее образование, дополнительное образование, профессиональное
обучение)) (педагогические науки)

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата педагогических наук

Научный руководитель:
доктор педагогических наук, профессор
Кабкова Елена Павловна

МОСКВА, 2024

Содержание

Введение.....	4
Глава 1. Духовно-нравственное воспитание участников хоровых коллективов средствами церковно-певческой культуры как проблемам исследования	25
1.1 Концептуальные основы духовной нравственности, их социальное и воспитательное значение.....	25
1.2 Сущностные характеристики процесса духовно-нравственного воспитания участников хоровых коллективов средствами церковно-певческой культуры.....	48
1.3 Теоретическая модель духовно-нравственного воспитания участников хоровых коллективов средствами церковно-певческой культуры	68
Выводы по главе 1.....	87
Глава 2. Опытнo-экспериментальное исследование результативности духовно-нравственного воспитания участников хоровых коллективов средствами церковно-певческой культуры	91
2.1 Описание базы эксперимента и диагностики сформированности уровней духовно-нравственного воспитания участников хоровых коллективов средствами церковно-певческой культуры.....	91
2.2 Внедрение модели духовно-нравственного воспитания участников хоровых коллективов средствами церковно-певческой культуры в образовательную практику хоровых коллективов	124
2.3 Динамика сформированности уровней духовно-нравственного воспитания участников хоровых коллективов и рекомендации по повышению эффективности духовно-нравственного воспитания средствами церковно-певческой культуры	149
Выводы по главе 2.....	177

Заключение.....	182
Список литературы.....	191
Приложение.....	215

Введение

Актуальность исследования. В современной педагогической науке и практике широко распространено понятие «духовно-нравственное воспитание». Однако в составе ряда трудов по педагогике само понятие духовной нравственности имеет довольно размытую артикуляцию, по большей части сводясь к тем или иным своим дескриптивам, к числу которых можно отнести: «умение уважать и считаться с другими», «любить родину», «бережно относиться к природе и окружающим» и т.п. Для того чтобы вести речь о перспективном развитии данной педагогической области, требуется выявить сам дефинитивный состав понятий «духовность» и «нравственность». Это обстоятельство обращает внимание педагога-исследователя к составу смежных с педагогикой гуманитарных дисциплин, позволяющих, с одной стороны, реконструировать исходную смысловую интенцию данного понятия (этимология, лингвистическая компаративистика), а с другой, проникнуть в сущностные основания самой духовной нравственности как феномена человеческой жизни (философия), из чего дедуцируются все те производные, которые представляются в виде набора соответствующих этому феномену вышепредставленных дескриптивов.

Вторая составляющая актуальности заявленной темы имеет более конкретную ступень своей проявленности в педагогических науках, которая связана с искусством, и заключается в недостаточности внимания к проблемам духовной нравственности в сфере современной музыкальной педагогики. Будучи нередко ориентированной на решение локальных исполнительских задач, данная педагогическая область испытывает заметный дефицит когнитивно-мотивационных и глубинно-личностных аспектов хорового творчества, направленного на трансформационные процессы личности самого исполнителя.

Спецификой заявленной темы диктуется необходимость поиска методологических тактик и стратегий реализации воспитательного процесса как с точки зрения формирования мотивации самих участников к духовно-нравственному развитию, так и с точки зрения всестороннего осмысления церковно-певческого искусства как средства реализации данного процесса, что

отвечает его когнитивным аспектам и непосредственно соотносится с двумя составляющими – «стремлением» (мотивация) и «познанием» (когниции). Поскольку речь идет о глубинно-личностных трансформациях, уместно говорить о том, что педагогическая составляющая формирования духовной нравственности по сути своей «внеинституциональна» и не трактуется как результат каких-либо обязательных внешних предписаний, генерируемых извне. Этическое сознание субъекта в этом случае предполагает внутриличностные генеративные основания.

Сам термин «духовная нравственность» имеет религиозную и одновременно воспитательную окраску, будучи исторически и в значительной мере ментально связанным как с сакральным смыслом воспитания, так и непосредственно с самим институтом христианской Церкви. Это обстоятельство обращает к такому средству духовно-нравственного воспитания, как церковно-певческая культура. Как социокультурный феномен, церковное пение открыто всем слоям общества. Однако качественный уровень его исполнительства может быть различным, исходя из чего, мы можем констатировать очень важную составляющую актуальности настоящего исследования – а именно работу с хоровыми коллективами, призванными к непрерывному повышению уровня своего исполнительского мастерства. Отличаясь своей подвижностью и динамичностью, церковное пение апеллирует к слуху, транслируя тот этико-эстетический ряд, который переживается реципиентом «здесь и сейчас», что создает ему особенную ценность и значимость. В соответствии с предложенными выше утверждениями требуется разработка модели духовно-нравственного воспитания, которая соотносилась бы со всеми затронутыми аспектами актуальности заявленной темы.

Отдельного внимания заслуживает необходимость расширения диагностических возможностей музыканта-педагога в церковно-певческом секторе, что требует разработки критериально-оценочного аппарата, ключевые позиции которого дедуцируются из таких фундаментальных качеств духовной нравственности, как «личностность», «открытость» и «устремленность», о чем речь пойдет в соответствующих разделах. Сам синтез духовной нравственности

как этической составляющей и церковно-певческой культуры как ее эстетического коррелята в составе единого педагогического процесса воспроизводит себя в том, что выражено термином «воспитание», понимаемое как наполнение определенным содержанием.

На базе вышеперечисленных позиций актуальности настоящего исследования можно утверждать, что хоровое пение, помимо музыкально-исполнительских задач, может рассматриваться как важнейший инструмент передачи в социальное пространство норм духовной нравственности в их эстетическом выражении. На сегодняшний день имеется множество различных хоровых коллективов, отличающихся как репертуарной направленностью своей исполнительской работы (напр., музыка духовная, народная, классическая), так и уровнем профессиональной подготовки (профессионалы, любители). Социальный масштаб затронутых нами проблем задает необходимость вовлечения в проект духовно-нравственного воспитания максимального количества участников хоровых коллективов. С этой точки зрения требуется выявить «среднестатистический сегмент», отвечающий, с одной стороны, возможности воспитательного влияния на него, а с другой, имеющий запас самостоятельности и жизненного опыта. На наш взгляд, данная категория представлена лицами *юного и среднего возраста*. Этот состав потенциальных участников воспитательного процесса отличается наибольшей своей вариативностью, а также динамичностью социального коммуницирования, что создает большое количество предпосылок для передачи духовно-нравственных ценностей в окружающее социокультурное пространство. Отсюда локальная реализация воспитательных задач обретает перспективы перейти на глобальный социальный уровень. Данный набор аспектов, характеризующих актуальность настоящего исследования, выдвигает ряд педагогически значимых задач, направленных на формирование у участников *мотивации к духовно-нравственному развитию*. Отсюда проистекает необходимость выявления тактик и стратегий реализации воспитательного процесса, позволяющих приобрести оптимум возможностей в этой сфере.

Таким образом, наряду с педагогическими проблемами, актуальность настоящего исследования имеет также стратегический план своего широкого спектра образовательных приложений, отвечающих как этике, так и эстетике, как общесоциальному, так и локальному, как профессиональным хоровым коллективам, так и любительским, как работе с представителями молодого поколения, так и поколений более старших, из чего проистекает универсальность церковно-певческой культуры в ее социокультурном и воспитательном измерении.

Степень разработанности проблемы исследования

В составе трудов по педагогике и смежных с ней научных дисциплин концепции духовной нравственности (как и нравственности в ее обычном понимании) в основном центрируются вокруг таких понятий, как «добро, гармония, уважение к людям, патриотизм, чувство долга, свобода» и т. п. И основной недостаток современных (и более ранних) исследований в этом секторе состоит в том, что в различных научных трудах сама инстанция формирования духовной нравственности в большинстве теоретических построений локализуется в институциональных (Н. Н. Гатилова, В. В. Казанков, К. В. Комогорцева, Н. Г. Лыкова, Р. М. Сафина), социальных (Е. М. Зезека, И. Г. Королькова, И. Н. Ражина) структурах, а также в системе «национальных» (Ю. В. Денисенко, Г. В. Лисовенко, Н. А. Пархоменко, А. Д. Солдатенков) и «общечеловеческих» ценностей (А. А. Мелконян, Р. Х. Лепехина, С. Б. Рябчикова, Л. И. Уколова).

Апелляция к личности в трудах, посвященных проблематике нравственности и духовно-нравственного воспитания, артикулируется довольно слабо и в целом имеет разрозненный фрагментарный характер, будучи реализуемой в значительной мере через призму институционального подхода и социализации (И.В. Ваджеркина, О.А. Воронова, Л.В. Ли, М.В. Махортова, Н.Е. Шилова).

Вторая важная составляющая создает предпосылки подобного рода утверждениям пойти еще дальше: в условиях глобальных постнеклассических тенденций, так или иначе затрагивающих и педагогическую науку современности, существенно девальвируется антиномия «добро-зло», «необходимость-свобода»,

«правда-ложь», «право-неправо». На фоне данной проблемы определение понятия духовной нравственности, а, соответственно, и поиска тактик и стратегий в этом сегменте педагогической деятельности становятся еще более затруднительными. Генеративные основания самого этого феномена никак не сводимы к институтам, о чем будет подробно сказано далее, и в большей степени усматриваются в личностных структурах индивида (личностно-ориентированный подход), который представляет собой первичную инстанцию ее формирования. Индивид сопричастен социальным процессам как один из их источников, а не их простой воспроизводитель и ретранслятор вовне – этот тезис приобретает свою особую важность именно в педагогических стратегиях современности.

Сложность затрагиваемой проблемы, как и крайняя размытость самой дефиниции таких понятий, как «нравственность» и «духовность», обращает нас к составу смежных с педагогикой гуманитарных дисциплин, а именно: к лингвистике, этимологии, философии, социологии. Состав этих дисциплин представляет собой своеобразную «трехъярусную основу» педагогических исследований и образовательных практик в этом секторе. Первый ярус в решении проблемы построения нужной для педагога дефиниции представляет собой *этимологический и лингвистический анализ* данных понятий, словарные корни которых являются их внешним лексическим выразителем. Вторым ярусом рассматривается *философия*, демонстрирующая значительную разнородность интерпретации нравственности как феномена, на основе чего возможен поиск глубинных онтологических оснований духовной нравственности на ступени, предшествующей образованию в ней тех или иных антиномий, о чем будет подробно сказано при обзоре этических концепций в их исторической ретроспективе. Третий ярус – *социологический*, позволяющий провести анализ этого феномена в контексте социальной жизни и его местоположения в ней.

На базе выявления сущностных характеристик духовной нравственности в ее этимологическом, философском и социальном ключе педагог имеет в своем распоряжении весь необходимый когнитивный и аксиологический ресурс для передачи сущностных основ духовной нравственности. Редуцируя в рамках

заявленной темы исследования вопрос духовно-нравственного воспитания к его реализации средствами церковно-певческой культуры, педагог-исследователь обращается к проблемам эстетики и ее фундаментальной корреляции с проблемами этики, а также исполнительскими и интерактивно-коммуникативными практиками. Этот состав формирует соответствующий критериальный аппарат, о чем будет сказано в соответствующих разделах.

Таким образом, разработанность данной проблемы на сегодняшний день в целом имеет фрагментарный характер, если рассматривать ее в масштабах соотношения духовности и нравственности, с одной стороны, а также церковного пения как средства духовно-нравственного воздействия, с другой. Имеется ряд публикаций, отображающих те позиции, которые в настоящем исследовании можно отнести к разряду ключевых: к области исследования церковного пения следует отнести труды В.Н. Зиновьева, Н.В. Матвеева, П.И. Сикура. Хоровая педагогика задает эстетический эталон церковно-певческого звучания в его художественно-исполнительском выражении. В этой области особенно следует отметить имена таких авторов, как: О. В. Грибкова, В.Л. Живов, А.А. Егоров, В.И. Краснощеков, П.П. Левандо, К.К. Пигров, Л.И. Уколова, П.Г. Чесноков.

Поскольку церковное пение неотделимо от своей истории, отсюда важным представляется анализ эволюции церковно-певческих жанров и их соотношение с эстетическими запросами той или иной исторической эпохи, позволяющей высветить специфику связи церковного пения с духовно-нравственной жизнью общества в его историческом освещении: Д.В. Аллеманов, И.А. Гарднер, В.Н. Зиновьев, В.И. Мартынов, В.М. Металлов, Д.В. Разумовский.

Вопросы искусствоведения представляют собой важный тематический пласт, связанный с церковно-певческим искусством в его идейно-эстетическом выражении. В данном ряду наше внимание особенно привлекли работы С.С. Аверинцева, Т. Адорно, М.М. Бахтина, М.В. Бражникова, К.Ф. Никольской-Береговской, С.В. Смоленского. Касательно интересующей нас проблематики духовной нравственности целесообразным представляется отойти от традиций нравственного богословия Православной Церкви, поскольку такая редукция

открывает перспективу сведения всей исследовательской работы к тем позициям, которые современным читателем могут оцениваться как «предубеждение» или «предрассудок».

За последние десятилетия постсоветского периода был опубликован ряд работ, в основном, в виде научных статей, которые посвящены тематике духовно-нравственного воспитания и его связи с музыкальной культурой, в том числе, и церковном пении. В список авторов следует поместить такие фамилии, как: А.В. Гавлюковская, Н.Н. Жаднова, В.В. Медушевский, С.Е. Морозова.

В целом данные статьи имеют конспективный характер и содержат лишь перечисление основных понятий и категорий духовной нравственности в контексте ее взаимосвязи с музыкальным искусством. Диссертационные работы 1990-х годов в основном отражают общее концептуальное осмысление и рефлексивный анализ связи с прошлыми десятилетиями, в значительной мере базируясь на том фундаменте концепций воспитания, который был заложен выдающимися советскими педагогами. В большинстве работ (как и в ряде работ 2000-х) содержатся ссылки на такие имена, как А.С. Макаренко, П.П. Блонский, С.Т. Шацкий, В.А. Сухомлинский, Б.Т. Лихачев. В качестве иллюстрации приведем фамилии нескольких авторов диссертационных работ того времени: В.В. Гетьман, А.А. Корзинкин, Г.В. Лисовенко, А.Д. Солдатенков, Н.А. Соловьева.

Тенденции 2000-10-х годов существенно обогащают теоретический инструментарий исследований в области проблем духовно-нравственного воспитания. Расширяется категориальный аппарат самого осмысления феномена духовной нравственности, его семантических, философских, исторических и социальных составляющих, а также постулируется общая их взаимосвязь между собой, хотя наблюдается сама тенденция на фрагментарном уровне. Значительно увеличивается количество различных аспектов, отражающих те или иные условия реализации духовно-нравственного воспитания: *этнокультурная* (Г.В. Лисовенко, А.А. Мелконян) и *религиозная среда* (С.В. Видов, Н.Н. Гатилова, М.Р. Илакавичус, Н.В. Лыкова, Т.В. Комогорцева, М.В. Махортова); *возраст* (А.Г. Адамова, В.Г. Зябрева, Л.Д. Короткова, И.Н. Ражина, С.Б. Рябчикова,);

профессиональная деятельность (В.В. Казанков, А.С. Сушанский, М.С. Фомин); *статус образовательного учреждения* (С.И. Абрамов, Е.Е. Игнатьева); *история* (С.В. Артемов, Н.В. Рада, И.Р. Розен); *общество, государство, Церковь* (И.В. Королькова, В.В. Степанов); *социальное значение* (Р.Х. Лепехина); *искусство* (В.В. Гетьман, Ю.В. Денисенко, Л.С. Рогачёва, Л. И. Уколова, Н.Е. Шилова).

Содержание статей по вполне очевидным основаниям не раскрывает всю исследовательскую глубину поставленной в них проблемы, перечисляя лишь ее основные производные. В составе научно-педагогических трудов формируется чрезвычайно обширное тематическое пространство, включающее в себя как общие ключевые позиции концептуального осмысления проблем духовно-нравственного воспитания, так и генерацию их частных специальных производных.

В качестве типологической экспозиции приведем несколько диссертационных работ:

Уколова Л.И. «Педагогически организованная музыкальная среда как средство становления духовной культуры растущего человека», дисс. доктора пед. наук (2008). В данном труде излагается целый ряд позиций, весьма созвучных настоящему диссертационному исследованию. Проблематика духовной культуры человека именно в воспитательных процессах приобретает свое принципиальное значение, в особенности, когда речь заходит о работе с представителями подрастающего поколения в области освоения ими музыкального искусства. В качестве ключевого фактора духовно-нравственного развития рассматривается необходимость педагогической организованности музыкальной среды, позволяющей транслировать те культурные ценности, которые обладают этико-эстетическим потенциалом.

Важеркина И.В. «Философско-педагогические идеи Игнатия Брянчанинова в контексте современных проблем духовно-нравственного воспитания» дисс. канд. пед. наук (2010). В данном труде терминологический аппарат выстроен таким образом, при котором церковные интерпретации нравственности коррелируют с

их философскими и аксиологическими аналогами в исследованиях соответствующих жанров;

Шилова Н.Е. «Формирование духовно-нравственной культуры учащихся средствами музыки в организациях дополнительного образования» дисс. канд. пед. наук (2013). Достоинство труда и его значимость для настоящего исследования состоит в том, что автор демонстрирует отчетливую связь духовной нравственности с музыкальным искусством, что отвечает заявленной нами тематике исследования. Диссертация отличается многогранностью самой поставленной проблемы;

Казанков, В.В. «Духовно-нравственное воспитание сотрудников оперативных подразделений Государственной противопожарной службы МВД России», 2001. Данный диссертационный труд для нас важен наличием *андрагогических аспектов воспитания*, исключающего довольно распространенную склонность сводить саму воспитательную работу лишь к представителям младших возрастов, о чем будет сказано в пар. 1.2.

Как уже было отмечено, имеется также ряд статей, сборников по проблемам духовно-нравственного воспитания, к числу которых следует отнести:

Опубликованный в Вологде сборник статей «Духовно-нравственное воспитание детей и молодежи» (2012);

Методические рекомендации «Формирование системы духовно-нравственного развития и воспитания детей и молодежи в образовательных учреждениях всех видов и типов», изданные в Тамбове (2013).

Следует также отметить статью С.Е. Морозовой «Роль хорового исполнительства в духовно-нравственном воспитании детей» (2014), напрямую коррелирующую с тематикой настоящего исследования.

Однако необходимо подчеркнуть, что фундаментальный недостаток самой описываемой нами тенденции научных исследований состоит в заметной дистанцированности современных концепций воспитания от реальных запросов самой современности, представляя собой точку расхождения между

«фактическим и деонтологическим». Между этими двумя составляющими прослеживается слабая связь.

Сам концептуальный вектор реализации духовно-нравственного воспитания в лучшем случае достигает своих «неклассических форм» с позиции «педагогики диалога». Недостаточно отчетливо артикулируется проблематика *мотивации* к духовно-нравственному развитию. Интерпретация духовной нравственности в большинстве педагогических трудов сводится лишь к конструкциям описательного ряда наподобие: «добро, красота, гармония, уважение друг к другу, традиционные ценности, вера, совесть» и т. п. В исследованиях и научных публикациях отсутствует попытка проникновения в смысловые и онтологические основания этого феномена, приобретающие в педагогике свою особенную важность. Взаимосвязь с другими гуманитарными науками в осмыслении духовной нравственности имеет локальный характер и пока реализует себя лишь на уровне зарождающейся тенденции. Настоящий труд призван устранить некоторые из этих пробелов, чему будут посвящены соответствующие параграфы.

На основании исследования проблем духовно-нравственного воспитания средствами церковно-певческой культуры были выявлены следующие **противоречия:**

- между сложившейся тенденцией акцентировать внимание педагогического сообщества на социально-институциональную сторону духовно-нравственного воспитания и необходимостью непрерывного развития его личностно-мотивированного уровня, реализуемого на основе когнитивного осмысления феномена духовной нравственности;

- между широким распространением в хоровом исполнительстве и музыкальной педагогике церковно-певческих произведений и недостатком внимания к вопросам коррелятивной связи эстетики церковного пения и духовно-нравственной этики с одновременной необходимостью привлечения в нее когнитивно-мотивационных и воспитательных ресурсов;

- между образовательной практикой современных хоровых коллективов, исполняющих церковные песнопения, и недостаточной разработанностью диагностического инструментария способного оценить качество и уровень освоения церковно-певческой культуры.

На основании указанных противоречий была сформулирована **проблема исследования**: какова педагогическая функциональность церковно-певческой культуры и возможность ее органичной интеграции в духовно-нравственное воспитание участников хоровых коллективов? С учетом актуальности выявленных противоречий и сформулированной проблемы исследования **тема настоящего исследования**: «Духовно-нравственное воспитание участников хоровых коллективов средствами церковно-певческой культуры».

Цель исследования состоит в выявлении структуры, содержания и форм духовно-нравственного воспитания участников хоровых коллективов средствами церковно-певческой культуры.

Объект исследования: духовно-нравственное воспитание хоровых коллективов.

Предмет исследования: духовно-нравственное воспитание участников хоровых коллективов средствами церковно-певческой культуры.

Гипотеза исследования: духовно-нравственное воспитание участников хоровых коллективов средствами церковно-певческой культуры будет наиболее эффективным в том случае, если:

- раскрыть дефинитивный состав и выявить смысловое содержание компонентов духовной нравственности таким образом, при котором они будут способствовать пониманию их социального и воспитательного приложения к образовательной практике и обеспечит педагога возможностью ориентироваться в пространстве ключевых понятий и категорий духовно-нравственного воспитания;

- в содержание воспитательного процесса включить такие сущностные характеристики духовной нравственности, которые определяют методологические константы и тематический состав воспитательных мероприятий, оптимизирующих освоение участниками хоровых коллективов церковно-

певческой культуры как на уровне знания основ ее *теории и истории*, так и на уровне умений применить полученные знания в *исполнительской практике*;

- разработать и применить модель духовно-нравственного воспитания участников хоровых коллективов средствами церковно-певческой культуры;

- задействовать критериально-оценочный аппарат, выстроенный на основе сущностных характеристик процесса духовно-нравственного воспитания, и включить в него такие позиции, как: *этика, эстетика, ценности, когниции, компетенции, творческая интеракция, деятельностьное начало*, что позволит педагогу оперативно отследить уровни его сформированности на всех этапах духовно-нравственного воспитания;

- в рамках хоровой работы реализовать принцип, позволяющий отслеживать динамику интерактивного процесса с возможностью применения корректирующих механизмов в реализации духовно-нравственного воспитания и поиска наилучших образовательно-воспитательных тактик и стратегий.

Задачи исследования:

1. Уточнить понятие «церковно-певческая культура» как общественно-исторического и социально-значимого феномена, несущего в себе ценностный, образовательный и воспитательно-ориентированный потенциал.

2. Раскрыть сущностные характеристики процесса духовно-нравственного воспитания участников хоровых коллективов посредством освоения церковно-певческой культуры и ее исполнительского воспроизведения.

3. Разработать и экспериментально апробировать модель духовно-нравственного воспитания участников хоровых коллективов средствами церковно-певческой культуры.

4. Разработать критериально-диагностический инструментарий оценки качества сформированности духовно-нравственного воспитания участников хоровых коллективов средствами церковно-певческой культуры.

5. Выявить и проанализировать динамику духовно-нравственного воспитания участников хоровых коллективов средствами церковно-певческой

культуры, а также сформулировать методические рекомендации по повышению его эффективности в исполнительской практике хорового коллектива.

Теоретико-методологическая основа исследования:

В работе задействуется ряд публикаций по различным тематическим аспектам затрагиваемой области вопросов. В рамках междисциплинарного подхода в качестве «методологической надстройки» включены исследования, связанные с проблемами религиоведческого, искусствоведческого и историко-философского плана. Проблемы духовной нравственности освещаются с помощью трудов по философии, затрагивающих, наряду с этикой, и ряд других вопросов. На базе многостороннего изучения специфики церковно-певческого искусства в его эстетическом и историческом освещении постулируется его принципиальная педагогическая важность в сфере духовно-нравственного влияния на сознание современного общества. Данное исследование опирается на ряд следующих направлений:

- по вопросам философии (Аристотель, Ж. Бодрийяр, Г.-Г. Гадамер, Г. Гегель, Ж. Делёз, В. Дильтей, О.Г. Дробницкий, А.Ф. Зотов, И. Кант, Э. Кассирер, Л. Кольберг, Г. Маркузе, М. Монтень, Ч. Пирс, П. Рикёр, Г. Риккерт, Ж.-П. Сартр, П. Тиллих, Э. Фромм, М. Фуко, М. Хайдеггер);

- по теории церковного пения (И.А. Гарднер, В.Н. Зиновьев, Н.В. Матвеев, П.И. Сикур);

- по истории церковного пения (Д.В. Аллеманов, И.А. Гарднер, В.Н. Зиновьев, В.И. Мартынов, В.М. Металлов, А.М. Покровский, А.В. Преображенский, Д.В. Разумовский);

- по хоровой педагогике (О.В. Грибкова, В.Л. Живов, А.А. Егоров, В.И. Краснощеков, П.П. Левандо, К.К. Пигров, Л.И. Уколова, П.Г. Чесноков);

- по искусствоведению (Г.И. Мозер, К.Ф. Никольская-Береговская, О.А. Пашина, С.В. Смоленский, И. Тэн, Н.Д. Успенский);

- по религиоведению (Э. Дюркгейм, Р. Отто, Е.А. Торчинов, М. Элиаде);

- по проблемам педагогики и психологии (Л.И. Божович, Л.С. Выготский, И. Ф. Гербарт, Б.А. Глинский, А. Дистервег, Дж. Дьюи, Л. В. Занков, Г.М.

Коджаспирова, Я.А. Коменский, А.Н. Леонтьев, И.Я. Лернер, Б.Т. Лихачев, Н.А. Логинова, М.А. Лукацкий, С. Мадди, Д. Макклеланд, А. Маслоу, В.И. Максакова, Н.Г. Милорадова, А.В. Мудрик, И.П. Подласый, Е.И. Пургина, С.Л. Рубинштейн, М.Н. Скаткин, Л.В. Сурова, К.Д. Ушинский, Ф. Херцберг, А.В. Хуторской, Э. Эриксон);

- по этимологии и семантическому анализу (В.И. Даль, Ф. П. Поликарпов-Орлов, М. Фасмер, J.B. Hofmann, G. Köbler,).

- по проблемам социологии и социологии музыки (П. Бурдьё, П. Бергер, М. Вебер, В. Вундт, Г. Гарфинкель, И. Гофман, Э. Дюркгейм, Ч. Кули, В.Г. Лукьянов, Т. Лукман, Р. Мертон, Ф. Тённис, Ю. Хабермас).

Методы исследования:

- *теоретические* (анализ философских, педагогических, историко-искусствоведческих трудов; семантико-этимологический анализ, сравнительный анализ, синтез, дедукция, индукция, обобщение, моделирование);

- *эмпирические* (прямое и косвенное наблюдение, тестирование, герменевтический и реконструктивный методы, интервьюирование, опрос, рефлексивный анализ собственного опыта, опытно-экспериментальная работа).

Экспериментальная база исследования: правый хор Храма Христа Спасителя (руководитель – Илья Борисович Толкачев), хор храма Покрова в микрорайоне Шереметьевский Долгопрудненского района Московской области (руководитель – Александра Лузанова), вокально-хоровой ансамбль Института культуры и искусств МГПУ п/у Ольги Владимировны Грибковой. В эксперименте приняли участие 74 человека.

Этапы исследования.

1 этап – констатирующий (осень 2020 года) – был направлен на исходную диагностику участников эксперимента. Хронология данного этапа на трех базах имеет разную продолжительность: в хоре Храма Христа Спасителя он стартовал в 2014 году, в составе ансамбля ИКиИ МГПУ – в 2018 году, реализуясь в виде педагогического наблюдения. В свою полноценную фазу с применением широкого спектра эмпирических процедур констатирующий этап эксперимента

вступил осенью 2020 года (включая хор храма Покрова). Данный этап разделился на две диагностические фазы: *предварительная и завершающая*.

На предварительной фазе проведено общее знакомство с участниками, беседы и опросы, сформированные по трем ключевым позициям, продиктованным самой тематикой исследования: «эстетика» (церковное пение), «этика» (духовная нравственность) и «коммуникация» (творческая интерактивность). В процессе дальнейшей реализации данного этапа эксперимента была разработана критериальная база с соответствующими уровнями, которая положена в основание дальнейшего исследования (завершающая фаза констатирующего этапа), что позволило существенно расширить границы исследовательских возможностей в сфере диагностики. Основные эмпирические процедуры этапа: наблюдение, проведение опросов, бесед, привлечение герменевтических и реконструктивных методов.

2 этап – формирующий (2021-2022 годы). На данном этапе проведен цикл мероприятий, направленных на коммуникативно-интерактивную реализацию поставленных педагогических задач. Беседы с участниками осуществлялись в формате лекций-диалогов и мастер-классов, чередовавшихся с небольшими промежуточными тестами по ключевым тематическим позициям, которые отвечают заявленной нами повестке исследования, а именно: церковное пение и его история, вопросы взаимосвязи этики и эстетики, понимание роли и специфики духовной нравственности, а также ее социального применения. Данный программный блок был реализован на основе разработанного нами в рамках модели методологического синтеза, включившего в себя несколько различных подходов к проблеме освоения основ церковного пения и его связи с феноменологией духовной нравственности. Реализация данного этапа проведения эксперимента осуществлялась с помощью следующих процедур: наблюдение, проведение опроса, тестов, бесед, обсуждений, ведение закрытого протокола, оценка и самооценка.

3 этап – контрольный (осень 2022 года) – включил в себя анализ динамики проведенной экспериментальной работы и обработку тех данных, которые

получены в результате реализации формирующего этапа. На контрольном этапе доминировал ряд аналогичных предыдущим периодам эмпирических процедур: наблюдение, проведение опросов, бесед, обсуждений, протоколирование, привлечение герменевтического и реконструктивного методов. Кроме этого, было проведено выборочное интервьюирование, рефлексивный анализ собственного опыта. Полученные данные позволили провести завершающий этап диагностики участников эксперимента, а также были положены в основу методических рекомендаций.

Научная новизна исследования:

1. Доказана необходимость осмысления духовно-нравственных ценностей в их церковно-эстетическом выражении, при котором основной акцент сделан на когнитивной составляющей данного процесса и генеративности самого нравственного сознания на уровне глубинно-личностных трансформаций участников хоровых коллективов.

2. Обоснованы направления поиска методологических тактик и стратегий реализации воспитательного процесса как с точки зрения формирования мотивации самих участников к духовно-нравственному развитию, так и с точки зрения всестороннего осмысления церковно-певческого искусства как средства реализации данного процесса, что отвечает его когнитивным аспектам и непосредственно соотносится с двумя составляющими – «стремлением» (мотивация) и «познанием» (когниции).

3. Показано, что процесс формирования этических установок генерируется не извне, не институциональным путем, как нечто «обязательное к выполнению», а изнутри, в аспекте многостороннего осмысления того, под чем мы понимаем духовную нравственность как ценностный феномен.

4. Разработана и содержательно обоснована теоретическая модель духовно-нравственного воспитания участников хоровых коллективов средствами церковно-певческой культуры, включающая в себя необходимый и достаточный методологический и организационно-содержательный инструментарий.

5. Предложен критериальный оценочный аппарат, разработанный на основе выявленных в рамках проведения данного исследования сущностных характеристик процесса духовно-нравственного воспитания, из которых сформирована следующая критериальная композиция: *этика, эстетика, ценности, когниции, компетенции, творческая интеракция, деятельностьное начало*. Состав данных характеристик дедуцируется из таких фундаментальных выявленных в рамках настоящего исследования качеств духовной нравственности, как *личностность, открытость, устремленность*. Постулируется, что коммуникативно-интерактивные компоненты воспитательного процесса направлены на качество «открытости» личностей участников друг к другу. «Устремленность» воспроизводит себя в исполнительской реализации церковно-певческого творчества в его этико-эстетическом и ценностном измерениях, соответствуя тому, что в настоящем критериальном аппарате обозначено как «деятельностное начало».

Теоретическая значимость исследования состоит в обосновании автором принципа фундаментальной корреляции этики и эстетики, церковного пения и духовной нравственности, внешним выразителем которой оно является. Этот принцип позволяет расширить горизонты современных представлений о сути такого феномена, как *духовная нравственность* в ее сакрально-художественном и воспитательном значении.

Сформулировано авторское определение понятия «духовно-нравственное воспитание средствами церковно-певческой культуры» как системы организованных мер, реализуемых с помощью хорового богослужебно-певческого репертуара и направленных на формирование ценностно-мировоззренческой позиции участника с соответствующим ей этико-эстетическим рядом, который основан на таких фундаментальных качествах духовной нравственности, как «личностность», «открытость познанию мироздания» и «устремление к высшим основаниям бытия». Теоретическая значимость данного определения состоит в возможности расширения терминологического аппарата в теории воспитания.

Практическая значимость исследования состоит в реализации модели духовно-нравственного воспитания участников хоровых коллективов (профессиональных, учебных и любительских), которая построена на многостороннем методологическом синтезе, направленном на решение широкого диапазона проблем, включая антропологию, проблематику ценностей, когнитивность, развитие компетенций в виде профессиональных навыков и умений в церковно-певческом исполнительстве. Полученные результаты свидетельствуют о том, что разработанная модель духовно-нравственного воспитания участников хоровых коллективов средствами церковно-певческой культуры позволяет устранять недочеты, обусловленные нередкой тенденцией унифицировать образовательный и воспитательный процессы, а также вырабатывать гибкие педагогические тактики и стратегии.

На основе полученных результативно-диагностических данных предлагается ряд методических рекомендаций, позволяющих решать поставленные перед вокально-хоровым педагогом задачи. Результаты исследования могут быть привлечены в области подготовки хормейстеров, а также на уровне повышения квалификации специалистов вокально-хорового искусства.

Личный вклад соискателя состоит в теоретическом обосновании концептуальных положений исследования; разработке и апробации структурно-содержательной модели духовно-нравственного воспитания участников хоровых коллективов средствами церковно-певческой культуры; в доказательном обосновании наиболее перспективных направлений поиска методологических тактик и стратегий реализации воспитательного процесса в рамках предмета исследования; разработке диагностических процедур по оценке уровня сформированности духовно-нравственного воспитания участников хоровых коллективов средствами церковно-певческой культуры; организации и проведении экспериментального исследования; теоретическом обобщении и анализе полученных теоретических результатов и экспериментальных данных; подготовке основных публикаций по теме исследования.

Достоверность результатов исследования выявляется из анализа проделанной экспериментальной работы, включая те аспекты, которые отвечают поставленным задачам и их педагогической реализации, результативности самих итогов проведения эксперимента. На базе полученных данных констатируется значительная эффективность разработанной и внедренной автором модели, включая функциональность всех тематических построений исследовательского проекта в целом. По совокупности полученных данных выявлена тенденция к росту динамики этического и эстетического развития участников проведенной экспериментальной работы.

Апробация и внедрение результатов исследования проводились в двух направлениях – в качестве педагога и в качестве хорового исполнителя. По первой позиции следует обозначить проведение ряда мастер-классов и бесед-лекций на базе правого хора Храма Христа Спасителя, хора храма Покрова в г. Долгопрудном Московской области, а также в составе вокально-хорового ансамбля ИКиИ МГПУ.

Результаты исследования апробировались и внедрялись в рамках участия в богослужебных мероприятиях, а также в концертах и фестивалях, среди которых наиболее значимыми являются: ежегодные Пасхальные и Рождественские фестивали (Москва, с 2009 года по настоящее время), «Песнопения христианского мира» (Москва, с 2013 года по настоящее время, Псков, 2019). Автор принимал также участие в концертах, проходивших в рамках творческих командировок в Италию (Бари, Венеция, 2012, Рим, 2015, Гарньяно, 2018), в Китай (Харбин, 2015), Грецию (о-в Патмос, 2019), на Сахалин и Курильские острова (2019).

Результаты исследования апробированы на следующих конференциях: Всероссийская научно-практическая конференция «Проблемы творческого развития личности в системе образования» (Москва, 2019); Международная научно-практическая конференция в рамках «Дней науки МГПУ» (Москва, 2019); V Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы творческого образования в период пандемии» (Москва, 2020); Научно-практическая конференция «Образование и наука в современных реалиях: опыт и

инновации» (Москва, 2020); Международная конференция «Диалог культур в музыкальной педагогике и образовании: исторические уроки и современность» (Москва, 2022); «Большая конференция МГПУ», Москва (2023г.).

Положения, выносимые на защиту:

1. Церковно-певческая культура – это общественно-исторический и социально значимый феномен, который несет в себе ярко выраженный ценностный, образовательный и воспитательный потенциал, реализация которого в хоровой исполнительской деятельности позволит раскрыть такие фундаментальные качества духовной нравственности как личностность, открытость и устремленность, которые указывают на то, что источник генеративности духовно-нравственного сознания локализуется не столько в институциональных, сколько в когнитивных и глубинно-личностных структурах личности участника хорового коллектива. Полифункциональность жанров церковно-певческой культуры открывает доступ к многогранному влиянию на личность участника творческого процесса – как, собственно, на исполнителя церковной музыки, так и на ее реципиента, включая их эмоциональную, интеллектуальную и характерологическую выразительность.

2. Этико-эстетическая корреляция показывает, что церковное пение воспроизводит тот мировоззренческий базис, который содержит в себе соответствующую ему область поведенческих предрасположений, способных настраивать нравственное сознание участника хорового коллектива в сторону духовной самосозидательности. С этой точки зрения на передовые рубежи воспитательной деятельности выдвигается мотивационный и когнитивный план педагогической работы, направленный на осмысление сути церковно-певческого исполнительства, его *теории, истории и практики*.

3. Принцип художественно-характерологической универсальности церковного пения обладает свойством вариативности и одновременно сохраняет свою фундаментальную эстетическую основу, способствующую тому, чтобы с высокой степенью достоверности определять диапазон возможного в принятии новаторских художественных решений в рамках воспитательно-исполнительской

практики хорового коллектива. Обретение данной эстетической основы представляет собой фундаментальную задачу духовно-нравственного воспитания, реализация которой обеспечивает участнику пространство его личностной самоидентичности, позволяющей преодолевать противоречия между традицией и современностью, свободой и необходимостью, сакральным и светским, где ключевую роль играют когнитивная и мотивационная стороны духовно-воспитательного процесса.

4. Теоретическая модель духовно-нравственного воспитания участников хоровых коллективов средствами церковно-певческой культуры включает в себя задачно-целевой, теоретико-методологический, критериально-диагностический, результативный и рефлексивный компоненты, совокупность которых обладает свойствами целостности, необходимости и достаточности, что придает модели необходимую определенность относительно результатов и качества воспитания участников хоровых коллективов, а также позволяет расширить границы интерактивности между руководителем и участниками, открывая перспективы в поисках оптимальных педагогических комбинаторик в реализации духовно-нравственного воспитания средствами церковно-певческой культуры.

5. Критериально-оценочный аппарат, разработанный на основе сущностных характеристик процесса духовно-нравственного воспитания, включает этический, ценностный, когнитивный, компетентностный, творчески-коммуникативный, деятельностьный компоненты, применение которых в художественно-исполнительской практике хорового коллектива позволит в полной мере реализовать их диагностические функции относительно как коллектива в целом, так и его отдельных субъектов - руководителя и исполнителей, а также расширит возможности поиска воспитательных стратегий и методологических тактик в организации процесса духовно-нравственного воспитания участников хоровых коллективов.

Структура диссертации: введение, две главы, заключение, список литературы, приложение.

Глава 1

Духовно-нравственное воспитание участников хоровых коллективов средствами церковно-певческой культуры как проблема исследования

1.1. Концептуальные основы духовной нравственности, их социальное и воспитательное значение

В процессе общения – и повседневного, и научного – довольно прочно укоренился термин «духовная нравственность». Широта его применения охватывает собой как средства массовой информации, включая печать, телевидение, радио, Интернет, так и обычную коммуникацию при обсуждении того или иного вопроса. Тем это становится очевиднее в такой важнейшей современной интерактивной области, как *педагогика и вопросы воспитания личности*. Будучи активно привлекаемым в образовательных процессах, термин «духовная нравственность», тем не менее, до сих пор так и не получил своей четкой смысловой артикуляции. И при попытке подобраться к его концептуальным основаниям возникает целый ряд различных затруднений.

Всякий раз желая выяснить, что собеседник подразумевает под «духовной нравственностью», чаще всего нам приходится сталкиваться с ответами нерелексивного типа, выражающими нечто «поведенчески возвышенное», и порой с выраженными церковными коннотациями. В рамках подобных обсуждений бывает легче подобрать тот или иной описательный ряд в отношении к тому, что «само по себе и так понятно», нежели попытаться данному термину дать какую-то дефиницию. В свое время один из выдающихся авторов по проблемам философии нравственности Олег Григорьевич Дробницкий (1933-1973) отмечал, что «теоретического определения нравственности, четкой и исчерпывающей дефиниции..., так и не было дано. Именно потому, что речь всегда шла о чем-то “всем известном”, его как будто бы и не нужно было определять специально» [79, с. 12].

Такое затруднение выглядит вполне оправданным. И уже при беглом поверхностном взгляде обращает на себя внимание то обстоятельство, что сам

термин имеет композиционный вид, слагаясь из двух смысловых составляющих – *духовность* и *нравственность*. Именно первый компонент придает всей понятийной конструкции яркую церковную окраску, вызывая у собеседника ассоциации образного типа: священник, монах-подвижник, человек скромный и молитвенный. Этому восприятию есть свои исторические основания. Но первое, с чего принято вести поиск в определении того или иного понятия, представлено в словарной литературе. Так, в толковом словаре В. И. Даля 1865 года издания термин «духовная нравственность» в чистом виде не применяется, однако автором подобраны наиболее близкие этому описательные конструкции: «Всякое самоотвержение есть поступок нравственный... Христианская вера заключает в себе правила самой высокой нравственности. Нравственность веры нашей выше нравственности гражданской» [216, с.1141]. Иными словами, уже, как минимум, в середине XIX столетия можно фиксировать противопоставление между «нравственностью светской» и «нравственностью веры», что, очевидно, и воспроизвелось в понятии «духовная нравственность». Сам же этот термин довольно позднего происхождения, и лишь с разведением его на два понятийных сегмента можно обнаружить огромное количество словарных статей, посвященных отдельно «нравственности» и отдельно «духовности».

Обратимся к субстантиву данной конструкции, а именно к понятию «нравственность». Впервые этот термин как абстрактное понятие можно встретить в шеститомном «Словаре Академии Российской», изданном в 1789-1794 гг. Здесь представлено очень краткое его определение: «Нравственность – это сообразность свободных деяний с законом» [201, с. 559]. Как видим, данное определение никак не является исчерпывающим, но все же оно свидетельствует о распространенности самого термина, как минимум, уже в XVIII веке. В другом словаре, изданном полвека спустя в 1847 году, этот термин определяется более широко: «Нравственность – правила, какими руководствуется человек в своих поступках» [201, с. 468].

В словарях последующих изданий отмечается все большее обогащение дефинитивами, в составе которых выдвигаются концепты *добродетелей*, *совести*,

сознании долга, любви к родине и т.п. В качестве иллюстрации приведем еще несколько определений: «Нравственность – этический термин, обозначающий реальное воплощение моральных норм и ценностей в поведении людей» [165, с. 154]. «Мораль – один из основных способов нормативной регуляции действий человека в обществе; особая форма общественного сознания и вид общественных отношений» [25, с. 559-560]. «Этика или мораль сводится к учению о так называемых добродетелях, о совести или сознании долга. Этика превращается в науку о законах и нормах человеческого поведения» [250, с. 146]. Как видим, пространство понимания термина и самого данного понятия достаточно обширно. Однако в задачу настоящего исследования не входит подробный анализ эволюции содержания словарных статей в отношении к понятию «нравственность», поэтому ограничиваемся лишь беглым эскизным наброском семантических артикуляций данного термина, способных иллюстрировать всю неоднозначность анализируемой проблемы, но вместе с тем открывающих границы его понимания и задающих примерное направление поиска.

Наряду с описательными характеристиками в словарном материале присутствует и другая линия определений термина «нравственность», которая отсылает нас к его иноязычным аналогам. В словаре Брокгауза-Ефрона читаем: «Нравственность – см. этика» [249, с. 412]. В Большой Советской энциклопедии: «Нравственность – то же, что и мораль» [25, с. 144]. В свою очередь, этика (от греч. *ηθος* – нрав) или мораль (от лат. *mos* – нрав) в узком смысле слова значит «учение о нравственном», и под этикой понимается «нормативная наука о законах и нормах человеческого поведения» [249, с. 146]. Отсюда термины «нравственность», «этика» и «мораль» чаще всего используются как синонимы. Исходя из практики переводов, можно с некоторой долей условности утверждать, что семантическим центром, вокруг которого группируется данная терминология, выступает ее греческий прототип в виде «этос» (греч. *ηθος*), в большинстве случаев переводящийся как «обычай». Такое соотношение в русском языке впервые фиксируется в «Лексиконе трехязычном» Ф. П. Поликарпова-Орлова, изданном в 1704 году, где «нраву» выдвигаются следующие аналоги: греческие

ἔθος (обычай) и τρόπος (образ, способ) и латинские mos, usus, consueo (обычай) [177, с. 140].

Однако при более пристальном рассмотрении понятия «обычай» следует констатировать, что оно далеко не всегда несет собой нравственный смысл: например, в той или иной местности практикуется определенный набор диалектных особенностей, которые для данной местности «обычны». Сюда же можно отнести стиль одежды в этой местности, фольклор, игру на традиционных инструментах и т.п. Все эти производные социальной жизни помещаются в диапазон понятия «обычай». Равно как и то или иное нравственное действие не всегда может выглядеть «обычным», подчас выходя за пределы того, что в данной общности людей принято. Из этого следует, что «обычай» и «нравственность» — это понятия пересекающиеся, но никак не идентичные друг другу.

Пролиферация концептуальных нагромождений и дефинитивов, с которыми приходится сталкиваться в словарной литературе, подчас не столько проясняет, сколько затемняет первичный исходный смысл самих терминов, требующих своей реконструкции. Это обстоятельство диктует *необходимость проведения этимологического и историко-семантического анализа понятия «нравственность»*, что откроет исследователю доступ к исходным смысловым структурам, позволяющим воспроизвести первичные значения данного термина вне связи с их дальнейшими философскими контекстами, которым будет посвящена соответствующая часть настоящего обзора. То же самое предполагается сделать и в отношении к термину «духовность» с последующим синтезом этих двух смысловых образований.

Итак, термин «нравственность», и это очевидно, происходит от корня «нрав», который также служит отдельным существительным. Обращаясь к вышеуказанному «Словарю Академии Российской» (1789-1794), исследователь сталкивается с двумя значениями термина «нрав», понимаемого как: 1) природная или приобретенная склонность, расположение к чему-либо доброму или порочному; 2) обыкновение, обычай, введенный употреблением в каком-либо народе, образ, поступок, принятый каким-либо народом [201, с. 558-559]. Такое

существенное семантическое различие между этими двумя дефинитивами обусловлено тем обстоятельством, что славянское «нрав» полностью калькирует передачу значений греческого термина *ἦθος*, имеющего несколько более расширенный их список: *συνῆθεια* – общение, близость, связь, кучка, стадо, привычка, навык; *χρησις* – полезность; *ψυχικὴ διαθεσις* – душевная расположенность; *χαρακτήρ τοῦ ἀνθρώπου* – характер человека [255, с. 118].

По известным историческим причинам, греческая литература, с которой славянские народы соприкоснулись, уже, как минимум, в IX столетии, играла миссионерско-просветительскую роль. Это обстоятельство позволяет утверждать, что прототипом славянского «нрав» послужил греческий *ἦθος*, а также произведенный от него термин «этика» (*ἠθικὴ*), который за много веков до просвещения славян обозначал отдельную научную область. Так, уже в IV столетии до н.э. величайший философ античности Аристотель (384-322) поместил «этику» в свою так называемую «классификацию наук», рассматривая ее вместе с «политикой» как «практическую науку», наряду с науками «теоретическими» и «поэтическими» (творческими).

В своей «Никомаховой этике» автор возводит *ἦθος* к созвучному ему термину *εἶθος* (греч. «обычай»): *ἡ δ' ἠθικὴ ἐξ εἶθους περὶ γίνεται*, что в переводе означает «этика проистекает из обычаев» [253, с. 70]. Однако «Аристотель получил в наследство уже весь возможный спектр значений понятия “ἦθος”» [174, с. 33]. Речь идет о том, что за несколько веков до Аристотеля в древнегреческой литературе начиная от Гомера термин *ἦθος* прошел через серию смысловых артикуляций: «обычай» (конкретной общности людей), «индивидуальный опыт», и, в конечном итоге, собственно «нрав» (Платон, «Законы», 792e-793d), очевидно, понимаемый как «идеал поведения» [174, с. 32]. Однако этого не наблюдается в латинском языке, поэтому есть все основания утверждать, что такое различие в значениях созрело исключительно на греческой почве.

Таким образом, трактовке семантической эволюции греческого *ἦθος*, коррелирующего со славянским «нрав», соответствует диалектический принцип интерпретации: утверждение «этоса» как атрибута *общности людей* (тезис)

переходит в свое отрицание в виде *индивидуального характера конкретного человека* в составе этой общности (антитезис) с последующим «отрицанием этого отрицания» (синтез того и другого) в виде «этики» как *модели отношения общего и частного* в поведенческой составляющей в ее целом. В этой ситуации фиксируется инверсия смыслов, где «социальное» переходит в «индивидуальное» и вновь возвращается в социальное, инкорпорируя его в «идеальную» поведенческую схему, представленную «этикой» как системой взглядов и оценок. Иными словами, в основании осмысления семантики «этоса» лежит поведенческий конструкт: 1) «обычное поведение», свойственное данной общности, меняет акцент на 2) «индивидуальную поведенческую яркость» с последующей 3) направленностью ее в сторону «высоких нравственных образцов».

Кратко обозначим и латинский терминологический сегмент, представленный в виде «*mos*» и «*usus*», которые также переводятся как «обычай». Для нас важен первый компонент – *mos, moris* (генетив), а также производное от него прилагательное *moralis*. Данный термин имеет оттенок «запрета», чему, в частности, эквивалентно существительное «мораторий». Отсюда «мораль» трактуется как акцент на ту сторону поведенческих норм, которая сопряжена с *запрещениями*. Объясняется это, по всей видимости, чрезвычайной развитостью римского законодательства. Но данная коннотация условна, и потому нет никаких препятствий использовать эти термины как синонимы. Исходя из этого, можно констатировать, что «этос» первоначально представлял собой «обычное поведение», присущее конкретной общности людей, и о различии в характерах в исходной версии употребления данного термина никакой речи не шло.

Итак, что же собой представляет славянское «нрав»? Для ответа на этот вопрос обратимся к фонетической структуре данного корня, которая в лингвистических исследованиях обозначается как «сочетание гласных с плавными между согласными» [97, с. 151]. Эту конструкцию принято воспроизводить в виде *tort**, где на месте условного «*t*» выступает любой согласный. Имеется ряд слов с такой структурой, которая дала в славянских

языках разные рефлексy: западнославянский вариант – trot, южнославянский – trat, восточнославянский – в виде полногласия torot [97, с. 155]. В качестве примера приведем существительное «город», который в западнославянском выглядит как «грод» (откуда топоним «Гродно»), южнославянский «град», восточнославянский «город». В германских и балтийских языках, исторически и географически близких славянам, и так же представляющих наряду с ними индоевропейскую языковую макросемью, корни такого типа выглядят как tart* с близкой друг другу семантикой: Garten (нем. «сад, огород»), gaĩdas (лит. «загородка, огороженное место, загон»). В качестве второго примера возьмем прилагательное «дорогой» (также образованное по модели tort*), которое по рассматриваемым позициям имеет следующий вид: латышский «dārga» (балт.), польский «drogi» (западнoслав.), болгарский «драг» (южнослав.), русский «дорогой» (восточнослав.).

Эти примеры позволяют нам иллюстрировать ту же фонетическую ситуацию, которая прослеживается в корне «нрав»: южнославянское «нрав» в восточнославянском языковом сегменте (русский, украинский, белорусский) имеет вид «норов» (белорус. «нораў»). Для реконструкции смысловых значений этого корня следует обратиться к германским и балтийским лексическим аналогам, воспроизведя корень в виде сочетания narv* (по аналогии с tart*). Те приблизительные этимологические параллели, которые можно обнаружить, оказываются весьма экстравагантными: в литовском paĩvas означает «клетка, садок», а в германском ареале такой фонетический облик этого корня содержится лишь в древневерхненемецком субстрате, где нам представлен более широкий список его смысловых значений.

В этимологическом словаре das Althochdeutsches Wörterbuch Гепарда Кёблера (род. 1939) данный корень экспонируется в различных своих фонетических модификациях: *narwō-, *narwōn, narawa*, narwa, narawo*, narwe, семантическое пространство которых центрируется вокруг таких значений, как «петля, ушко, ручка, сужение, усадка, сжимать, скручивать, шнуровать» [256], что можно трактовать как *тесную связь, сближение*. Такая семантика, по всей

видимости, воспроизводится и английским прилагательным *narrow* («близкий»). Известно это заимствование и северным районам Руси (арханг., олонец.) в виде существительного «нарва», обозначающего «перекладину для укрепления» [225, с. 44]. Кроме этого, обращает на себя внимание факт наличия топонима «Нарва» в географически близкой Эстонии.

В настоящем случае уместно вести речь о германском заимствовании, которое оказалось включенным в славянское языковое пространство, по меньшей мере, в эпоху «великого переселения народов» – в период, когда миграционные процессы и межэтнические контакты были особенно активными [195, с. 12]. Древневерхненемецкий диалектный субстрат охватывает собой центральную и южную Германию [36, с. 241], где появлялись и южные славяне, которые в дальнейшем послужили проводником византийского просвещения. Наиболее вероятной представляется версия, в соответствии с которой перед просветителями стояла задача найти адекватный греческому *ἦθος* славянский терминологический эквивалент со значением «обычая» и «характера». Но поскольку «характер», оказался образованием вторичного смыслового ряда, то за основу взят «обычай», что способно обозначать «тесный союз», связь между людьми (ср. с литовским *paĩvas* – «клетка», в которой те, кто в нее помещен, максимально «близки друг другу»).

Таким образом, существительное «нрав», первоначально употреблявшееся как технический (возможно, ремесленный) термин со значением «связи, скрепления», метафорически обозначило те социально-поведенческие конструкции, которые «сближали» людей в единую общность. С помощью этого термина, по всей видимости, выражался определенный социально-самоидентификационный код. Поскольку же в основу применения термина «нрав» был заложен концепт *поведения*, то и семантика самого термина переакцентировалась с «обычаев» на самих их «носителей» (примером чему может служить понятие «буйный нрав» или «тихий», а также предикативы «нравиться», «норовить»).

даосизме 道 «дао» (путь) – принцип, по которому устроено мироздание. Нарушение человеком порядка чревато разрушением мира, что в конечном итоге оборачивается страданиями и для самого человека. Отсюда основная задача – *соответствовать космическому логосу*.

Но с другой стороны, фиксируется и то обстоятельство, что в этом едином мире действуют *противоречия*, способные причинить страдания. Уже поэт *Гесиод* (VIII-VII вв. до н.э.) в своем известном произведении «Труды и дни» выражает сожаление о «золотом веке», когда все люди жили беззаботно, не зная трудностей, болезней и страданий, а затем потеряли эту радостную жизнь [57, с. 55]. Факт противоречий и страданий формирует этический ряд, в котором у Гесиода артикулируется представление о пороках («глупость» и «гордость»), характерных для людей «железного века».

Гераклит (544-483) иначе решает этическую проблему, выдвигая диалектический закон единства и борьбы противоположностей, из которого следует, что все в мире относительно: день переходит в ночь, ночь – в день, поэтому и блага переходят в страдания, чтобы затем вновь перейти во блага. Ключевым концептом этики представляется *борьба*: «Война есть отец всего, царь всего, она сделала одних богами, других людьми, одних рабами, других свободными» [9, с. 36]. Отсюда выводится *реляционный характер нравственности*.

Реляционная этика и онтология декларируется также основателем атомизма *Демокритом* (460-370 гг. до н.э.). Но из нее следует совершенно иной вывод: именно эта «относительность» атомов друг другу проецируется и на все человеческое общество, где каждый индивидуум (лат. *individuum* – эквивалент греч. *ατομος* «атом», переводится как «неделимое») вступает в отношения обязанностей к другим индивидуумам. Отсюда в этике наивысшее положение занимают *интересы государства*. Задача «социального атома» – достичь того, что Демокрит обозначает термином *εὐθυμία* («эвтюмия», благое расположение духа).

Классический период (V-IV вв. до. н.э.) представлен именами *Сократа*, *Платона* и *Аристотеля*. По мысли Сократа, «государствоцентричность» морали

может привести к заблуждениям, в основании которых истина, лишаясь своей самодостаточности, *становится равной государству*. «Человек есть мера всех вещей» – тот софистический тезис, с которым активно полемизировал Сократ (469-399). В ответ на подобные взгляды он постулирует существование *объективной истины*, которую человек может в себе лишь «родить» (майевтика), но никак не «создать». Следовательно, «общественный закон может быть подвергнут сознательной рефлексии разумного индивида, принят или отвергнут им в зависимости от его истинности» [79, с. 32].

Платон (427-347) онтологизирует объективную мораль на уровне ее существования в «мире идей». Но поскольку каждой вещи соответствует ее идея, то соответствует она и каждой добродетели, каковых четыре: *мудрость, мужество, воздержанность, справедливость*. Мир материи представляет собой не истинный мир. «Тело – темница души» [173, с. 39]. Поэтому основная причина испорченности людей заключается в их материальном интересе. Истинный же мир – это мир идеальный.

Аристотель (384-322) в рамках своей «классификации наук» отнес этику к «практическим наукам», рассматривая человека как ζῷον πολιτικόν (существо общественное, почему «этику», как уже было отмечено, Аристотель ставит в один ряд с «политикой») [253, с. 378]. Нравственность деятельна и приобретаема, не будучи врожденной. Добродетель – это середина между *излишеством и недостатком*. Справедливость является «целью самой по себе» (без выгод и страха перед невыгодой). Декларируется самодостаточность этики и ее практический характер в общественной жизни.

В парадигмах античной нравственности присутствует и *индивидуалистическая мораль*. Ее представляют, в частности, школы *киников и киренаиков*. Киники (в латинском прочтении «циники») отличались отрицанием реальности общего, признавая лишь конкретное и единичное. Отсюда *отрицание норм «общей морали»*, почему данная школа и вошла в историю с выраженной негативной окраской. Жизненный идеал – в отрешении от всего, что делает человека зависимым, а также в *обретении личной свободы*. Киренаики

усматривали критерий блага в *наслаждениях, удовольствиях*, получаемых лишь в настоящем (гедонизм).

Эллинистический период (III в до н.э. – IV в. н.э.) представлен *стоиками, эпикурейцами, скептиками и неоплатониками*. Стоическая этика состоит в «покорности судьбе», которая «мудрого ведет, а глупого тащит» [9, с. 453]. Нравственность воспроизводит космический миропорядок, нарушение которого чревато бедствиями. Свобода, таким образом, совпадает с необходимостью. Главный источник пороков – аффекты, искоренение которых достигается с помощью *апатии, атараксии* (απαθεια, αταραξια – бесстрашие, безмятежность). У эпикурейцев первичное влечение природы состоит в *удовольствии*. В отличие от стоиков, человек свободен, и ему следует скрываться и жить незаметно.

Скептики (от греч. σκεψις – «непредвзятое наблюдение») воздерживались от суждений об абсолютной истине (εποχη), что распространилось и на их этические взгляды. У *неоплатоников* на основе интерпретации материи как «низшей ступени саморазвития Единого» сформировалось презрительное отношение к материальному, что в дальнейшем оказало влияние на христианскую аскетику. Примечательно, что концепт «атараксии, апатии», понимаемый как «бесстрашие», в качестве сотеориологического идеала репродуцируется в буддизме и даосизме (санскр. निर्वन nirvana, нирвана – «угасание», кит. 無為, увэй – букв. «недеяние»).

Заслуживает упоминания еще одна важная с точки зрения нравственности концепция, распространенная в древнеиндийском религиозно-философском секторе в I тыс. до н. э. – принцип *ахимса* (санскр. अहिंसा ahimsa, «непричинение вреда»), где постулируется отказ от причинения страданий живым существам (джайнизм, буддизм, индуизм).

Средневековье прошло под знаком христианской теологии, и поэтому истоки нравственного учения в значительной мере восходят к Священному Писанию Нового Завета. Основным этическим мотив – покаяние: «Покайтесь, ибо приблизилось царствие Божие» (Мф. 3: 2). Наибольшее значение приобретает

любовь к врагам. И важнейшим с этой точки зрения постулатом является обращение к Богу «сердца человека», его внутреннего мира, где «букве Закона» предпочитается «дух жизни» (Рим. 8: 2). Дальнейшее развитие христианской нравственности значительно соединилось с античной аскетикой, концептами «атараксии» и «апатии», как формами «ухода от мира». После римских гонений (IV в.) формируется отдельный христианский институт монашества, где отчетливо декларируется «презрение к плоти и миру» как явлениям «преходящим». Однако материальный мир трактуется не просто как мир «греховный», от которого надо отдалиться, а как та область бытия, которую христианам надлежит собой *преобразить*. В числе авторов христианской этики можно назвать *Иоанна Златоуста, Григория Нисского, Августина Блаженного, Григория Синаита* и многих других.

Период Ренессанса (XV в.) и последовавшая за ним эпоха Нового времени отмечены существенной девальвацией авторитета христианской Церкви. Средневековье интерпретируется как тотальный «обман», «мракобесие» и «предрассудки». На передовые рубежи этической мысли выходят многие выдающиеся мыслители. К их числу можно отнести *Мишеля Монтеня* (1533-1592), деятеля Ренессанса, который усматривал проблемы человеческой морали в драматическом конфликте между «властью обычая» и «личной автономией». Возвращаясь к вопросу об «этосе» как «обычае», М. Монтень их противопоставляет: нравы и добродетели, «о которых принято говорить, что они порождены самой природой, порождаются в действительности тем же обычаем» [155, с. 148]. *Томас Гоббс* (1588-1679) – автор знаменитого «Левиафана», а также *Джон Локк* (1632-1704) и *Жан Жак Руссо* (1712-1778) оказались у истоков формирования небезызвестной «теории общественного договора», которая была представлена в его разных версиях: от жесткого государственного регулирования до уважения личностных прав и свобод.

Заслуживают внимания деятели классической немецкой философии – *Иммануил Кант* (1724-1804) и *Георг Гегель* (1770-1831). И. Кант в «Критике практического разума» (1788) выдвигает важнейший этический концепт,

получивший название «категорического императива». Это – «законодательная максима», которая диктует необходимость относиться ко всему как к цели, а не как к средству: «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла бы быть всеобщим законом» [106, с. 349]. Георг Гегель (1770-1831), выдвигая в этике проблему отношения «общего» и «частного», провел различие между «нравственностью», как *совокупностью социальных обычаев и установок*, и «моралью», которая представляет собой *возможность их индивидуальной ревизии* [52, с. 128], что для нас важно, в частности, с точки зрения тех вопросов, которые нами затрагивались в составе нашего этимологического и семантического анализа.

Некоторым эпилогом этических построений концепта *личного*, в противовес *«тирании общего»* послужила весьма распространенная в наше время *«прагматизация» морали* с помещением ее в утилитарный потребительский контекст. *Нравственно и истинно все, что имеет практическую пользу*. Те или иные метафизические наслоения, эстетические конструкторы в восприятии морали подлежат элиминированию. Эта тенденция еще в большей степени отразилась в неореалистических построениях, рассматривающих нравственность как «предрассудок глупых, доверчивых людей», управляемых с ее помощью (Майкл Даммит).

Итак, следует отметить конгломерат различных этических позиций, доходящих порой до взаимного отрицания: благополучие (Гесиод), отказ от причинения вреда (ахимса) – вражда (Гераклит); государственное и общественное (Демокрит) – личное (киники и киренаики); деятельность (Аристотель) – атараксия, апатия, нирвана (стоики, буддизм, даосизм); наслаждение (киренаики, эпикурейцы) – презрение к материи (Платон, неоплатоники), аскетика (христианство); тирания «общего» – свобода «личного» с манифестацией общечеловеческих ценностей (Ренессанс, Новое время). Этот ряд можно продолжить, образуя все новые антиномии.

Данная достаточно краткая диалектическая экспозиция противоречий, тем не менее, иллюстрирует нам всю специфику сложившейся в современном мире ситуации, где каждый человек «прав по-своему». Теряется смысл в поиске

фундаментальных первооснований нравственности, что приводит к ее «прагматизации», а в ряде случаев даже к отрицанию ее как таковой. Но в свете представленных выше концепций, мы отмечаем, что нравственность, как минимум, имеет несколько «регионов» своего самоприменения: в одних случаях под ней понимается «территория согласия» (отсутствие вражды), в других – «территория невмешательства и безразличия» (апатия, скепсис, эскапизм), а в каких-то – «территория вражды» (война за правду, за интерес, средство принуждения). И ни к одному из этих трех рядов феноменологию нравственности свести нельзя. В связи с противоречивым характером ее интерпретации мы можем лишь констатировать, что она способна формировать свой соответствующий деонтический (от греч. δεον, «должное») модальный ряд, предполагающий наличие двух диаметрально противоположных друг другу функциональных полюсов, а именно – «*нравственно необходимое*» и «*нравственно недопустимое*». Между этими двумя контрарными составляющими как этическими локусами располагается все пространство ценностно-оценочных модификаций человеческого поведения, опорными промежуточными точками которых могут служить категории «*допустимого*» и «*поощряемого*».

Из вышесказанного следует, что нравственность имеет комбинированный направленный характер. Но возникает вопрос: что может служить тем источником, который способен ее направить, и в какую сторону? Сама по себе отдельно взятая та или иная этическая концепция представляет собой некоторую *схему, набор устоявшихся понятийных конструкций*, которые далеко не всегда вписываются в жизненный контекст своего содержания. Что нравственности сообщает ее жизненные свойства? Подобные вопросы обращают нас к анализу второго заявленного нами феномена – *духовности*. В нашей формулировке он предстает в виде прилагательного «духовный».

Часть II вышеупомянутого «Словаря Академии Российской» предлагает нам следующий набор значений данного термина: «*духовный*» – это: 1) бестелесный, 2) исполненный благодати, 3) касающийся спасения души, 4) то, что противопоставляется понятиям «светский» или «гражданский» [200, с. 807]. Так же,

как и в предыдущем случае, прилагательное «духовный» имеет корень в виде «дух», который используется и в качестве существительного.

В этом же словаре содержится следующий перечень значений понятия «дух»: 1) существо бестелесное, имеющее разум и волю, 2) Третье Лицо Святой Троицы, 3) ангел, 4) мечта, привидение, 5) благодать, дар, сила сверхъестественная, 6) противопоставляется плоти, 7) то же, что и душа [200, с. 802-804]. Уже самый беглый поверхностный взгляд позволяет нам отметить выраженную религиозную окрашенность данного понятия, что, конечно же, не случайно.

Для прояснения исходной семантики понятия «дух», как и в предыдущем случае, дадим краткую этимологическую справку. Славянское «дух» представляет собой нулевую ступень аблаута в корне (т.е. без гласного, т.к. слав. «у» происходит из консонанта w*). В литовском языке он имеет первую ступень (с гласным «а»): dvasià, что также переводится как «дух, дыхание». Литовский конечный корня «s» эквивалентен славянскому «х», который развился в праславянском языке из индоевропейского s*, находясь после гласных i и u [97, с. 132], отсюда появляется такой его фонетический облик. В свою очередь, выдающийся этимолог Макс Фасмер (1886-1962) усматривает родство этого корня с готским dius («зверь») и с древневерхненемецким tior (ротацизм с переходом s в r по закону Вернера) [36, с. 65], прагерманский фонетический вариант которого реконструируется в виде: *deuza-, *deuzam – из индогерманского *dʰeues-, *dʰuēs-, *dʰeus, *dʰūs [256]. Данное понятие обозначает «живое существо» и, следовательно, связано с концептом «жизни». В этом случае нам представлено славяно-балтийско-германское лексическое образование, из которого выводится исходная семантическая связка «жизнь-дыхание-дышать-дух».

Иными словами, «дух» трактуется как фундаментальный атрибут жизни. Это этимологическое обстоятельство помогает нам высветить специфику духовной нравственности как *онтологически подвижного феномена*. Сам терминологический прототип понятия «дух» опять-таки фиксируется в греческом

языке. И в том значении, которое нами отмечается в словарях, термин получает свое распространение благодаря новозаветной христианской литературе. Так апостол Павел активно использует понятия «дух» и «духовный», постулируя в составе человеческой природы наличие «духа, души и тела» (το πνεῦμα καὶ ἡ ψυχὴ καὶ τὸ σῶμα) (1 Фес. 5: 23), а в другом фрагменте использует его в виде прилагательного: «Духовный судит обо всем, а о нем судить никто не может» (ὁ δὲ πνευματικὸς ἀνακρίνει μὲν πάντα, αὐτὸς δὲ οὐδὲν ἀνακρίνεται) (1 Кор. 2: 15).

Сам концепт «духа» возник, конечно же, задолго до христианства, включившего его в свой категориальный аппарат. В древнегреческих текстах он выступает в виде существительного το πνεῦμα, имеющего выраженное космологическое значение. Основатель школы стоиков Зенон Киттийский (334-ок. 262) с помощью понятия «дух» обозначает «вихрь», «ветер», «дыхание», «оживотворение» [77, с. 315-316]. Концепт «духа» имеет древнейшее происхождение и был широко распространен в различных космогонических повествованиях: например, уже в первых строках библейской книги Бытия рассказывается о том, как «Дух Божий носился над водой» (רוח אלהים מרחפת) (Быт. 1:2) (евр. we Ruah Elohim meraḥefet), и это «перемещение над водой», судя по этимологии еврейского трехконсонантного корня רָחַף (евр. raḥaf), имело «животворную силу». Такие же пассажи отмечаются и во многих космогонических мифах древности (аккадско-вавилонский «Энума Элиш», индийская «Тайттириябрахмана» и др.).

Таким образом, исходная семантическая трактовка понятия «духа» как «дыхания» и «ветра» обращает его в неотъемлемое свойство *жизни*. И поэтому в непосредственной этимологической репрезентации все «бездуховное» становится «безжизненным». Если экстраполировать этот принцип понимания на проблемы нравственности, то духовность оказывается тем источником, который сообщает ей жизненное содержание и наполнение. Фундаментальное свойство жизни заключается в движении (в собирательном смысле слова). Поэтому духовная нравственность – это уже, как минимум, *бытие процессуальное*, исключаящее какую-либо «косность и статику». На этой исходной предпосылке строится

основная интенция в понимании духовности как феномена человеческой жизни. Понимаемая как движение, она открывает пространство для актов его целеполагания. Это не движение в никуда, не «движение ради движения», по хаотическому или циклическому сценарию изначальной предзаданности, что можно наблюдать, например, в природе.

Человек, выражаясь языком Мартина Хайдеггера (1899-1976), отличается способностью к *актам вопрошания* в познании окружающего бытия, способностью в него всматриваться, экзистенциально в нем присутствуя [234, с. 7]. Отсюда жизнь как движение приобретает *телеологический, направленный* характер. И аналитика моего «тут-бытия» (Dasein М. Хайдеггера) предполагает фундаментальную «разомкнутость» моего присутствия в мире [234, с. 12]. Этот хайдеггеровский терминологический инструментарий позволяет весьма аутентично передать основной интенциональный ряд в интерпретации феноменологии духовной нравственности. Здесь заложена та посылка, из которой дедуцируются такие ее основные свойства, как принципиальная «открытость» (разомкнутость) и «направленность». Первичная инстанция формирования духовно-нравственных процессов локализуется в Я-структурах, и из этого проистекает также ее *личностный характер*.

Таким образом, можно вывести три основных свойства духовности, понимаемой как «жизнь»:

- *личностность,*
- *открытость;*
- *устремленность (направленность).*

Этим трем составляющим противостоит:

- *обезличивание;*
- *фундаментальная закрытость;*
- *отсутствие цели.*

С этой точки зрения нравственность, понимаемая как «установленный обычай, норма», кардинальным образом отличается от *нравственности духовной*.

Приоритет обычая подчас способен человека «обезличить», превращая нравственность во «власть большинства». И суммарная артикуляция тех или иных правил поведения может поставить жизнь человека на «поток производства».

По этим причинам не представляется целесообразным рассматривать духовно-нравственную жизнь как продукт той или иной институционализации, что, в частности, касается и Церкви. И вопреки устоявшимся обычаям трактовать ее в сугубо церковном русле, следует отойти от этой традиции во избежание каких-либо предпосылок монополизировать духовную нравственность, и поставить ее на грань потери своей универсальности. Доступ к духовной нравственности открыт каждому, а не только религиозно и церковно мотивированному – в этом основная ценность и оправданность настоящего подхода к ее интерпретации. Однако Церковь сконцентрировала в своих руках вековой опыт передачи ее ценностного содержания, отсюда целесообразно обратиться к такому наиболее яркому средству выражения духовно-нравственных норм, как *церковно-певческая культура*. Но важно отметить, что Церковь в этом смысле представляет собой лишь инструмент, но никак не самодовлеющую цель.

Духовность не является атрибутом той или иной институции и даже социальной среды. В них заложена лишь область некоторых предрасположений. В противном случае придется столкнуться с тем, что может рассматриваться как «механизм репрессирования», и это, как минимум, обернется неаутентичностью человеческих отношений, при которых сформируется разлом на «Я для себя», и «Я для других». Такая нравственность окажется далека от «высокого и благородного», генерируя в человеке банальное стремление к «выживанию» и «замыканию на себе». Говоря о цивилизации как истории репрессий, один из выдающихся неомарксистов Франкфуртской школы Герберт Маркузе (1898-1979) в свое время выдвинул два фундаментальных понятия – «Эрос» (греч. ερως, «любовь») и «Танатос» (от греч. θανατος, «смерть»). В своем известном труде «Эрос и цивилизация» (1955) он писал о недобровольности, которая «воспроизводит себя в душе человека как авторепрессия подавленного индивида» [144, с. 20]. И в результате этого подавления формируется «одномерный человек»

с ограниченным мировоззренческим рядом. «Танатосу» подавления противолежит «Эрос» жизни.

И с точки зрения тех трех свойств духовности, которые нами выведены из этимологического и семантического состава данного понятия, можно говорить о некоторых способах их внешнего проявления. *Личностный характер* предполагает способность к межличностному конституированию совместной реальности при умении одной личности считаться с запросами и интересами другой. В этой парадигмальной плоскости уже не столько речь идет об отдельных «Я-устремлениях», сколько о «Мы-тождестве», где человек сопричастен другим. М. Хайдеггер писал: «На основе совместного бытия-в-мире мир есть всегда уже тот, который я делю с другими. Мир присутствия есть совместный мир. Бытие я есть со-бытие с другими» [234, с. 118]. «Деление мира с другими» является ключевой производной личностных начал в духовно-нравственном сознании. Второе такое качество, как *целенаправленность*, генерирует в человеке устремленность к фундаментальным основаниям бытия, при которой внимание к вещам преходящего ряда ценностно девальвируется. Отсюда нередко *человек духовный* характеризуется таким свойством, как *созерцательность*. Такая внешняя отрешенность, впрочем, отнюдь не идентична безучастности.

Наконец, «разомкнутый» характер духовно-нравственного сознания предзадает формирование такой парадигмы, как *стратегия отказа от стремления к обладанию*. Еще один яркий представитель неомарксизма Франкфуртской школы Эрих Фромм (1900-1980) провел с этой точки зрения очень важную антиномию между «иметь» и «быть». Модус обладания – это «такой способ существования, который превращает все вещи и всех людей в неодушевленные объекты. Субъектом являюсь не “я как таковой”, а “я как владелец того, чем я обладаю”» [229, с. 121]. «Обладатель» мыслит себя в модусе «уже», а не «еще». Он не способен «вопрошатель бытию», будучи «замкнутым на себе», откуда такое выражение, как «твои проблемы меня не интересуют», становится весьма симптоматичным. Окружающий мир рассматривается как объект обладания и территория конкурентной борьбы с другими обладателями. В

этом модусе мышления нет «жизни», «свободы» и «дыхания». Такая установка сознания «не живет», она нейтрализована фатальной связью человека с его желанием иметь как можно больше.

Отсюда с точки зрения духовности очень важен отказ от стремления к обладанию не *только как в качестве субъекта, но и в качестве объекта*. Нередкий призыв «смотреть только на себя, не думая о других», равно как и добровольное самопожертвование себя в угоду другим в виде какого-либо альтруизма – это оборотная сторона того же «обладания». Субъект духовно-нравственной жизни отнюдь не беспечен в своих устремлениях, не думая о том, какими могут быть последствия его «благородства». Они в итоге могут генерировать в других «Я» лишь большее чувство собственности. Поэтому *отказ от стремления к обладанию не идентичен отказу от самого обладания*.

Духовно-нравственное действие всегда конфигуративно, имея комбинированный направленный характер, и его состав диктуется отношением двух своих оснований – *мировоззренческая интуиция и конкретная ситуация*. В пространстве нравственных решений, плюралистичность которых нами отмечалась в части философского анализа, присутствует как «территория согласия» или «отстранения», так и «территория противостояния». Поэтому вопреки распространенному представлению, духовность – это далеко не всегда «дух мирен». Дисбаланс межсубъектных отношений с последующей децентрацией создает предпосылки к формированию «противодуховности», что требует своего преодоления априори самого вопроса. Конечно, изложить всю концепцию духовной нравственности во множестве ее конфигураций и проявлений вряд ли представится возможным. В рамках настоящего анализа можно лишь ограничиться изложением ее *теоретических основ* с краткой характеристикой основных интенций духовно-нравственного сознания.

Последнее, на что хотелось бы обратить внимание, - *социальное и воспитательное значение концептуальных основ духовной нравственности*, что заявлено нами в названии данного параграфа. Живая историко-культурная интерактивность человеческих отношений, реализуемая с помощью *трансляции и*

рецепции накопленного опыта, выражает межсубъектный план со-присутствия людей друг другу. Духовно-нравственные ценности способны как транслироваться, так и интериоризироваться с возможностью включения их в поле своего личного жизненного опыта (ср. «третий закон» Л. С. Выготского) [44, с. 224]. Воспитательный потенциал духовно-нравственных констант реализуется в многогранном процессе передачи в виде знаний и умений самого *мировоззренческого опыта*, который способен человека «насыщать». И есть все основания констатировать, что именно духовная нравственность способна служить тем «соединительным инструментом», тем праславянским «*narv**», который составляет жизненный фундамент в отношении человека к миру и людей друг к другу.

Вопросы социальной самоидентификации имеют прямую корреляцию с педагогической наукой. Взаимодействие педагога и ученика, базирующееся на духовно-нравственных основаниях, воспроизводит весь представленный нами выше концептуальный базис. Педагог, транслируя ученику социокультурный и общечеловеческий опыт, обращенный к его личностной самоидентичности, реализует весь свой воспитательный потенциал в парадигмах *взаимного диалога* и стратегии *отказа от стремления к обладанию*.

Выстраивая отношения с учеником в духовно-нравственном дискурсе, педагог организует свое интерактивное пространство на принципах «фундаментальной открытости» обучаемому. Тем это становится актуальнее в вопросах отношения традиционного и современного, институционального и индивидуального, этического и эстетического. В настоящем случае речь идет о такой области корреляции этих антитез, как *музыкальная* и, в особенности, *хоровая педагогика*. Одним из наиболее продуктивных средств реализации воспитательного потенциала педагога-музыканта с этой точки зрения представляется традиционная для нас церковно-певческая культура, способная транслировать опыт предшествующих поколений в своем герметизированном и потому наиболее аутентичном виде. Сакральный художественно-эстетический инструментарий христианской и, в особенности, Православной Церкви позволяет

обогащать творческий и когнитивный потенциал хоровых коллективов. Отсюда следующая задача настоящего исследования будет заключаться в выявлении и описании сущностных характеристик духовно-нравственного воспитания средствами церковно-певческой культуры в процессе хоровой деятельности.

1.2 Сущностные характеристики процесса духовно-нравственного воспитания участников хоровых коллективов средствами церковно-певческой культуры

«Научить человека искать себе средства для наслаждений (эвдемонизм, эпикуреизм) значит обманывать человека и заставлять его накачивать данаидову бочку; научить человека пренебрегать наслаждениями и страданиями и искать выше всего свободы (стоицизм) значит тоже обманывать человека и гнать его в безбрежную пустыню; но дать человеку деятельность, которая бы наполнила его душу и могла бы наполнять ее вечно, – вот истинная цель воспитания, цель жизни, потому что цель эта – сама жизнь»
К.Д. Ушинский [222, с. 373].

Говоря о духовно-нравственном воспитании, возникает необходимость прояснения того смысла, который вкладывается в этот термин и каковы границы его применения в педагогической науке. Ближайшая его понятийная артикуляция соответствует концепту «взрачивания», «насыщения». И в качестве отдельного большого раздела педагогики как науки под «воспитанием» понимается трансляция социокультурного и ценностно-мировоззренческого опыта, составляющего базис формирования и развития личности, что подразумевает передачу того содержания, которым мы эту личность «насыщаем». Коль скоро речь заходит о духовной нравственности, то воспитательный вектор ее педагогической реализации определен ее же фундаментальными качествами, которые мы в предыдущем параграфе обозначили как *личность, открытость и устремленность*.

Эти три качества в воспитательном процессе репродуцируют себя в виде таких трех его параллелей, как *обращение к личности участника, отказ от стремления обладать им и направление его сознания к целям высокого порядка*. Из этой ключевой посылки, которая, как мы увидим далее, пройдет красной нитью через все пространство нашего эксперимента, проистекает важная для нас *диалогичность воспитательного процесса* в области духовной этики. И вопреки весьма распространенным авторитарным коннотациям, с которыми нередко ассоциируется сам термин «воспитание», понимаемый как процесс

односторонний, нам следует отметить, что он имеет гораздо более гибкие и подвижные концептуальные основания, тем более, когда речь идет о реализации его в условиях нашей современности.

Нельзя не отметить, что в ситуации довольно устойчивого запроса на *права и свободы* авторитарные модели обучения и воспитания сталкиваются с заметным сопротивлением, и поэтому в значительной мере отходят в прошлое. Обратной стороной этого достаточно остросюжетного с точки зрения педагогики процесса является ценностная девальвация и той парадигмы, которую можно обозначить под концептом «доброго гуманного отношения». Даже этот «позитивный» стиль педагогической работы в настоящее время не вполне способен служить надежным мотиватором развития, т.к. в нем подчас уже не усматривается ничего особенного, и он подразумевается сам собой. Ценность той или иной интерактивной парадигмы обеспечивается наличием ее антипода (авторитарно-диктаторское – гуманистическое), а при его устранении, цена самой парадигмы также снижается. Отсюда реализация воспитательных проектов в условиях современности представляет собой *многофакторное пространство*, открывающее целый комплекс причин и их возможных следствий.

Богатство такого феномена, как воспитание, пожалуй, неисчерпаемо и своего финального завершения не имеет. Так или иначе, человек на протяжении всей своей жизни соприкасается с такими ситуациями, которые оказывают воздействие на его мировоззренческий и познавательный потенциал. Но как сфера педагогической деятельности воспитание имеет *целенаправленный организованный характер* и требует определенной связи с теми или иными особенностями ее условного адресата. Первое в числе этих особенностей, что обращает на себя внимание, – *принцип стадийности, «фазности» развития* [134, с. 157], чему соответствует *возраст человека*.

Хронологических рамок, позволяющих установить, где заканчивается воспитание и к представителям какого возраста оно применимо или же нет, никто так до конца и не определил. Все рассуждения на эту тему имеют весьма условный характер. Поэтому с возрастными параметрами данный раздел

педагогики связан довольно опосредованно, несмотря на то, что в большинстве случаев, конечно же, подразумевается работа с молодым поколением. Но нельзя не учесть и того обстоятельства, что участники различных хоровых коллективов представлены в чрезвычайно широком возрастном диапазоне, нередко включая также поколение и пожилых людей, в отношении к которым вести речь собственно о воспитании становится не вполне целесообразным.

Отсюда за основу в определении адресата, на которого направлено воспитательное воздействие средствами церковно-певческой культуры, берется тот регистр возрастных групп, который «усредняет» состав участников. Это «усреднение» выдвигает на передовые рубежи педагогической работы критерий *зрелости*. И с данной точки зрения для нас важны два условия: с одной стороны, достижение субъектом относительной самостоятельности и устойчивости его взглядов и оценок (юность – 17-21 год) [24, с. 294]; и, с другой стороны, наличие многих неразрешенных противоречий, чему соответствует «первый этап среднего возраста» (21-35 лет – в частности, по классификации Академии пед. наук СССР, 1965) и несколько далее – до 40 лет. Такой распространенный термин, как «кризис среднего возраста» Э. Эрискона [251], в наибольшей степени отвечает целесообразности нашего выбора.

Отсюда возрастной диапазон включает в себя период от юности до наступления кризиса на исходе первого этапа среднего возраста. Локализация этих возрастных фаз имеет довольно размытые границы, и различия между субъектами достигают порой нескольких лет. А с учетом современных тенденций к замедлению зрелости и продолжительной инфантильности [90, 95, 117, 189] возникает необходимость к некоторому сдвигению этих границ вперед.

Таким образом, состав участников может быть сформирован исходя из данных предпосылок, и, соответственно им, возрастной диапазон в настоящем случае простирается от 19 до 45 лет. В работе со старшим сегментом (приблизительно от 25-30 лет и выше) речь идет об андрагогических аспектах духовно-нравственного воспитания. Исходя из состава трех групп (пар. 2.1), которые примут участие в нашем эксперименте, где заметно преобладает

«старший» сегмент (от 25 лет), проведем нашу условную демаркационную линию на уровне 30 лет. Это предполагается сделать для более доступной классификации участников и большей между ними «усредненности». Так или иначе, до 30 лет не фиксируется значительных качественных трансформаций личности относительно более молодого возраста по сравнению с тем, какой она представляется к 40-45 годам. Таким образом, возраст до 30 лет будет нами рассматриваться как «младший» сегмент участников, после 30 – как «старший». В диапазон воспитательных задач в отношении к представителям данной группы входит много исследовательски значимых проблем: согласование преподносимого материала с жизненным опытом самих его реципиентов, устранение возможных накопившихся противоречий, выработка способности ставить подобные вопросы в верном ключе с поиском их самостоятельных решений и прочее.

Совместность пребывания в одной группе лиц юного возраста и людей более зрелых позволяет обеспечить взаимообмен, при котором младшим участникам открывается область осмысления возможных перспектив, а старшие могут осуществлять рефлекссию с возвратом в сферу прожитого, что способствует расширению горизонтов самопознания в будущем. Поэтому вполне оправданным представляется «усреднить» возрастной состав участников, исходя именно из этих соображений. Отсюда содержание «сущностных характеристик процесса духовно-нравственного воспитания», которые нами заявлены в тематике данного параграфа, в значительной мере определены возрастным фактором и имеют к данным группам *универсальный план своего педагогического применения*, подразумевая лишь чередование акцентов в составе проведения тех или иных экспериментальных мероприятий. Однако этим содержание характеристик, конечно же, не исчерпывается.

Коль скоро речь идет об участниках хоровых коллективов, то вторая важная составляющая отвечает *профессиональным навыкам и умениям в сфере хорового исполнительства*. С этой точки зрения представляют интерес две разные по своей специфике категории, которые с заметной долей условности можно обозначить как *любители и профессионалы*, т.е. лица, имеющие отношение к специальной

вокально-хоровой подготовке (либо получившие ее, либо находящиеся в процессе ее приобретения). Первая группа по очевидным основаниям представляет собой *религиозно мотивированный* сегмент участников, поскольку интерес к церковному пению на любительском уровне подразумевает наличие такой мотивации. Во втором случае преобладают *мотивация профессиональная*, при которой религиозная, конечно, никак не исключается, но и не является необходимо подразумеваемой.

В этом кратком описании предполагаемого адресата духовно-нравственного воспитания средствами церковно-певческой культуры содержится экспликация самих условий, в которых этот процесс реализуется. Данная рекурсия оказывается для нас важной в качестве внешней границы, и в ее пределах речь идет о духовно-нравственном воспитании в аспекте тех его имманентных внутренних характеристик, которые могут нами быть отнесены к разряду «сущностных».

Из чего следовало бы вывести состав этих характеристик? Как они согласуются с теми потенциальными участниками, которые нами выбраны? Имеется два сегмента – «духовно-нравственное воспитание» и «церковно-певческая культура». Поскольку речь идет о богослужебном пении как средстве передачи норм духовной этики, то перед нами стоит задача установить связь между одним и другим, т.е. *корреляцию духовной нравственности с церковным пением*. Теоретическая предпосылка, проливающая свет на данное соотношение, заключается в том, что воспроизведение богослужебно-певческого репертуарного наследия, как и любой другой вид искусства, транслирует реципиенту то или иное внутреннее содержание, под которым подразумевается соответствующая творческому произведению *идея, настроение, эмоционально-художественный ряд*, те или иные *смысловые стороны восприятия* и прочие производные. Отсюда церковное пение мы можем рассматривать как *эстетический коррелят духовной нравственности*, ее внешний эмпирический выразитель.

На данных этико-эстетических основаниях формируется также *аксиологическая составляющая* процесса духовно-нравственного воспитания, способная синтезировать эти позиции воедино. Данная сторона воспитательного

процесса оказывает влияние на *ценностно-мировоззренческий потенциал* участника, при котором генерируется способность к установлению гармоничной связи между внутренним этическим содержанием и внешними формами его эстетического выражения. Формируется тот интуитивный ряд, который позволяет участнику выявлять наличие или же отсутствие этой гармоничной связи.

Телеологичность духовно-нравственного воспитания средствами церковно-певческой культуры продуцирует и такое его качество, как *когнитивность*, т.е. всестороннее осмысление этих двух базовых составляющих. Данный компонент воспитательного процесса имеет особое местоположение в его структуре, охватывая собой все теоретические стороны духовно-нравственного воспитания, о чем будет сказано далее. Когнитивный план работы существенно обогащает формирующийся этико-эстетический и аксиологический синтез. Без когниций (от лат. *cognitio* – «познание») достижение поставленных воспитательных целей будет иметь неотрефлексированный характер, что может повлечь за собой недостаточную осознанность в отношении к предлагаемому участникам материалу.

Данный теоретический синтез во всей совокупности своих сторон воспроизводит себя и в практике вокально-хорового исполнительства, оказывая, таким образом, влияние на *компетентностную сторону* духовно-нравственного развития участников хоровых коллективов. В основе совместности их исполнительских действий, включая *интонацию, штрих, нюанс, темпоритм*, способность корректировать *тембральную окраску звукоизвлечения*, исходя из конкретной ситуации, лежит, прежде всего, *интерактивно-коммуникативный аспект творческого взаимодействия*. Отсюда одной из важнейших составляющих духовно-нравственного воспитания является выработка *предпосылок к формированию у участников творческой эмпатии* друг к другу и способности к совместной эстетической трансляции в социокультурное пространство духовно-нравственных ценностей, что также предполагает наличие эмпатии в отношении к слушателю.

Исходя из таких концептуальных позиций, выводятся *следующие характеристики процесса духовно-нравственного воспитания*, которые можно было бы отнести к разряду «сущностных»: 1. внутренний план духовной нравственности (этика); 2. его внешняя художественная экспликация (эстетика церковного пения); 3. ценностно-мировоззренческий синтез (аксиология); 4. мыслительно-познавательная сторона (когнитивный план); 5. вокально-хоровое исполнительство (компетентностный план) и 6. наличие связанной с ним творческой эмпатии (коммуникативно-интерактивный план). Наряду с содержательными компонентами также целесообразным представляется выделить их формальную сторону: духовно-нравственное воспитание как процесс имеет свою *подвижность и направленность*, из чего проистекает 7. *принцип стадийности и последовательности*, при котором материал преподносится в соответствии с внутренней логикой своего самораскрытия.

Итак, в состав духовно-нравственного воспитания средствами церковно-певческой культуры следует поместить *семь сущностных характеристик*, разделяемых на два плана – *внутренний теоретический* и *внешний практический*. Во внутреннем сегменте представлена *этика, эстетика, аксиология, когнитивный план*. В практическом – *компетентностно-исполнительские и интерактивно-коммуникативные аспекты* духовно-нравственного воспитания и развития участников. *Последовательность воспитательного процесса* также помещена в регистр практических аспектов его реализации, представляя собой универсальную педагогическую методологему. Кратко рассмотрим каждую характеристику в отдельности.

В части реализации этической составляющей перед педагогом стоит задача раскрыть сущность и содержание нравственности как феномена человеческой жизни. Важное место отведено артикуляции принципиального отличия *нравственности обычной* от *нравственности духовной*. Социальные истоки нравственного *этоса*, как «устоявшегося обычая» сообщают им свойство значительной плюралистичности и вариативности, что нами отмечалось в параграфе 1.1. Этой парадигме «социальной преобусловленности» противостоит

поиск фундаментальных оснований бытия, покоящихся на своей беспредпосылочности и доступности каждому отдельно взятому индивидууму, из чего проистекает концепт принципиальной личностной открытости человека окружающему миру и его познанию. Отсюда важной составляющей артикуляции в отношении «духовного» и «светского» представляется отсылка к такому явлению, как институционализация. Ключевым является тезис, в соответствии с которым ни одна институциональная принадлежность не способна обеспечить человеку не только духовно-нравственного развития, но и нравственности как таковой. Преимущества института заключаются лишь в том, что он способен аккумулировать тот исторический и социокультурный опыт, который затем на организованном уровне им транслируется в дальнейшее пространство, передаваясь из поколения в поколение. Это обстоятельство и обращает нас к церковно-певческой культуре. Церковь, как институт, также способна осуществлять передачу духовно-нравственных норм, облекая их в вероучительно-дидактическую и эстетическую ткань.

Однако важно отметить, что субъектом духовной этики является *личность конкретного человека*, но никак не институт, с которым эта личность связана. Основная задача духовно-нравственного воспитания – выработка устойчивой духовной и этической позиции, позволяющей оценивать те или иные ситуации с возможностью их собственной трактовки. Один из известных христианских мыслителей русского зарубежья, видный представитель педагогической антропологии, священник Василий Зеньковский (1881-1962) писал: «Поскольку дело воспитания свободно в постановке своих задач, постольку оно не стеснено тем, что ему навязывается обществом или государством, оно всецело обращено к личности ребенка. В этом смысле понятие личности является основным и центральным понятием педагогики... Любая программа воспитания должна быть такой, чтобы навыки и знания не внешне, не механически закреплялись в личности, но связывались с ее внутренним содержанием, с ее внутренней жизнью» [66, с. 148].

Эстетический компонент духовно-нравственного воспитания направлен на формирование художественного вкуса и выработки способности суждения о Прекрасном. Поскольку речь идет о корреляции с духовной нравственностью, о которой достаточно подробно написано в параграфе 1.1, на вопросах эстетики остановимся подробнее. Ключевой категорией является Прекрасное, репрезентирующее собой сакральный план бытия, почему в отношении к религиозному искусству об этом становится возможным говорить в первую очередь. В диапазон предметного рассмотрения входит ключевой вопрос того, располагаем ли мы «объективным критерием» этого Прекрасного или же это вымышленная мифическая конструкция и то, что прекрасно для одного, вполне может быть безобразным для другого? Подход к проблеме общности эстетических вкусов был поставлен еще немецким философом, который считается основателем эстетики как гуманитарной области, Александром Баумгартеном (1714-1762). Данный мыслитель ввел в оборот термин «эстетика» (1735), происходящий из греческого, αἰσθητός («воспринимаемый чувствами»). Речь идет не о факте чувственного восприятия, а о высших его формах, способных транслировать Прекрасное. Но что это такое? Критерием художественно-эстетического совершенства по А. Баумгартену является «единство в многообразии» и их внутренняя согласованность: «Если многие элементы, взятые отдельно, образуют достаточное основание для единства, то они согласуются» [10, с. 16]. А. Баумгартен понимал эстетику как «расположение души к изящному мышлению» и «богатству содержания» [10, с. 20, 31].

Согласованность имеет как свой внутренний план (произведение), так и внешний (согласие реципиентов между собой). Касательно общности эстетических вкусов также писал Иммануил Кант (1724-1804) в своей «Критике способности суждения» (1790): «Ведь он (человек) не должен называть его (предмет) прекрасным, если он нравится только ему. Много для него может быть привлекательным и приятным – никому до этого дела нет; но если он выдает нечто за прекрасное, то он от других ожидает того же самого удовольствия; он судит тогда не только за себя, но и за каждого, и говорит тогда о красоте так, как

если бы она была свойством вещей... и в этом смысле нельзя сказать, будто вовсе нет никакого вкуса, т.е. никакого эстетического суждения, которое по праву могло бы притязать на согласие всех» [105, с. 155]. Таким образом, художественный вкус представляет собой «территорию согласия» между субъектами эстетического восприятия. Это – общее суждение вкуса, из которого проистекает такое фундаментальное свойство эстетики, как *способность объединять* субъектов этого суждения.

Зачем нужно данное «объединение», коль скоро «все люди свободны и вправе сами выбирать, с кем и с чем им “объединяться”?» Как уже было отмечено, духовная нравственность рассматривается как фактор фундаментальной «открытости», что подразумевает обретение общего эстетического фундамента в пространстве межсубъектности. Без этого состояния создаются предпосылки к *отчуждению личности в сторону «обладания»* («своей правдой», «своим вкусом» и т.д.), а не *«бытия»* (как модуса «открытости»). В отчуждении человеку становится свойственным себя противопоставлять условным «остальным» уже не столько с точки зрения «объективности», сколько в порыве желания подчеркнуть свою независимость.

Тем не менее, в аспекте духовно-нравственного воспитания Прекрасное не рассматривается в качестве «объективного». По этому поводу выдающийся неокантианец Баденской школы Генрих Риккерт (1863-1936) отмечал: «Включение субъекта в причинную связь объектов, по-видимому, совершенно уничтожает идею того, что придает нашей жизни значение, глубину, величие. Объективизм превращает мир в совершенно индифферентное бытие, в лишенный какого бы то ни было значения процесс, о смысле которого невозможно спрашивать» [184, с. 18-19]. Прекрасное, наполняя нас смыслом и глубиной, всегда предпосылочно, «просвечивая» себя через субъекта своего восприятия. Поэтому, когда речь идет об «объективности Прекрасного», то под этим подразумевается не «объективность» как «беспристрастный взгляд», не отчужденность объекта от субъекта, а, скорее, *онтологическая суверенность*.

Категория Прекрасного является художественным инвариантом, определяющим сознание субъектов. Как отмечал Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770-1831), Красота – это не «рассудочная абстракция»: «Красота есть конкретное внутри себя абсолютное понятие или, говоря более определенно, есть абсолютная идея в адекватном ей проявлении... Абсолютная идея есть абсолютный дух, определяющий из самого себя, что поистине есть истина» [53, с. 100]. Отсюда, формирование эстетического вкуса трактуется как «возврат к себе» субъекта через свое «самостояние», что в сфере духовно-нравственного воспитания приобретает свою особую значимость.

Эстетика церковного пения имеет большое жанровое разнообразие и соответствующую ему художественную характерологию. В качестве иллюстрации, чтобы воспроизвести сам контекст, обозначим основные исторические вехи его эволюции. Древнейший слой формирования церковно-певческого искусства представлен такими традиционными для Русской Церкви стилями, как *знаменное одногласие* (начиная с XI века), *троестрочие*, *демество*. По своей эстетической направленности они отличаются *созерцательностью и монотонностью*. В XVII столетии богослужебное пение претерпевает значительные трансформации под польско-украинским влиянием, в результате которого формируется аккордовая вертикаль (*партесное пение*) и затем *церковное барокко* в виде сложнейших полифонических комплексов (XVIII век).

Классическими тенденциями и гармонизованным синтезом богослужебной музыки с народными ладовыми традициями ознаменовался XIX-XX вв. В этот период также появляется ряд авторских произведений. Эти «трансформированные стили» отличаются высокой степенью своей эмоционально-художественной выразительности, в отличие от древних традиционных направлений. Исторический блок будет представлен в параграфе 2.2 с подробным тематическим описанием. Почему это важно рассматривать в контексте эстетической части духовно-нравственного воспитания? Такой широкий арсенал средств художественной экспликации свидетельствует об *открытости церковно-певческого искусства всем слоям эстетического восприятия* – как умно-

созерцательной направленности, так и эмоционально-подвижной. Отсюда можно утверждать, что характерология жанров церковного пения имеет под собой выраженные *антропологические основания*. Знакомство с историей богослужебного пения предусмотрено когнитивной стороной воспитательного процесса, о чем речь впереди.

Как видим, церковно-певческая культура способна транслировать духовно-нравственные ценности в своих различных художественных модификациях. Как история, так и теория богослужебной эстетики представляет собой важный раздел воспитательного процесса на его когнитивном уровне. Принцип сочетаемости этики и эстетики в составе богослужебного репертуара представляет собой следующую ступень характеристик духовно-нравственного воспитания, под чем подразумевается способность устанавливать *гармоничное созвучие этического и эстетического* планов в их синтетическом единстве.

С этой точки зрения на передовые рубежи воспитательного процесса выступает *проблематика мировоззрения и ценностей*, о чем также скажем кратко. Данный аспект вопросов имеет *аксиологическую направленность* (от греч. αξιος – «ценный, достойный» и λογος – «учение»). Очень важный для нас термин «аксиология» переводится как «учение о ценностях». Вышеупомянутый Генрих Риккерт рассматривал ценности как *суверенную онтологическую категорию*, которая, репродуцирует себя во всех явлениях культуры [184, с. 54-55]. Как и Прекрасное, так и отражающие его ценности «просвечивают» человеческую личность, предпосылая ей траекторию ее формирования и развития.

Аксиологические интенции духовно-нравственного воспитания ставят на повестку проблему *синтезирования внутреннего содержания и внешней формы его выражения*. В диапазон воспитательных задач на данном этапе входит выработка способности к установлению совместимости внешних форм выразительности (как поведенческой, так и творческой) с категорией Прекрасного. С другой стороны, представляется не менее важной также способность устанавливать эту связь в составе церковно-певческой культуры между духовной нравственностью и теми или иными параллельными ей музыкально-

эстетическими решениями. Наибольшую педагогическую релевантность на этой ступени воспитательного процесса приобретают вопросы, направленные на выяснение того, каковы границы новаторства в богослуженной пении и что вписывается или же не вписывается в диапазон эстетически допустимого в этом художественном секторе.

Следующая характеристика процесса духовно-нравственного воспитания представлена в *когнитивных аспектах его реализации*. Она отличается своей *универсальностью*, будучи внедряемой на самых различных этапах воспитательного процесса. В когнитивный спектр задач в нашем случае входит освоение концептуальных основ духовной нравственности, ее корреляции с областью художественно-эстетического выражения, с церковными жанрами и прочими компонентами, включая ценности. В области анализа применения когнитивных инструментов следует также отметить одну принципиально важную особенность: в духовно-нравственных когнициях представлено два сегмента – *статический и динамический*, то есть теория (структура предмета) и история (его формирование и развитие). Исходя из этого, можно говорить как о теории духовной нравственности, так и проводить обзор эволюции этических концепций. Отвечая тенденции к всестороннему осмыслению, когнитивный принцип распространяется и на проблему церковно-певческой *эстетики*, которая также рассматривается в двух своих тематических ракурсах – *теоретическом и историческом*.

Когнитивные аспекты воспитательной работы апеллируют к ценностям, генерируя способность участника к самостоятельной рефлексии, что позволяет отдаляться от частных, каких-либо текущих проблем, а также открывать стратегический план осмысления окружающей действительности и своего местоположения в ней. И третий тематический ракурс (наряду с теоретическим и историческим) будет нами обозначен как *рефлексивный*, о чем будет подробно сказано при описании реализации формирующего этапа (пар. 2.2). Принцип когнитивности наделен особым педагогическим статусом, будучи полезным не только для рядового участника воспитательного процесса, но и для субъекта его

проведения. В самом начале параграфа отмечалось наличие в современном образовательном пространстве одной важной проблемы – поиска педагогических стратегий, которые могли бы обладать ценностным потенциалом. Авторитарно-диктаторский (классический) тип педагогической деятельности стремительно уходит в прошлое. Обратной стороной этого процесса является ценностная девальвация гуманистических принципов, которые некогда служили достойной альтернативой, находившейся в цене. Устраненным оказался тот антипод, который позволял оценивать принципы гуманизма по достоинству. Перед педагогом современности стоит непростая задача повышения ценности духовно-нравственного воспитания, которому, исходя из такой «логики бинарности», необходимо найти свой антипод. В осуществлении данного поиска ключевую роль играет соотношение *фактического* и *деонтологического* – того, что «есть», и того, что «должно быть».

Основной посылкой в проведении такого поиска служит констатация того, что современный мир в основной своей массе представляет собой «территорию времяпрепровождения» с обилием тех или иных коммуникативных и развлекательных мероприятий, позволяющих «не думать о проблемах». Цена развлечения обеспечивается наличием *проблемы* как его антипода – как видим, механизм идентичен. И желание отвлечься от тех проблем, которые необходимо решать, производя какие-либо усилия и преодолевая преграды, оборачивается банальным «убиванием времени». Это как раз тот случай «движения в никуда», о котором шла речь в части рассуждений о направленном характере духовной нравственности. Итак, *модусу бесцельности* в качестве его антипода противостоит *модус устремленности*. Чем он может быть мотивационно укреплен?

Это может, на первый взгляд, показаться парадоксальным, но в качестве основного когнитивного инструмента решения образовавшейся проблемы может использоваться вовлечение участников воспитательного процесса в орбиту фундаментальной «игры человечества» с последующей трансформацией этого

состояния. Как средство (а не самодовлеющая цель) «игра» во многом способна содействовать формированию мотивационных импульсов.

Эта позиция отчетливо перекликается с концепцией Дэвида Макклеланда (1917-1998), выдвинувшего ряд мотивационных оснований, двумя из которых являются «мотив достижения» и «мотив аффилиации» [141], о чем скажем несколько слов в параграфе 1.3 при разработке модели духовно-нравственного воспитания. Наряду с «убиванием времени» (один из мотивационных факторов по Ф. Херцбергу [237]) в современном человеке присутствует и другой запрос – желание собой кого-то представлять в пространстве окружения (ср. также «иерархию потребностей» выдающегося теоретика мотивации Абрахама Маслоу). Парадигма постструктуралистского деконструктивизма, где девальвируется как центральное, так и периферийное, как главное, так и второстепенное, *не обретает в интерактивном пространстве современности своей подлинной онтологической основы.*

Духовно-нравственное воспитание, понимаемое как монотонный односторонний процесс преподнесения знаний, навыков и умений, с этой точки зрения может дать обратный результат, либо оттолкнув участника и демотивировав его, либо *же* обернувшись банальным «времяпрепровождением», что не отвечает сути самих заявленных нами задач. Отсюда проистекает *диалогичность процесса* с вовлечением его участников в полемический контекст, что сможет послужить локомотивом развития. Будучи вовлеченным в стихию рассуждений в виде аргументации, опровержения, критики, согласий, возражений и прочего, участник обретает способность расширять горизонты своего мировосприятия, открывая для себя не только локально-тактический, но и стратегический план своей жизни. Как видим, принцип когнитивности имеет очень широкие горизонты своего применения в самых различных областях воспитательной деятельности. Таков теоретический корпус характеристик процесса духовно-нравственного воспитания, представленного *этикой, эстетикой, мировоззренческими ценностями и когнициями.*

Дадим краткое описание и практическому блоку характеристик. Нами выявлен следующий их состав: *компетенции* в виде знаний, исполнительских навыков и умений, а также их реализация на основе *интерактивности и творческой эмпатии*. Под «компетенциями» (от лат. *competere* – «подходить, соответствовать») понимается тот круг вопросов, который характеризует общий уровень осведомленности участника. Точкой старта служит умение *интонировать*, то есть воспроизводить звук и последовательность звуков на нужной высоте. Поскольку хоровое творчество предполагает совместность исполнительских действий, то условия ансамбля (от франц. *ensemble* – «совокупность, множество») диктуют необходимость соотносить эти действия с другими исполнителями. Из этой посылки следует ряд совместных творческих производных, к числу которых относится общая манера звукоизвлечения, темпоритмическая синхронность, орфоэпическая слаженность, унифицированное воспроизведение нужного штриха, нюанса и проч.

Принцип эмпатии, наряду с компетенциями, о чем сказано выше, обретает свою чрезвычайную важность в области коллективного творчества и служит ближайшим средством образования того, что в системности и синергетике получило название *эмерджентных качеств* (от англ. *to emerge* – «появляться»), которые вырабатываются в процессе совместного творческого структурогенеза, [20, 103]. Каждой отдельно взятой единице эти качества не присущи, будучи свойственными ей в со-творчестве с другими единицами. В действие вступает принцип «целое больше суммы его частей» [20, с. 117]. При этом важно отметить наличие одной очень важной проблемы с точки зрения духовно-нравственной педагогики: коллектив и совместное творчество не является «зоной личностного отчуждения», при которой субъект пребывает в состоянии открытости духовному лишь «здесь и сейчас», в условиях со-творчества, а вся остальная сфера его жизнедеятельности может менять свое внутреннее содержание. Этот потенциальный «разлом сознания» также призвано преодолеть духовно-нравственное воспитание с помощью когнитивных и рефлексивных средств, о чем речь пойдет в рамках реализации формирующего этапа эксперимента (пар. 2.2).

Возвращаясь к проблеме совместного творчества, отметим, что общий характер музыкального исполнения задается как художественным замыслом самого произведения, так и совместным эмоционально-исполнительским импульсом, в котором этот замысел отображается. Важными с этой точки зрения представляются два аспекта – *выявление смысловых оснований исполняемого песнопения*, а также *способность их воспроизводить на уровне совместных творческих действий*, транслируя слушателю. Отсюда в регистре воспитательных задач появляется необходимость в выработке *творческого понимания и взаимопонимания*. Это качество репродуцирует себя на уровне двух механизмов – *рецепции и трансляции*. Исходящий от творческого индивида художественный импульс способен как восприниматься, так и передаваться другому реципиенту, который, в свою очередь, этому импульсу отвечает и транслирует его далее. Принцип «эмпатичности» (от греч. *εν* (μ) – «в» и *παθος* – «страдание», т. е. «встрадание», «вчувствование»), при котором субъект способен сопереживать другому от его лица, принимая «вовнутрь» переживаний и разделяя их, заложен в основание *совместности исполнительского процесса*. И в ситуации эмпатирования исключаются такие случаи, при которых, скажем, художественный замысел произведения диктует нюанс *piano* и штрих *legatissimo*, но какой-либо из участников вопреки остальным воспроизводит *forte* и *marcato*. Творческая интеракция предполагает и такой аспект, как *коммуникативность*. Она отнюдь не идентична интересам к повседневной коммуникации с обсуждением тех или иных тем. Речь идет о коммуникации в регистре *предметных областей взаимодействия*.

Нельзя не отметить и того, что герменевтический сегмент творческой деятельности направлен не только на участников исполнительского процесса и их реципиентов, но и на вопросы ценностно-художественного осмысления. В духовно-нравственном воспитании средствами церковно-певческой культуры вступают в действие механизмы личностного самоотождествления себя с данной эстетической парадигмой. Это создает предпосылки к формированию художественной самоидентичности творческого актора. Отсюда такое

фундаментальное свойство духовной нравственности, как *«открытость»*, имеет очень широкие горизонты своего применения, простираясь от произведения, слушателей и до участников друг к другу на уровне их со-творчества. Как и всякий процесс, духовно-нравственное воспитание строится на принципах *стадийности и последовательности*, которая представляет еще одну сущностную характеристику, о чем подробнее речь пойдет в части разработки содержания лекций-бесед и мастер-классов в рамках разрабатываемой нами теоретической модели. Данное свойство определяется внутренней логикой раскрытия содержания самого предметного материала, что в основном связано с освещением теоретической и исторической частей по каждому тематическому блоку.

Исходя из выявленных нами сущностных характеристик процесса духовно-нравственного воспитания средствами церковно-певческой культуры, можно вывести и его методологический состав, включающий следующие подходы к реализации воспитательных задач: *системно-деятельностный, когнитивный, аксиологический, антропологический и компетентностный*. Все тематические блоки в той или иной мере предполагают применение данных подходов. Представим сущностные характеристики духовно-нравственного воспитания средствами церковно-певческой культуры в следующей таблице:

Сущностные характеристики процесса духовно-нравственного воспитания средствами церковно-певческой культуры

Характеристика :	Описание:
этическое содержание	Раскрытие сущности и содержания нравственности как феномена человеческой жизни. Обоснование принципиального отличия нравственности обычной от нравственности духовной.
эстетичность	Экспозиция жанров и стилистик церковно-певческого искусства. Сравнительный анализ художественных парадигм в сфере соотношения традиции и современности.
аксиологичность	Формирование ценностно-мировоззренческого синтеза, позволяющего устанавливать этико-эстетические корреляции как в творческой деятельности, так и в области нравственного сознания.
когнитивность	Выработка способности к многогранному и всестороннему осмыслению сути феномена духовной нравственности и его эстетического коррелята в виде церковно-певческой культуры.
компетентностность	Повышение уровня исполнительской деятельности в сфере хорового творчества на материале богослужебных песнопений, состав которых формируется по принципу своей разножанровости.
интерактивность и коммуникативность	Развитие творческого общения, эмпатии и взаимопонимания на основе формируемого в процессе воспитательной работы этико-эстетического и ценностно-мировоззренческого синтеза.
организационная последовательность	Поэтапность воспитательного процесса, диктуемая внутренней логикой раскрытия материала.

Основываясь на том концептуальном базисе, который выведен нами в процессе теоретического исследования, в заключении мы предложим свое определение понятия «духовно-нравственного воспитания средствами церковно-певческой культуры». Итак, духовно-нравственное воспитание средствами церковно-певческой культуры представляет собой систему организованных мер, реализуемых с помощью хорового богослужебно-певческого репертуара и направленных на формирование ценностно-мировоззренческой позиции участника с соответствующим ей этико-эстетическим рядом, который основан на таких фундаментальных качествах духовной нравственности, как «личностность», «открытость познанию мироздания» и «устремление к высшим основаниям бытия».

Данная дефиниция, как и тот теоретический материал, который представлен, предполагает разработку модели их педагогической реализации, что и составляет содержание следующего параграфа.

1.3 Теоретическая модель духовно-нравственного воспитания участников хоровых коллективов средствами церковно-певческой культуры

Построение модели духовно-нравственного воспитания в рамках хорового творчества диктуется целым рядом имплицитных факторов, обнаруживаемых в интенциональных структурах самой духовной нравственности, с одной стороны, и ее корреляции с вокально-хоровым исполнительством, с другой. В значительной мере этому вопросу уделено внимание в предыдущем параграфе, где выявляется и определяется состав сущностных характеристик духовно-нравственного воспитания. Данная сторона вопроса представляет собой содержательный план предполагаемой модели. Но поскольку речь идет о процессуальности ее реализации, то наряду с содержательной стороной воспитательного процесса констатируется необходимость наличия и других ключевых позиций, связанных с несколькими проблемами. К их числу следует отнести: предполагаемую «точку отсчета», телеологию самого процесса, его начальную и финальную стадии, подбор соответствующего методологического инструментария, анализ промежуточных и результативных состояний.

Данная область вопросов определяет основную траекторию наших дальнейших разработок, основывающихся на выявлении ключевых компонентов предполагаемой модели. Телеология (движение к цели), как и принцип стадийности ее реализации, задает нам необходимость определить *цели и задачи* нашей работы, без чего процесс духовно-нравственного воспитания представлялся бы *аморфным*, будучи направленным «в никуда». Те аспекты проблемы, которые обращены к анализу исходной «точки отсчета», а также промежуточных и результативных составляющих процесса, обращены к *критериально-оценочной части*, позволяющей осуществлять контроль за проделанной работой на ее различных стадиях, а также корректировать ход выполнения поставленных задач. Многогранной и важнейшей стороной реализации процесса духовно-нравственного воспитания представляется поиск соответствующего методологического инструментария, позволяющего ответить

на фундаментальный вопрос того, «как и с помощью чего?» Отсюда мы выявляем необходимость в наличии следующих компонентов: 1. Цель, 2. Методология, 3. Содержание воспитательного процесса, 4. Критерии и оценка, 5. Анализ результатов, 6. Рефлексия, под которой подразумевается когерентная связь всех компонентов между собой в единую композиционную целостность.

Целевой компонент в широком смысле слова направлен на реализацию процесса духовно-нравственного воспитания. И основным средством здесь выступает освоение, изучение и исполнение богослужебно-певческого репертуара. Отсюда сформулируем цель следующим образом: *«реализация процесса духовно-нравственного воспитания посредством освоения, изучения и исполнения богослужебно-певческого репертуара»*. Будучи эстетическим коррелятом духовной нравственности, церковное пение открывает непосредственный доступ к способности «проникновения вовнутрь» тех этических констант сознания, которые выражают духовный план человеческой жизни в их творческом и практическом выражении. Этот путь имеет направленность «от внешнего к внутреннему».

Достижение этой широкой цели сопровождается постановкой ряда сопутствующих этому **задач**. Первая задача заключается в необходимости вовлечь участника в процесс церковно-певческого творчества, поставив на повестку экспериментальной работы ряд вопросов, связанных как с вокально-хоровым исполнительством в области данного жанра, так и с тенденцией к его многогранному осмыслению на уровне когниций. Отсюда первую задачу можно было бы обозначить как *«формирование мотивации участников к освоению церковно-певческой культуры путем вовлечения в ее стихию, что реализуется на основе ее корреляции с духовной нравственностью»*. Мотивационные процессы представляют собой одну из сложнейших областей педагогической деятельности, поэтому требуют к себе многостороннего синтезированного подхода с учетом специфики современности. На передовых рубежах здесь оказывается как эстетическая экспозиция, отвечающая эмоциональным началам человеческого сознания, так и жанр рассуждений (с разведением его на теоретический и

истерический сегменты), что направлено на многогранное осмысление окружающей действительности и местоположения в ней духовно-нравственной жизни.

С точки зрения необходимости избежать какой-либо абстракции при формировании мотивационных импульсов требуется сближение участников друг с другом на поприще совместного творчества. Ключевым вопросом данного этапа теоретических разработок представляется выработка способности к взаимопониманию и эмпатии участников друг к другу, с одной стороны, а также их, как субъекта исполнительской деятельности, к слушателям, с другой. Для эстетически аутентичной передачи художественных смыслов богослужебных произведений требуется наличие самоидентификационной основы, на которой базируется сознание участников, объединенных между собой этими смыслами. Отсюда проистекает вторая задача, которую можно было бы обозначить как *«достижение творческой эмпатии и взаимопонимания между исполнителями, а также между исполнителями и слушателями»*. Преобладающей стороной реализации данной задачи становится выработка того качества «фундаментальной открытости», о котором шла речь в предыдущих параграфах.

В свою очередь, реализация этой задачи диктует необходимость формирования соответствующего духовно-нравственному контексту богослужебных песнопений ценностного и мировоззренческого планов. Третья задача может быть обозначена нами как *«формирование устойчивого ценностно-мировоззренческого ряда, способного генерировать устремление к фундаментальным основаниям бытия»*. В данном случае речь идет о реализации качества «устремленности».

Обретение внутренних идейно-эстетических и этико-мировоззренческих позиций предполагает выработку внешнего плана их художественной реализации, что задает необходимость выработки соответствующих исполнительских качеств, способных иллюстрировать красоту и изящество церковно-певческого искусства. Отсюда в качестве четвертой задачи выдвигается ее следующее обозначение: *«выработка и повышение уровня хорового исполнительства на основе освоения*

специфики церковно-певческой культуры, ее жанровых особенностей и стилистических направлений».

Завершим наш список задач корреляцией образовавшегося *синтетического единства* между внутренним и внешним планами творческой деятельности участников с самой личностью исполнительского субъекта. Обозначим данную задачу следующим образом: *«осознание неразрывной связи личности участника с духовно-нравственными основами, передаваемыми с помощью церковно-певческого искусства».* С этой точки зрения речь идет о реализации третьего, из выведенных нами, такого качества духовно-нравственной жизни, как *«личностность».*

Вторым пунктом разрабатываемой модели является ее ***теоретико-методологический компонент***, который включает в свой состав широкий набор позиций, диктуемых тремя важнейшими составляющими, к числу которых можно отнести: ***подходы, методы, принципы.*** Как уже было отмечено, воспитательный процесс многосложен и имеет направленный характер, включая в себя набор соответствующих качеств, компонентов, целей и задач, из чего проистекает необходимость его *организации и системности*, подразумевающей создание благоприятных условий для реализации самого данного процесса. Однако воспитание, как система определенных мер, приобретает свою значимость и аутентичность лишь в *деятельностных структурах* самораскрытия того, на кого оно направлено. Именно в осуществлении *реальной деятельности*, протекающей в условиях *системно-организационного ряда факторов*, процесс воспитания получает свое содержание и результативность. Без активности самого участника воспитательного процесса об этом можно было бы говорить лишь в модусе *«мысленного представления»*, без опоры на реальность.

Теорию деятельности как фундаментальной основы развития и саморазвития человека в предметном мире выдвинули в свое время выдающиеся советские психологи Сергей Леонидович Рубинштейн (1889-1960) [188] и Алексей Николаевич Леонтьев (1903-1979), будучи продолжателями научной линии Льва Семеновича Выготского и его *«культурно-исторической концепции».*

Деятельность рассматривается как основание личности, о чем А.Н. Леонтьев писал: «Реальное основание личности человека лежит... в той системе деятельностей, которые реализуются знаниями и умениями» [128, с. 90]. Деятельность формирует расширение потребностей и соответствующих им мотивов. Реализация одних действий ведет к формированию запроса на реализацию действий последующих, что окажется для нас актуальным в части разработки *мотивационного этапа* предполагаемой модели, о чем речь пойдет впереди. Из вышесказанного можно вывести первый подход к реализации духовно-нравственного воспитания, который в педагогической науке известен под названием «*системно-деятельностного подхода*».

Реализация этого подхода предполагает, с одной стороны, приобретение *знаний*, с другой – *навыков и умений*. Из этого проистекает необходимость в дополнении двух других подходов, ориентированных на осмысление предмета и его практического применения, а именно – *когнитивный и компетентностный подходы*. Первый помогает всесторонне осмыслить специфику церковного пения, его жанровой эволюции и исторического пути, а также эстетическую и этическую стороны его художественного воплощения. Второй направлен на повышение уровня исполнительских качеств участника хорового коллектива в церковно-певческом репертуарном секторе.

Духовно-нравственное воспитание сопряжено с *системой ценностей*, о чем развернуто было сказано в предыдущих частях настоящего исследования. Этим обстоятельством обусловлена необходимость в наличии также *аксиологического подхода*. В сфере церковно-певческой деятельности феномен ценности интерпретируется как тот внутренний содержательный стержень, на который опирается творческая интуиция и художественный вкус участника хорового коллектива как эстетического актора. Без аксиологии становится невозможной качественная дифференциация в восприятии жанров, стилей, как и невозможно понимание граней «эстетической допустимости» в процессе воспроизведения богослужебных песнопений.

Необходимость уделять внимание индивидуальным особенностям участников и в то же время, учитывать специфику их как репрезентантов коллективного творческого субъекта, ставит нас перед задачей найти еще один соответствующий этой области вопросов педагогический подход. Участник хорового коллектива может рассматриваться по-разному: как отдельно взятая личность или же в составе группы, как субъект, соотносимый с другими субъектами по определенным признакам, включая возрастную, характерологический, коммуникативный и прочее. Данная область воспитательной деятельности, так или иначе, обращает нас к двум подходам, первый из которых направлен на *личность* и ее целостность, а второй – на «человеческую природу», открывающую такую область исследований, как «*человековедение*». В свете этого нами выводится два широко использующихся в педагогике подхода – *личностно-ориентированный* и «человековедческий», более известный под названием *антропологического*. В отечественных исследованиях в этом смысле отдельного внимания заслуживает Константин Дмитриевич Ушинский (1823-1871), написавший несколько томов по педагогической антропологии, на которые также опирается настоящий эксперимент.

Наряду с подходами мы выдвигаем в модели ряд *путей реализации* этих подходов, под которыми понимаются **методы**, представляющие второй блок позиций в составе *теоретико-методологического компонента* настоящей модели. Характер познавательной деятельности в процессе духовно-нравственного воспитания участников хоровых коллективов обращает нас в рамках реализации *системно-деятельностного подхода* к авторам Исааку Яковлевичу Лернеру (1917-1996) и Михаилу Николаевичу Скаткину (1900-1991), которые выдвинули *пять методов*. Целесообразно ограничиться лишь тремя из них – **объяснительно-иллюстративным, репродуктивным и методом проблемного изложения** [130], [199, с. 193-199]. Сделать это следует во избежание возможной «перегруженности» сознания участников. *Объяснительно-иллюстративный метод* направлен на осмысление того, что преподносится в «готовом виде» в качестве некоей результирующей, *репродуктивный* – предполагает правильное

воспроизведение преподносимого материала (репродукция), наконец, *метод проблемного изложения* ориентирован на выработку способности к поиску самостоятельных (в настоящем случае) духовно-нравственных и творческих решений. В контексте использования этого метода участникам предлагается та или иная *гипотетическая проблема* (либо примеры из реальной жизни), которая оценивается и решается на основе многогранного синтетического подхода во всей совокупности получаемых знаний, навыков и умений. Эти методы в значительной мере отвечают *компетентностной стороне* воспитательного процесса.

Методический состав рассматриваемого компонента модели обогащается также выработкой способности к *самоконтролю и самооценке* участников (Ю.К. Бабанский) [13]. В рамках реализации *когнитивного и аксиологического подходов* в настоящем случае следовало бы присовокупить и *метод убеждения*, основанный на аргументации и поиске необходимых когниций (М.И. Рожков, Л.В. Безбородова) [186]. А также в качестве продуктивного предлагается в рамках личностно-ориентированного подхода использовать *образный метод*, что служило бы символом, на который опирается личность участника в своем понимании изучаемого материала (А.В. Хуторской) [240]. К данному списку следует присовокупить важный с точки зрения совместного исполнительского творчества *метод эмпатии*, как способности «вживаться» в мир художественного произведения и со-актера с возможностью артикуляции смыслов и образов (А.В. Хуторской [240]).

Завершив описание теоретико-методологического компонента таким блоком вопросов, который отвечает *принципам*, под которыми понимаются основополагающие дидактические константы, использующиеся в качестве руководящего начала в процессе духовно-нравственного воспитания. Теоретическая база была в значительной мере заложена Яном Амосом Коменским (1592-1670) в его труде «Великая дидактика» (1627-1638) [112]. Свою научную релевантность для нас в наибольшей степени приобретают выдвинутые данным автором следующие принципы: *природосообразности* (с учетом специфики человеческой природы, куда в нашем случае входит анализ возрастных и

индивидуальных различий), *доступности, систематичности и последовательности, прочности* (основательность) [112]. К этому списку следует также присовокупить принцип *наглядности* (А.Г. Войтов, В.В. Давыдов, Л.В. Занков, А.Н. Леонтьев) [40, 69, 91, 128].

Проведем краткую характеристику логического развертывания данных принципов и их генеративной взаимосвязи между собой. Наряду с природосообразностью, в качестве частного случая антиномии «натура-культура» выводится необходимость наличия принципа *культуросообразности*, который был выдвинут известным педагогом-теоретиком мирового масштаба Адольфом Дистервегом (1790-1866) [78, 227-235]. Реализация данного принципа исходит из фундаментальной *связи человека с культурой и обществом*, в условиях которых он способен становиться созидающей культуротворческой единицей. Из этого проистекает принцип *коллективности* духовно-нравственного воспитания.

Личностно-ориентированный подход, который нами выдвинут в качестве одного из основных, тесно связан с принципом *гуманистичности* воспитания, что подразумевает направленность на раскрытие личностного потенциала обучаемого с учетом его интересов и специфики, при которых субъект становится активным участником воспитательного процесса (Ш.А. Амонашвили, Дж. Дьюи, Л.В. Занков, К. Роджерс, Д.Б. Эльконин). В качестве некоторых производных из гуманистичности можно вывести принципы *сознательности и активности* участника. Из *гуманистичности и природосообразности*, в свою очередь, проистекает также принцип *индивидуальности* в воспитании участника. Сознательность, активность и всестороннее осмысление предполагают реализацию принципа *когнитивности*, о чем было сказано в части разработки целевого компонента.

Нами отмечена принципиальная важность этико-эстетической взаимосвязи в сфере духовно-нравственного воспитания. Целостность подачи материала с учетом данной взаимосвязи позволяет выдвинуть принцип *когерентности*. Поскольку духовная нравственность предполагает наряду с осмыслением также свое практическое воплощение, из этого можно вывести еще один принцип,

который в педагогике известен под названием *«связь теории с практикой»* (И.П. Подласый) [175, с. 463-468].

Из этой развернутой экспозиции можно видеть, что все составляющие теоретико-методологического компонента так или иначе взаимно переплетены между собой. И один или несколько принципов воспитания способны служить основанием для выработки последующих принципов, что предполагает их взаимную корреляцию и внутреннюю генеративность.

Завершив наше описание двух предыдущих компонентов модели в их логическом развертывании, обратимся к тем сторонам наших разработок, которые непосредственно связаны с реализацией процесса духовно-нравственного воспитания. Отсюда следующий компонент нами обозначен как **«организационно-содержательный»**. Распределим его по трем основным позициям, отвечающим содержанию самого процесса в виде *этапов*, а также его *формы* и *средств* реализации.

Этапы базируются на принципе стадийности, логика раскрытия которого, в свою очередь, отвечает *трем фазам* данного процесса – *начальной* (исходной), *внедряющей* (реализация) и *завершающей* (результативной). Фаза внедрения также имеет две разные свои направленности – *вовлечение в воспитательный процесс* (формирование мотивации) и его *непосредственная реализация*, отвечающая собственно воспитанию как комплексу преобразующих мер. Таким образом, мы можем обозначить эти этапы следующими наименованиями: *исходно-диагностический*, *мотивационный*, *трансформационно-содержательный*, *результативный*.

Цель первого этапа исходной диагностики – получить первичную информацию о составе участников, в соответствии с которой осуществляется поиск тактик и стратегий в принятии последующих педагогических решений. Кроме этого, данный этап позволяет установить обратную связь педагога с участниками. Отсюда выделяется несколько важных функций исходно-диагностического этапа: *оценочная*, *конструктивно-проектировочная*, *коммуникативная* и *организаторская*. Исходная оценка осуществляется по ряду

критериев, формирование которых диктуется самой спецификой и сущностными характеристиками духовно-нравственного воспитания, о чем написано в предыдущем параграфе 1.2. В основании дальнейшей разработки критериев лежат вопросы, связанные с *этикой, эстетикой, ценностями и мировоззрением, когнитивной стороной развития, исполнительскими компетенциями, коммуникацией и интерактивностью, а также деятельностным потенциалом*. Решается данный набор диагностических задач с помощью *опросников, диалогов и педагогического наблюдения*. Критериально-оценочный аппарат более детально будет рассмотрен далее.

Полученные на основе исходной диагностики данные позволяют скорректировать траекторию реализации первоначальных замыслов педагога с учетом специфики аудитории и подавать материал в соответствии с этими данными. Коррекционный ряд реализуется в рамках трех обозначенных выше функций диагностики – *коммуникативной, конструктивно-проектировочной и организаторской*.

Вся совокупность данных, полученных в результате исходной диагностики, определяет вектор реализации следующей, *внедряющей фазы*, первый этап которой направлен на *формирование мотивации* участников. Теоретический фундамент, на который опирается данная область вопросов, достаточно обширен. Отчасти эта проблема была затронута выше с упоминанием авторов *деятельностной концепции* С.Л. Рубинштейна и А.Н. Леонтьева. Основной тезис состоит в том, что деятельность как модус человеческого бытия формирует потребность и мотив ее реализации. В нашем случае таким деятельностным средством формирования мотивации участников хоровых коллективов может рассматриваться их совместный исполнительский успех в реализации тех или иных специфически церковно-певческих задач. Это, в свою очередь, создает основу для повышения профессиональной самооценки с последующим желанием решать все более сложные задачи.

Наряду с деятельностным аспектом формирования мотивации можно также обратиться к другим сторонам проблемы, которые освещаются в трудах

зарубежных авторов. С этой точки зрения заслуживают внимания два исследователя – Дэвид Макклеланд (1917-1998) и Фредерик Херцберг (1923-2000). Первый автор изложил свою концепцию в пространном труде под названием «Мотивация человека» (1987). Для нас представляет важность раздел III настоящего труда под названием «Мотивационные системы». Постулируется четыре вида мотивов: *достижения, власти, аффилиации и избегания* [141]. Термин «аффилиация» по своему происхождению связан с греческим глаголом φιλεῖν, что означает «любить», под чем подразумевается расположенность людей друг к другу в собирательном смысле слова, включая любовь, уважение, почет, принятие и т.п. Мотив избегания распространяется на негативные явления жизни, различные эмоциональные состояния, включая фобичность и прочее. По очевидным основаниям нами исключается из нашего списка «мотив власти», как противоречащий такому выявленному нами качеству духовной нравственности, как «отказ от стремления к обладанию».

Д. Макклеланд нам интересен своим подробным анализом *влияния когнитивных факторов на мотивацию*, что непосредственно отвечает поставленным нами задачам. Когниции способствуют «росту понимания влияний, которые определяет стимул» [141, с. 522]. Данной стороне формирования мотивации отведена ключевая роль в реализации настоящего экспериментального проекта. Посредством *деятельностного и когнитивного факторов* формируется мотив достижения, при котором, с одной стороны, осознается его полезность, с другой, деятельностное воплощение. Это, в свою очередь, служит предпосылкой к *мотиву аффилиации*, выражаемой в признании результатов *исполнительского, познавательного и нравственного* труда участника, как в коллективе, так и в разных ситуациях, возникающих в общественной жизни в целом. *Мотив избегания* в нашем случае может быть задействован в качестве средства защиты от возможных негативных нравственных явлений и соответствующих этому эмоциональных состояний, прошедших через когнитивный спектр мыслительной деятельности участника воспитательного процесса.

Исходя из вышесказанного, одной из основных задач педагога является организация здорового коммуникативного и психологического климата в коллективе, что отвечает концепции «двухфакторной мотивации» Ф. Херцберга, в рамках которой данный мотивационный сегмент получает название «гигиены» [237, с. 186-195]. Участник стремится быть в коллективе, где ему «приятно проводить время» – основная описательная характеристика первого фактора. Второй фактор – «самоактуализация», что в значительной мере отвечает тем аспектам проблемы, которые нами описаны в пределах данного блока.

Таким образом, мотивационный этап реализации внедряющей фазы представляет собой процедуру «вовлечения» в стихию церковного пения и его связи с содержанием духовной нравственности. Инструменты реализации мотивационного этапа нами представлены в виде деятельности, когнитивных построений, мотивах достижения, аффилиации, избегания, а также нравственной гигиены в коллективе и тенденции к самоактуализации.

Следующий этап внедрения воспитательных действий направлен на трансформационные нравственные и когнитивные процессы в сознании участников. Данный этап нами будет обозначен как «трансформационно-содержательный». Его реализация осуществляется с помощью таких неотъемлемых элементов рассматриваемого компонента, как *формы* и *средства*, о которых скажем кратко. Поскольку в организации процесса присутствует как *информативно-теоретический*, так и *практический сегменты*, то подача материала предполагает разные по своей специфике *формы*. В задачу преподавателя входит преподнесение информации, с одной стороны, и ее обсуждение с участниками, с другой. В практической части воспитательного процесса одной из важнейших задач представляется демонстрация исполнительских навыков и умений с последующим вовлечением всех участников в область совместного исполнения богослужебных произведений и отработкой специфических для церковного пения художественных приемов.

Отсюда реализация организационно-содержательного компонента предполагается в форме *лекций-бесед, мастер-классов и совместного хорового*

исполнительства. Наряду с формами проведения мероприятий задействуются вспомогательные **средства**, к числу которых относится **наличие печатных нотных материалов, экспозиция аудио- и видеозаписей** с иллюстрацией различных жанров и стилистик церковно-певческого исполнительства, а также **опросники**, имеющие диагностическое применение на различных этапах всего эксперимента в целом.

Трансформационно-содержательный этап, как уже было отмечено, предполагает информативно-теоретический и практический блоки. Тематическое пространство первого блока охватывает собой очень широкий спектр вопросов, включая теорию этики, эстетики, проблематику ценностей, а также историю богослужебного пения и ее корреляцию с вопросами духовной нравственности. Практический блок направлен на выработку творческой коммуникации, эмпатии и взаимопонимания, с одной стороны, а также повышение уровня исполнительских компетенций, с другой.

В исторической части предполагается обзор периодов, связанных с формированием и эволюцией жанров церковного пения, начиная с XI века. В качестве ближайшего прототипа рассматривается практика византийского богослужения. Обзор осуществляется по хронологическим периодам:

1. с XI по XVII вв. – формирование знаменного одногласия и полифонии в виде строчного пения, «кондакарного знамени», столпового и путевого распева и демественного пения.

2. Начало XVII века представляет собой «точку перелома» в эстетическом развитии церковного пения. Под *польско-украинским влиянием* внедряется партес, представляющий собой аккордовую вертикаль.

3. XVIII век становится еще в большей степени насыщенным, пройдя под знаком *итальянского влияния*, благодаря чему появляется *церковное барокко*.

4. В рамках курса предложен обзор *немецко-петербургского* (XIX век) и *московского* (XIX-XX вв.) периодов. При последнем характерно сближение церковно-певческого искусства с народными традициями. В рамки данного обзора предполагается также поместить творчество отдельных выдающихся

композиторов XIX-XX вв. (С В. Рахманинов, А. Д. Кастальский, А. Т. Гречанинов, К. Н. Шведов и др.). Подача материала по различным тематическим блокам сопровождается экспозицией аудио- и видеозаписей.

Эстетико-теоретическая часть трансформационно-содержательного этапа включает в себя: определение эстетики с апелляцией к категории Прекрасного, отраженной органами чувственного восприятия. Эстетика трактуется как область гармоничного сочетания элементов произведения искусства в его высшем проявлении, отличающемся от обычной повседневной жизни (А. Баумгартен). Согласие внутреннее предполагает согласие и внешнее, выражающееся в общих суждениях вкуса (И. Кант). Экспонируются различные виды эстетической деятельности с переходом к феномену *слухового восприятия*, что отсылает к музыке в ее двух фундаментальных направлениях – музыка, воспроизводимая с помощью инструментов (инструментальная музыка), и та, которая воспроизводится с помощью человеческого голоса (вокально-хоровая). Восходя от общего к частному, автор подводит участников к знакомству с богослужением в христианстве с переходом непосредственно к православному богослужению, где практикуется только вокально-хоровая музыка, исключая инструменты. В основе заложен концепт «духа, дыхания, жизни» – откуда проистекает необходимость трактовать богослужебную эстетику как начало, которое обладает свойством «дышать, петь и говорить».

В рамках реализации дальнейших тематических блоков следует *характеристика церковно-певческих жанров и их художественно-эстетическая интерпретация*. Духовность и аскеза трактуются как эстетический фундамент ранней древнерусской богослужебной музыки, которая затем трансформируется в эмоциональные перцепции, откуда формируется запрос на благозвучные «красивые» гармонии. В конечном счете, церковное пение становится *многогранным*, обращаясь ко всем сторонам внутреннего мира человека – как к духу, так и к душе. В структуре богослужебного пения появляются фразировки в отличие от монотонности, характерной для более раннего этапа его развития. *Штрихи, динамика, агогика, нюансировка* – базовые средства художественно-

эстетической выразительности, реализуемые в церковно-певческом искусстве, которые требуют специфической отработки в сфере приобретения исполнительских навыков участника хорового коллектива.

Третий блок трансформационно-содержательного этапа направлен на *корреляцию эстетики с проблемами нравственных ценностей и мировоззрения*. Реализация данного блока предполагает формат беседы с подбором различных описательных конструкций со стороны участников. *Эстетика* интерпретируется как внешний план реализации идеи «Прекрасного». Ее внутренним планом выступает *этика*. Важным становится раскрыть их параллелизм. Тот или иной художественный план представляет собой выражение определенной *идеи, внутреннего мироощущения*. Отсюда церковная музыка рассматривается как эстетический коррелят нравственности, этических начал человеческой жизни.

Участникам предлагается провести ряд отсылок к рассуждениям знаменитых людей о связи музыки с нравственностью (Северин Бозций, Макс Вебер, Теодор Адорно) [3, 29, 37]. В контексте данных тематических построений осуществляется экспозиция фото- и видеоматериалов, на которых запечатлены ситуации из реальной жизни: например, собрание толпы и ее поведение на рок-концертах (слэм), а, с другой стороны, для сравнения представляется церковный хор, отражающий умиротворенное состояние. Этот ряд распространяется также на исполнение классики и популярной музыки, где по кадрам можно зафиксировать состояние публики в двух этих кардинально разных эстетических ситуациях. От эмпирического подтверждения связи этики и эстетики предполагается переход к обсуждению вопросов, связанных с духовной нравственностью и ее отличием от нравственности в ее обычном понимании. В процессе беседы за участниками осуществляется педагогическое наблюдение.

Завершается организационно-содержательный компонент модели *результативно-диагностическим этапом*. Реализуется он на основе той критериальной базы, которая нами выдвинута на этапе исходной диагностики, ограничившись перечислением самих критериев, которым отвечает следующий компонент модели. Он обозначен как *«критериально-диагностический»*.

Данный компонент включает в себя ряд **критериев**, по которым производится *диагностический анализ состава участников*, как на исходной, так и на завершающей стадии. Сама оценка участников на основании этих *критериев*, в свою очередь, распределена по соответствующим уровням с трехступенчатой градуировкой – *высокий, средний, низкий*, описание которых будет предложено в последующей части настоящего исследования, в параграфе 2.1.

Перечислим выявленные нами **позиции**, на которых базируется выработка соответствующих критериев:

1. этика – наличие интереса к проблемам духовно-нравственности, способность к рассуждениям и соответствующая этому поведенческая культура; **2. эстетика** – наличие высокого эстетического вкуса, устойчивый интерес к традиции; **3. ценностно-мировоззренческий план** – способность устанавливать соответствие между этикой и эстетикой, устремленность к вопросам поиска фундаментальных смысловых оснований человеческой жизни, личностная вовлеченность в мировоззренческую проблематику; **4. когнции** – стремление к многогранному и всестороннему осмыслению вопросов духовной нравственности и церковно-певческой культуры, включая теоретическую и историческую стороны данных областей познания; **5. компетенции** – умение самостоятельно решать художественно-исполнительские задачи с учетом жанровой специфики; **6. коммуникативно-интерактивный план** – наличие стремления к обретению творческой эмпатии и взаимопонимания в процессе совместного хорового исполнительства, личная заинтересованность и открытость к эстетическому диалогу, а также открытость окружающему миру, в том числе, и слушателю; **7. Деятельностный план** – личностная вовлеченность, участие и деятельный интерес к вопросам трансформации окружающего мира на основе высоких этико-эстетических и ценностно-мировоззренческих констант.

На базе данных фундаментальных позиций предлагается выдвинуть следующие критерии с соответствующей тематической их перегруппировкой: **1. Этический, 2. Эстетический, 3. Ценностный, 4. Коммуникативный, 5. Социально-адаптивный, 6. Деятельностно-эстетический, 7. Деятельностно-**

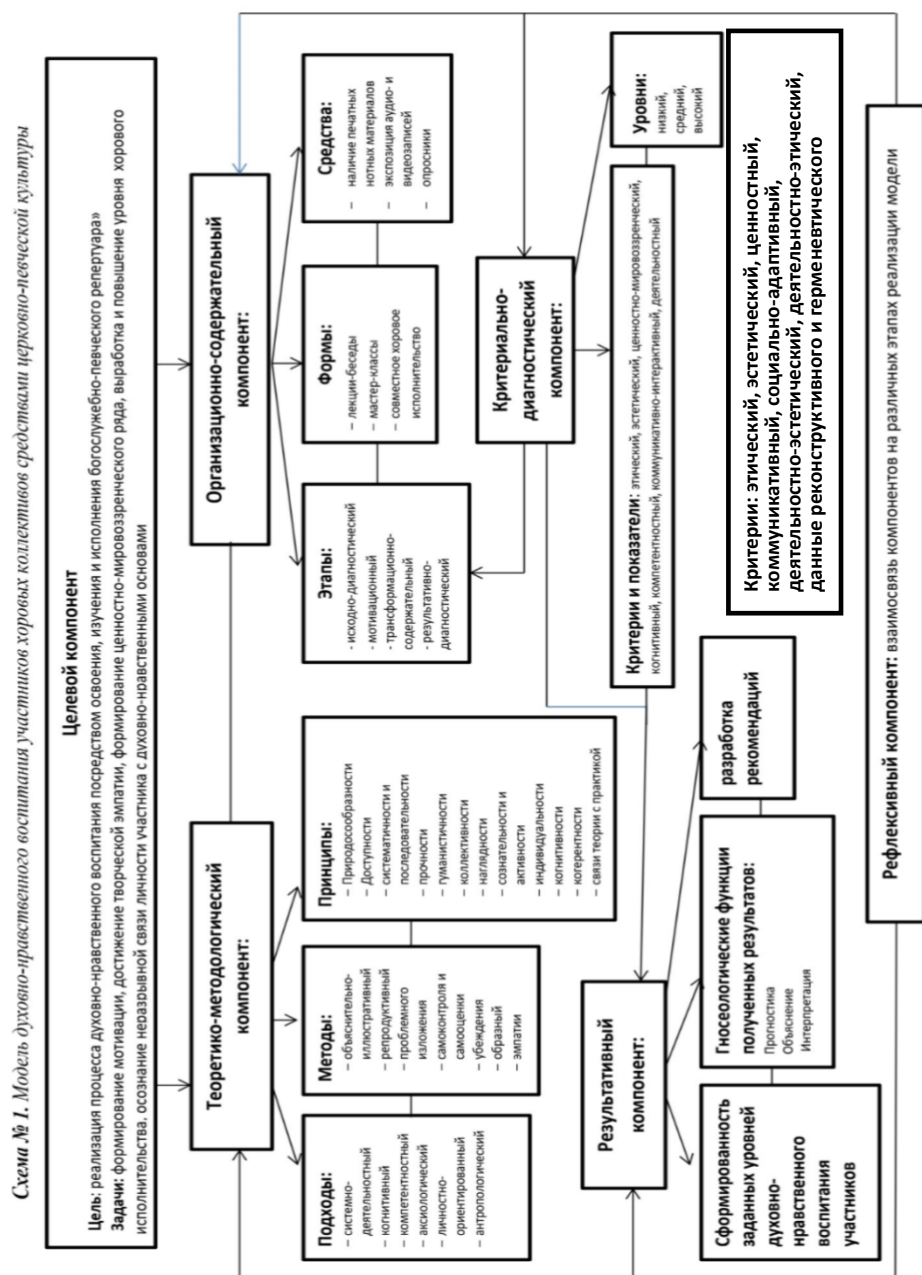
этический. Последние два критерия представляют собой синтез «когнитивности», «компетентности» и «деятельности». Также к этому списку следует добавить данные реконструктивной и герменевтической диагностики участников по позиции *общей расположенности к участию в эксперименте* в целом, что соответствует анализу мотивации участников к экспериментальной работе и соответствует заявленному нами *мотивационному этапу* (см. пар. 2.1). Критериальная часть направлена как на диагностику, так и в дальнейшем сыграет ключевую роль в реализации трансформационно-содержательного этапа эксперимента.

На основе полученных данных выводится следующий компонент модели, который можно обозначить как *результативный*. Степень сформированности заданных уровней (пар. 2.1) духовно-нравственного воспитания участников хоровых коллективов на основе поставленных задач позволяет проводить *прогностику* возможных и вероятных сценариев реализации данного проекта, а также корректировать курс педагогической работы и на базе полученного опыта формулировать *рекомендации*. Относительно различных гносеологических функций модели, включая *прогностику, объяснение, интерпретацию*, нами задействованы научные труды Б.А. Глинского [60, 51].

Завершив построение настоящей модели таким базовым компонентом, который можно было бы обозначить, как *рефлексивный*. Речь идет *об операции рефлексии* на каждом этапе воспитательной работы с установлением *всех связей и взаимозависимостей* между вышеуказанными компонентами. Отсюда в структуре данной модели рефлексивному компоненту отводится сугубо функциональная роль, не имеющая вне остальных компонентов самостоятельного применения.

На базе вышеописанных разработок представим модель духовно-нравственного воспитания участников хоровых коллективов средствами церковно-певческой культуры в ее графическом виде.

Теоретическая модель духовно-нравственного воспитания участников хоровых коллективов средствами церковно-певческой культуры

Как можно видеть, разрабатываемая модель духовно-нравственного воспитания участников хоровых коллективов средствами церковно-певческой культуры носит *многоаспектный характер*, диктуемый рядом имплицитных факторов, содержащихся как в самой тематической специфике, так и в сущностных характеристиках данной области вопросов. Теоретический сегмент модели с подбором соответствующего методологического инструментария коррелирует с процессуальностью и динамичностью своей реализации, предполагающей принцип стадийности и анализ промежуточных и результативных состояний.

Выводы по главе 1

Подводя итог теоретическим построениям настоящего исследования, перечислим те ключевые позиции, которые определили их содержание.

На основе процесса выявления сущности такого сложного понятия, как «духовная нравственность» были проанализированы его концептуальные основы, их социальное и воспитательное значение. Само данное понятие распадается на два смысловых сегмента: *духовность* и *нравственность*. Поскольку в роли субстантива выступает существительное «нравственность», оно и послужило точкой старта в проведении настоящего анализа. Помощь в реконструкции первичной семантики данного понятия оказала его этимология, восходящая к корню «нрав». На базе ряда семантических параллелей понятие «нрав» определено нами как «обычай», характерный для той или иной общности. «Нрав» в таких этимологических раскладках интерпретируется как «связующее звено» между членами социальной общности, подтверждением чему является праславянское *narv*-, выступающее, по всей видимости, как ремесленный термин, который обозначал «соединительный механизм».

Отсюда понятие «нрав», как и производное «нравственность», представляет собой суммарную артикуляцию тех поведенческих характеристик, которые выражают план социальной самоидентичности человека в составе той или иной общности.

Нами рассмотрены разные по своему составу концептуальные подходы к проблемам нравственности, начиная с античной эпохи, через средневековые и заканчивая Новым временем. Уже в античный период нравственность трактовалась неоднородно, представляя собой конгломерат различных позиций. В диапазон концепций того времени входит понимание нравственности как «борьбы» (Гераклит), «мира и безразличия» (стоики, скепсис), «наслаждения» (эпикурейцы), «долга перед обществом и государством» (Демокрит), «добродетели, под которой подразумевается мудрость, мужество, воздержанность и справедливость» (Платон). Нравственность трактовалась как «практическая

наука» в контексте общественного поведения (Аристотель). В составе этических позиций рассматриваемой эпохи можно также отметить феномен «индивидуалистической морали», отрицающей «всеобщую мораль» (циники). Концепт «презрения к материи» представляет еще один план понимания нравственности (неоплатоники, христианская аскетика).

Средневековая мораль прошла под знаком христианства. В Новое время на передовые рубежи построения нравственных концепций выходит «общественный договор» (Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо), а также проблематика личной свободы в противовес «тирании обычая» (М. Монтень). Категорический императив И. Канта представляет в этом смысле аналог «личной совести и ответственности». В унисон античному гедонизму можно отметить в составе современных этических позиций «утилитаризацию морали», направленную на достижение сугубо прагматических целей.

Таким образом, отмечается конгломерат различных этических позиций, с точки зрения которых нравственность имеет, по меньшей мере, несколько «регионов» своего самоприменения: «территория согласия» (отсутствие вражды), «территория невмешательства и безразличия» (апатия, скепсис, эскапизм), «территория вражды» (например, способность отстаивать правду или интерес).

Отсюда феномен нравственности имеет комбинированный характер. Будучи онтологически подвижным, он обращает нас ко второму сегменту заявленного понятия – к атрибутиву в виде «духовный». Исходная семантическая трактовка понятия «духа» как «дыхания» и «ветра» обращает его в неотъемлемое свойство *жизни*. И коль скоро все «бездуховное» становится «безжизненным», то именно по этой причине духовная нравственность не схематизируется и не институционализируется.

Предпосылки к формированию этики, наполненной жизненным содержанием, отсылают нас к области ее философского осмысления. В этом отношении нам интересно творчество выдающегося немецкого философа-экзистенциалиста Мартина Хайдеггера. «Акты вопрошания», о которых он писал, представляют тот концепт, из которого дедуцируются такие основные свойства

духовной нравственности, как «личностность», принципиальная «открытость» (разомкнутость) и «направленность».

Отмечено, что духовная нравственность не является продуктом институционализации, в том числе, церковной. Однако именно близкая нам по укладу жизни христианская Церковь сосредоточила в своих руках вековой опыт передачи тех ценностных констант, которые транслируются эстетикой церковного искусства. Это обстоятельство обращает нас к церковно-певческой культуре как художественному корреляту духовно-нравственных интенций человеческой жизни. Цепь данных рассуждений приводит нас к выявлению «сущностных характеристик процесса духовно-нравственного воспитания участников хоровых коллективов средствами церковно-певческой культуры», чему посвящен параграф 1.2. Поскольку речь идет о воспитании, произведена попытка выявить его понятийное содержание, исходя из которого, под воспитанием понимается «насыщение» в виде преподнесения того многопланового материала, который имеет свойство «насыщать».

Нами выявлен также предполагаемый адресат, в применении к которому термин «воспитание» был бы уместным. С этой точки зрения выдвинуто два критерия – возрастной (диапазон от 19 до 45 лет) и исполнительский (любители и лица, имеющие отношение к профессиональному образованию). Относительно первого критерия речь в значительной мере идет об *андрагогических аспектах воспитательной деятельности*. В диапазон предполагаемых задач в отношении к представителям старшего возраста входит ряд весьма существенных для педагогики проблем: согласование преподносимого материала с жизненным опытом самих его реципиентов, устранение возможных накопившихся противоречий, формирование способности ставить подобные вопросы в верном с точки зрения своей обоснованности ключе и находить самостоятельные решения.

На базе настоящего анализа, нами выведен ряд сущностных характеристик процесса духовно-нравственного воспитания, отвечающих следующим позициям: этика, эстетика, ценности, когнитивность, компетенции, творческая коммуникация, последовательность. Эти характеристики имеют два плана своей

реализации – *теоретический и практический*. В теоретическом сегменте представлена этика, эстетика, аксиология и когнитивный план. В практическом – компетентностно-исполнительские, а также интерактивно-коммуникативные аспекты духовно-нравственного воспитания и развития участников. Нами представлено развернутое описание данных характеристик и авторское определение понятия «духовно-нравственного воспитания средствами церковно-певческой культуры».

В заключительном параграфе 1.3 представлена разработка педагогической модели духовно-нравственного воспитания участников хоровых коллективов средствами церковно-певческой культуры. Данная модель содержит в себе развернутый методологический и организационно-содержательный инструментарий, что включает в себя шесть компонентов. В них отражен «целевой компонент» с постановкой *цели и задач* воспитания, его теоретико-методологический фундамент, экспонированный в виде *подходов, методов и принципов* реализации данного процесса.

«Организационно-содержательный компонент» реализуется в этапах и соответствующих им формах и средствах. Поэтапность процесса складывается из трех фаз: исходная, внедряющая (мотивационный и трансформирующий этапы) и завершающая. Первый и последний предполагают проведение диагностических процедур по ряду критериев, показателей и уровней соответствия. Данный сегмент вопросов воспроизведен в следующем, «критериально-диагностическом компоненте». «Результативный компонент» направлен на анализ полученных результатов, прогностику и разработку соответствующих рекомендаций.

Завершается построение модели «рефлексивным компонентом», иллюстрирующим функциональную взаимосвязь всех позиций, отображенных в предлагаемой модели. Базируясь на выявленных нами теоретических основаниях, приступим к описанию опытно-экспериментальной части нашего исследования, связанного с непосредственной реализацией духовно-нравственного воспитания участников хоровых коллективов средствами церковно-певческой культуры.

Глава 2

Опытно-экспериментальное исследование результативности духовно-нравственного воспитания участников хоровых коллективов средствами церковно-певческой культуры

2.1 Описание базы эксперимента и диагностики сформированности уровней духовно-нравственного воспитания участников хоровых коллективов средствами церковно-певческой культуры

Исследование проводилось на базе трех хоровых коллективов: двух церковных и одного учебного. В первом случае: правый хор Храма Христа Спасителя и хор храма Покрова в микрорайоне Шереметьевский Долгопрудненского района Московской области. Во втором – вокально-хоровой ансамбль магистрантов и выпускников магистратуры МГПУ.

Продолжительность констатирующего этапа проведения эксперимента распределилась между коллективами, принявшими участие в эксперименте, неравномерно: в Храме Христа Спасителя – начиная с 2012 года на уровне педагогического наблюдения, а в храме Покрова и в составе вокально-хорового ансамбля МГПУ – с осени 2020 года. С этого же времени к экспериментальной работе в данных коллективах был подключен весь необходимый методологический инструментарий, включая наблюдение, опросник, анкетирование, тестирование; интервьюирование, ведение протокола, беседы с участниками, дискуссии, обсуждения, рефлексивный анализ. Констатирующий этап завершился к началу 2021 года. Исходный состав участников представлен в количестве 74: 35 – из Храма Христа Спасителя, 25 – из храма Покрова и 14 – из вокально-хорового ансамбля магистрантов и выпускников магистратуры МГПУ.

Два церковных коллектива имеют принципиально разную направленность своей творческой работы, а также кардинальное отличие друг от друга по их профессиональным характеристикам. Правый хор Храма Христа Спасителя представляет собой коллектив певцов исключительно профессионального типа. К работе не допускаются лица, не имеющие музыкального образования и церковно-

певческого опыта. Хор храма Покрова является любительским коллективом, в составе которого люди оказываются по желанию и внутренним устремлениям к освоению певческого искусства Церкви. Участники вокально-хорового ансамбля МГПУ представляют собой светски ориентированный сегмент учебного типа. Контингент певцов разнороден по степени своей профессиональной подготовки с преобладанием лиц, не знакомых с основами музыкальной грамоты. Фактор такого кардинального типологического различия между этими двумя коллективами, по замыслу автора эксперимента, способен существенно расширить границы исследовательских возможностей и привести в конечном итоге к получению более достоверного результата.

Храм Христа Спасителя действует 25 лет, будучи восстановленным в 1997 году. Руководителем правого хора Храма Христа Спасителя с 2007 года является Илья Борисович Толкачев. Возрастной диапазон певцов достаточно обширен – от 27 до 63 лет (с преобладанием границ от 35 до 48 лет). Старший сегмент участников по большей части представлен мужскими голосами.

Пространство для хора организовано на большой высоте на балконе, отгороженном от остальной части храма. Хор располагается в два ряда на станках, имеющих трехуровневую структуру. Если смотреть от певца в сторону храма, левый фланг первого ряда составляет партия альтов, правый фланг – сопрано. Левый фланг второго ряда представлен партией басов, правый – партией теноров. Количество певцов достигает 42 человек.

Перед началом любого богослужебного мероприятия певцам раздаются нотные материалы и печатные тексты, в которых содержатся изменяемые песнопения Православной Церкви: стихиры, тропари, прокимны, запричастны. В центре перед хором расположена клавиатура на подставке, с помощью которой регент задает певцам основной тон. Благодаря наличию аудиоаппаратуры осуществляется необходимая с точки зрения масштабов самого здания богослужебная коммуникация как внутри храма (между священнослужителями и хором), так и за его пределами при трансляции богослужения зрителям и слушателям.

Основным направлением деятельности хора является участие в правохорных службах, совершаемых в воскресные и праздничные дни и накануне вечером. Храм Христа Спасителя является кафедральным. Правый хор нередко принимает участие в патриарших богослужениях, поэтому он имеет статус «патриаршего хора». Праздничные и особые службы, возглавляемые Святейшим Патриархом Московским и всея Руси, приходятся на двенадцатые и великие праздники, дни Великого Поста, Страстной Седмицы, Пасху и пасхальные дни, а также дни памяти святителей Московских. Но этим творческая деятельность патриаршего хора Храма Христа Спасителя отнюдь не исчерпывается. Данный коллектив развивает активную концертную деятельность, участвуя в различных по своему масштабу и назначению мероприятиях. Распространенной является практика участия в различных фестивалях, благотворительных концертах, организуются поездки в разные регионы страны, а до недавнего времени также и далеко за ее пределы (Италия, Китай). Как минимум, два раза в год в Зале церковных Соборов Храма Христа Спасителя стабильно проходит два фестиваля – Пасхальный и Рождественский, ни один из которых не обходится без участия данного коллектива. Кроме этого, можно отметить многократные выступления патриаршего хора Храма Христа Спасителя в ежегодном фестивале под названием «Песнопения христианского мира».

Состав участников данного хорового коллектива достаточно разнороден, и в качестве условных критериев можно задействовать такие позиции, как: возраст, степень профессиональной подготовленности и зрелости, характерологические особенности, наличие и уровень церковно-певческого опыта, а также отношение ряда участников к Церкви и к религии в целом.

Вопреки распространенному представлению о том, что в храмах непременно работают лишь люди глубоко верующие и благочестивые, приходится констатировать значительную ошибочность такого мнения. И для констатации этого факта достаточно обратить внимание на внешние поведенческие проявления участника: у кого-то в руках на протяжении значительной части богослужебного времени мобильный телефон, кто-то

позволяет себе разговаривать и даже веселиться, кто-то увлечен беседами, содержание которых весьма далеко от религиозных вопросов. Эта описательная часть приобретает свою особенную важность на констатирующем этапе проведения эксперимента. Форма внешнего поведения представляет собой такой же коррелят внутреннего состояния, как и отношение эстетики и этики, о чем неоднократно говорилось в первой главе настоящего исследования. Факт такого дисбаланса между эстетикой храма и этикой поведения певцов хора подвел автора эксперимента к мысли о необходимости его провести в когнитивном этико-эстетическом ключе.

В составе хора заметно преобладает светски ориентированный сегмент участников, большинство из которых параллельно работает в различных государственных хоровых коллективах: капелла им. А.А. Юрлова, Государственный академический хор им. А.В. Свешникова, камерный хор п/у В.Н. Минина, хор Большого театра. Из этого списка очевидна сама направленность формирования кадрового состава хора, основу которого составляют лица с профессиональным музыкальным образованием, на чем сделан особенный акцент.

Однако профессиональная сторона организации открывает одну существенно важную проблему: латентная конкуренция за право быть лидером, откуда нередко появляется заметная «пестрота» в партиях, отсутствие единой тембральной окраски исполнения и другие производные, включая весьма распространенную антитезу двух типов вокального мышления – хорового и сольного. Одни участники склонны демонстрировать «красоту своего вокального звучания», всякий раз исполняя те или иные произведения или же их фрагменты в сольной манере, другие, каковых большинство, тяготеют к хоровому режиму работы, стараясь не выделяться из партии.

Данный комплекс проблем, включая как вокально-исполнительскую сторону, так и поведенческую, лег в основу характеристики констатирующего этапа эксперимента. Еще один важный аспект констатирующего этапа заключается в наличии опыта церковно-певческой работы. Певцы патриаршего хора имеют опыт церковного пения от нескольких (2-3 года) до 35 лет. Поскольку

речь идет о светски ориентированных участниках, данный вопрос приобретает значительную актуальность. Выше упоминался такой важный компонент церковного пения, как исполнение изменяемых песнопений. Этот пласт работы предполагает знание основных типов мелодических последовательностей, называемых гласами, а также их гармонизацию, которая соответствует той или иной партии.

По системе так называемого «осмогласия» Церковь практикует исполнение восьми таких мелодических типов, распространяемых, в свою очередь, на несколько гимнографических жанров, включая тропари, кондаки, стихиры, прокимны, ирмосы. Последние предоставляются певцам описываемого коллектива в нотном виде. Остальные типы песнопений подразумевают владение богослужебными гласами при отсутствии нот, лишь в текстовом формате, что приобретает только в певческой практике. В нотных сборниках гласов даны лишь типы их исполнения с иллюстрацией первого песнопения того или иного гласа, все же остальные тексты певец должен уметь воспроизводить самостоятельно. Опыт церковного пения наделяет певца общей способностью ориентироваться в пространстве богослужения, что в ряде случаев создает предпосылки к формированию качества инициативности. В составе патриаршего хора таких инициативных единиц – приблизительно по 2-3 человека в партии, каждая из которых насчитывает от 10 до 12 человек.

Таким образом, на исходном этапе можно констатировать некоторое различие между певцами по таким ключевым качествам, как церковно-певческий опыт и инициативность. Впрочем, при исполнении нотных произведений состав этих «инициативных групп» чаще всего меняется: на передовых рубежах исполнительской деятельности оказывается уже не столько знание богослужебного материала, сколько характер песнопения, его художественная выразительность, что в большей степени определяется профессиональными качествами исполнителя, нежели богослужебным опытом. Эта антитеза релевантна в сфере поиска творческого диалога и установления контактов для дальнейших этапов проведения эксперимента.

В продолжение описания экспериментальной базы необходимо также сказать несколько слов о репертуаре патриаршего хора. Состав песнопений, исполняемых на богослужении, имеет чрезвычайно широкий диапазон художественной выразительности, включая в той или иной мере фактически все жанровые и стилистические направления церковной музыки, практикуемые в православии. Хоровой коллектив исполняет знаменный распев, обиход, произведения церковного барокко, романтизма, гармонизованных песнопений в русле народных ладовых традиций, огромное количество разнообразных по своей стилистике авторских сочинений. К числу композиторов, произведения которых исполняются наиболее часто, можно отнести А.А. Архангельского, М.А. Балакирева, Д.С. Бортнянского, А.Л. Веделя, Н.С. Голованова, А.Т. Гречанинова, А.Д. Кастальского, С.В. Рахманинова, Н.А. Римского-Корсакова, К.Н. Шведова, П.И. Чайковского, П.Г. Чеснокова и ряд других. В диапазон исполняемого репертуара входят также и произведения более поздних авторов, вплоть до современников. Среди таковых, прежде всего, следует упомянуть Г.В. Свиридова и его ученика А.О. Вискова, диакона Сергия Трубачева, Б.М. Феокистова и др.

В рамках концертной деятельности патриаршего хора можно было бы отметить существенное расширение репертуара, охватывающего собой не только православные богослужебные песнопения, но также и западные сочинения латинской католической традиции: *Hodie, Lux Aurumque, Ave Generosa, Lux Aeterna* и многие другие. Кроме этого, патриарший хор исполняет классические произведения русских композиторов, народные песни в обработках. Все это свидетельствует о чрезвычайной широте исполнительских границ в деятельности данного хорового коллектива, а также об определенном уровне его профессионализма.

К разряду негативных характеристик, суть которых кратко обозначена выше, можно отнести интонационные погрешности, демонстрируемые определенной частью коллектива в процессе исполнения, в результате чего нередко хор способен существенно «занизить» первоначальный тон в конце песнопения; в ряде случаев наблюдается также некоторая тембральная «шероховатость» в

составе той или иной партии, и по этой причине певцы теряют ощущение творческой слаженности и монолитности исполнения.

Одной из фундаментальных негативных характеристик является отсутствие общей устремленности к воспроизведению единой художественной идеи, передачи ее эстетических красок и самой фактуры исполняемого песнопения. Коллектив в этом смысле располагает ограниченным творческим арсеналом, по большей части отражающим способность все воспроизводить лишь в классической художественной парадигме.

Между тем, специфика церковной музыки имеет как свои сходства с классическим типом исполнительства, так и свои существенные от него отличия. Это проблемное звено в значительной мере и определило когнитивную направленность самой дальнейшей экспериментальной работы, которая подразумевает развернутую характеристику жанров церковного пения, их эволюции и художественной специфики. Состав патриаршего хора, как уже было отмечено, достигает 42 человек. Из них двое отказались от участия в эксперименте, а пятеро не вошли в возрастные границы, которые нами заявлены (пар. 1.2). На констатирующем этапе состав участников от хора Храма Христа Спасителя представлен в количестве 35 человек: мужчин – 14 (40%), женщин – 21 (60%). По возрастным позициям описания заметно преобладает старший сегмент. Напомним, в качестве условной границы нами обозначен возраст 30 лет (пар. 1.2). Итак, из 35 участников младший сегмент – 7 человек (20%), старший – 28 человек (80%). Мужская часть в младшем сегменте – 2 человека, женская – 5 человек. В старшем сегменте мужчины представлены в количестве 11, женщины – в количестве 17.

Хор храма Покрова в г. Долгопрудном Шереметьевского микрорайона Московской области представляет собой вторую базу проведения эксперимента. Творческая биография данного коллектива имеет не такие масштабы, которые отмечены нами применительно к патриаршему хору. Деятельность певцов храма Покрова сведена лишь к участию в богослужениях – воскресных и праздничных. Состав хора достигает 28 человек. По своим профессиональным характеристикам

данный коллектив можно отнести к разряду любительских хоров. Это во многом определяет степень участия певцов в исполнительской деятельности, которое, в отличие от хора Храма Христа Спасителя, не подразумевает необходимость дисциплинарного регламента с обязательным присутствием всех участников. В структуре данного коллектива действует наиболее активное звено, которое постоянно присутствует на каждом богослужении. Этот сегмент представляет собой «творческий каркас», на который опираются остальные певцы, присутствующие на богослужениях несколько реже. Постоянные участники представлены в количестве 12.

Возрастной диапазон певцов – от 20 до 75 лет. В целом по возрасту состав распределен равномерно, с некоторым преобладанием лиц среднего возраста: от 30 (ближе к 30) до 50 лет. Для участия в эксперименте в соответствии с теми возрастными параметрами, которые нами были заявлены в параграфе 1.2, было отобрано 25 человек: мужчин – 11 (44%), женщин – 14 (56%). Старший сегмент участников – 17 человек (68%): мужчины – 7, женщины – 10. Младший сегмент – 8 человек (32%): мужчин – 4, женщин – 4. Подавляющее большинство участников не имеют музыкального образования, включая начальное. Некоторые обучались в музыкальной школе и училище. Участники являются представителями совершенно различных специальностей: программисты, ученые-физики, воспитатели, педагоги, сотрудники музеев и др. Наибольшая часть певцов, исходя из данных проведенного на констатирующем этапе педагогического наблюдения, в той или иной мере религиозно мотивирована: например, фактически отсутствует желание вести посторонние разговоры, а если таковые и фиксируются, то они сводятся лишь к нескольким репликам. Интерес к мобильным и иным средствам, позволяющим «отвлечься», также минимален, в отличие от предыдущей группы.

По части репертуарных позиций деятельности данного коллектива можно отметить значительную минимизацию в исполнении авторских произведений. В основном богослужebное пение представлено обиходом, который для освоения любителем довольно прост. Обращает на себя внимание тот факт, что большинство участников имеет многолетний опыт церковного пения – от 5 до 32

лет. Однако в составе коллектива присутствуют и те певцы, у которых опыт либо непродолжителен, достигая нескольких месяцев, либо же отсутствует вовсе.

Вокально-хоровой ансамбль магистрантов и выпускников магистратуры МГПУ задействован нами в качестве третьей части экспериментальной базы и представлен в рамках настоящего эксперимента в количестве 14 участников: мужчин – 4 (28%), женщин – 10 (72%). Преобладает младший сегмент – 9 участников (64%): мужчин – 2, женщин – 7. Старший сегмент – 5 участников (36%): мужчин – 2, женщин – 3. Репетиции в данном коллективе регулярно проводятся два раза в неделю.

Исполняемый ансамблем репертуар разнороден, и широта его жанрового охвата включает в себя много различных направлений – от классики до эстрадно-джазовой музыки, от духовных песнопений до обработок народных песен. Столь широкий репертуарный диапазон творческой деятельности вокально-хорового ансамбля объясняется его учебной направленностью, которая диктует необходимость освоения самых различных жанров и стилей. Ансамбль действует с 2018 года. Руководителем является доктор педагогических наук, профессор департамента музыкального образования Ольга Владимировна Грибкова.

По реализации процедуры педагогического наблюдения, проведенной в рамках первичной диагностики в трех хоровых коллективах, дальнейший отрезок констатирующего этапа эксперимента был направлен на более детальное исследование участников по различному спектру их позиций, связанных с возможностью многостороннего анализа полученного материала.

В рамках первой беседы на тему церковного пения и проблем духовной нравственности участникам всех коллективов в конце мероприятия было предложено в домашних условиях заполнить опросники, разработанные автором. Вопросы представлены в количестве 17. Содержание вопросов имеет две направленности: внешне-информативную и внутренне-мировоззренческую. В регистр вопросов информативного плана попадает начальная часть опросника с минимальным количеством пунктов: возраст, сфера деятельности, источник информации о коллективе, опыт церковного пения. Остальные вопросы

направлены на внутренние характеристики личности, ее музыкально-эстетические предпочтения, осведомленность в церковно-певческих жанрах, степень активности в исполнительском процессе, а также понимание специфики духовной нравственности и ее взаимосвязи с церковно-певческим искусством.

Перечислим наибольшую часть вопросов, связанных с мировоззренческими личностными характеристиками респондента. Перечень заложенных в содержание опросника пунктов можно разделить на три тематические группы:

1. Вопросы эстетической направленности: Какие музыкальные жанры Вас привлекают? С чем ассоциируется церковное пение? Знакомы ли Вы с церковно-певческими стилями? Какие из них Вам особенно близки? Что, по-Вашему, преобладает в восприятии церковного пения – слово, музыка, эмоционально-художественная выразительность? Как Вы считаете, допускается ли привнесение в богослужбную музыку каких-либо компонентов нецерковной музыки? Если да, то какие направления в этих компонентах могут считаться допустимыми: классическая музыка, народная, рок, эстрада, популярная музыка, рэп и проч.? Какие компоненты решительно недопустимы? Почему? Или же допустимо все?

2. Следующая группа – вопросы, характеризующие степень коммуникативной активности и расположения к творческой эмпатии: Как Вы относитесь к общению в процессе коллективной работы? Работа в коллективе Вас радует, или, напротив, она утомительна для Вас? Насколько Вам близок жанр спора, дискуссии, обсуждения? Нравится ли жанр рассуждений или все ограничивается лишь желанием выполнять поставленную задачу? В данном вопросе важным является определение самовосприятия себя субъектом исполнительской деятельности – либо как единицы творческой, либо же как единицы исключительно функциональной.

3. Вопросы, направленные на понимание специфики духовной нравственности: Можете ли Вы объяснить, в чем заключается духовная нравственность? Чем духовная нравственность отличается от нравственности в ее обычном понимании?

Все три блока обусловлены фундаментальной взаимосвязью эстетики (1 блок) с этикой (2 блок), реализуемой на уровне отношений к окружающему миру, чему в наибольшей степени соответствует интерактивность между людьми, их эмпатия и коммуникация. На этой базовой послыке строится все концептуальное пространство как эксперимента в целом, так и его констатирующего этапа, включая разработку материала опросника.

На основании ответов на поставленные вопросы выстраивается необходимый для исходной диагностики и ее дальнейшего анализа описательный ряд, позволяющий сформировать представление о личности респондента. Полученные данные затем выражаются в количественных параметрах. В качестве иллюстрации приведем ответы на принципиально важный вопрос эстетической совместимости церковного пения с другими музыкальными направлениями нецерковного плана. Нами представлена развернутая экспозиция в виде классической музыки, народной, а затем эстрады, рока, популярной музыки, рэпа. Ни один из участников не выразил согласия с возможностью внедрения в ткань церковно-певческого искусства компонентов из области обозначенных нами современных музыкальных направлений. Незначительная часть респондентов высказалась за осторожность каких-либо внедрений с учетом фактора эстетического созвучия, в диапазоне которого усматривается некоторая грань допустимости, способной влиять на музыкально-исторические процессы.

Итак, в качестве примера приведем ответ одного из самых молодых участников в возрасте 22 лет, который провел довольно четкую демаркацию между классической и народной музыкой, с одной стороны, а также рока, эстрады, популярной музыки и рэпа, с другой, отметив принципиальную недопустимость присутствия в церковной музыке второго ряда направлений: «Допустимы: классическая музыка, народная, недопустимы: рок, эстрада, популярная музыка, рэп – по-моему, вне жанра». Второй участник в возрасте 43 лет выразил наиболее радикальную позицию: «Не допускается привнесений каких-либо компонентов нецерковной музыки – ни в коем случае». Сходная точка зрения выражена респондентом в возрасте 41 года.

Из 74 участников 14 воздержались от ответа, 4 ответа не имели четкой артикуляции, содержа формулировки «наверное, что-то допустимо», 56 выступили решительными противниками внедрения в церковную музыку того, что с ней эстетически несовместимо в современных течениях. Из этих 56 участников все выступили за сохранение традиций с возможностью привлечения элементов классической музыки, 39 из них наряду с классикой допустили также употребление народных компонентов. По совокупности всех ответов, характеризующих содержание художественного мышления и эстетических приоритетов самих участников, ниже приведем общий количественный результат, зафиксированный нами на констатирующем этапе эксперимента. Данные раскладки характеризуют общее содержание практикуемых нами подходов к проблеме выявления количественных данных.

Эстетический блок вопросов имеет три принципиальные направленности: 1) интерес к церковной музыке, 2) интерес к светской музыке, 3) совместимость светского и церковного в художественном сознании респондента. Результаты начальной и контрольной диагностики будут оцениваться по десятибалльной шкале с градуировкой «низкий» (от 0 до 4 баллов), «средний» (от 5 до 8 баллов), «высокий» (от 9 до 10 баллов).

Раздел вопросов, связанных с пониманием специфики духовной нравственности (этический блок), также отвечает исходной антитезе «светского» и «духовного»: 1) нравственность в ее обычном (светском) понимании, 2) нравственность духовная, ее особенности и отличия от нравственности «светской», если таковые усматриваются участником опроса. Критерии оценивания также распределены по трем основаниям, но не с точки зрения уровня (как в предыдущем случае), а с позиции типологии самого ответа и его содержательной направленности:

- «догматический тип», имеющий ярко выраженную религиозную церковно-институциональную окраску;
- «критический тип», реализующийся в жанре рассуждения над поставленным вопросом через призму личного опыта;

- «неопределенный тип» с невнятной смысловой артикуляцией либо же отсутствием ответа, как такового.

Принципиальный отказ от данной антитезы светского и духовного в нашем случае также отнесен к разряду «догматических суждений», поскольку исходная посылка трактуется как аксиома, без попытки предложить ее собственное осмысление и анализ.

Третий блок вопросов направлен на диагностику коммуникативных аспектов мышления участников. По данному блоку нами также выдвигается три позиции:

- 1) «остросюжетные» жанры коммуникации в виде «дискуссии, спора»;
- 2) стремление респондента к общению в его непосредственной повседневной репрезентации (эмоциональная расположенность к собеседникам);
- 3) функционально-интерактивная трактовка коммуникативного процесса в совместной исполнительской деятельности.

Первые две позиции формируют представление о склонности к «согласию» или «несогласию». Третья позиция представлена в виде вопроса: «Нравится ли жанр рассуждений или все ограничивается лишь желанием выполнять поставленную задачу?» В его содержание заложено противопоставление, которое в ряде случаев может показаться ложным, что и следует из части анкетных данных. Однако такой прием формулировки позволяет выявить степень желания и активности участника в поиске ответов на поставленные вопросы, что приобретает свою актуальность на герменевтическом этапе реализации констатирующего этапа эксперимента, о чем речь пойдет ниже. Сама же антитеза «рассуждения» и «выполнения задачи» направлена на выявление склонности участника противопоставлять себя (если ответ свести лишь к «рассуждению») либо же трактовать свою роль в сугубо функциональном ключе («выполнение задачи без рассуждения»), при котором респондент «пришел в храм, отпел службу и ушел». Оптимальным представляется синтез этих двух позиций.

Обработка анкетных данных не исчерпывается лишь анализом содержания конкретных ответов на поставленные вопросы. Сами эти ответы также имеют

внутреннюю корреляцию между собой, на основе которой можно выстроить целостные композиции, открывающие доступ к анализу личностных характеристик респондента, что имеет существенное значение в области разработки педагогических тактик и стратегий. Реализуется эта задача с помощью двух методов, которым отвечает два последующих отрезка в реализации констатирующего этапа эксперимента – *методы реконструктивный и герменевтический*.

Реконструктивный метод направлен на воссоздание (реконструкцию) исследуемого объекта, основанное на тех или иных фрагментарных данных, которыми располагает исследователь. В регистр первостепенных задач входит согласование этих данных друг с другом, что позволяет восстановить недостающие звенья в цели построения общей композиционной картины того, что исследуется. В нашем случае такими «фрагментарными данными», позволяющими воспроизвести формат личности с соответствующим описательным рядом, являются ответы на поставленные в анкете вопросы.

Герменевтический метод реализуется на уровне процедуры понимания, что представляет собой целостное интуитивно-иррациональное проникновение в глубинные ноуменальные структуры текста, открывающее доступ к анализу самого его автора. Ключевыми позициями данного метода являются прочтение скрытых (подразумеваемых) смыслов, их интенционального состава, степень соответствия или же отчужденности между формой выражения текста и его смысловым содержанием и т.п. В настоящем случае под этим «текстом» подразумевается опять-таки состав анкетного материала с ответами респондентов. Прочтение того, какой имплицитный посыл заложен в тексте самих ответов, входит в диапазон применения нами герменевтического метода. Пространство герменевтических оценок выражается с помощью трех предлогов: «к» (стремление к эксперименту, отклик), «от» (отстраненность, равнодушие), «против» (сопротивление).

В качестве иллюстрации того, как используются эти два метода и какова их эффективность, приведем несколько примеров. Коль скоро речь идет об анализе

связи ответов в тексте между собой, в рамках реконструктивного метода нами выдвигается три (релевантные настоящему исследованию, т.к. число может быть большим) задачи:

1) связь двух направлений содержания ответов – внешне-информативного и внутренне-мировоззренческого;

2) связь ответов внутренне-мировоззренческого плана между собой;

3) структура ответов по позиции «краткость» и «развернутость». Последний сегмент задач отвечает такому ключевому качеству «реконструируемой» личности, как способность (или же ее отсутствие) идти на контакт с автором, рассуждать (или не стремиться рассуждать) на темы, предложенные в опроснике. Следующий этап по завершении реконструктивного анализа является герменевтическим.

Итак, с учетом всех поставленных задач рассмотрим следующий пример. Участник: студент в возрасте 24 лет, стаж церковного пения – 15 лет. Уже из этих поверхностных данных очевидно, что респондент приобщен к церковному пению с детства. Предполагаемая референтная группа (то есть та, с которой субъект себя соотносит – от англ. to refer, «относиться») – молодой образованный человек. Приведем некоторые ответы на вопросы внутренне-мировоззренческого ряда, что позволит нам существенно обогатить наше аналитическое пространство.

1. Музыкальные предпочтения респондента:

1) классическая музыка – особенный интерес вызывает эпоха импрессионизма и XX века, 2) рок, 3) фолк, 4) китайская музыка, опера, пекинская опера, хип-хоп, поп-музыка, японская музыка.

2. Интерес к церковному пению.

Вопрос: Знакомы ли Вы с церковно-певческими стилями? Какие из них Вам особенно близки? – Ответ: Я не выделял бы что-то одно.

3. Коммуникация. Ответ: Я не люблю говорить.

4. Внедрение в богослужебную музыку нецерковных компонентов. Ответ: Возможно, классическая музыка допустима.

5. Отличие духовной нравственности от светской. Ответ: Ничем не отличается.

По своей структуре все ответы очень кратки. Из полученных данных на базе реконструктивного метода можно вывести следующие позиции: отсутствие выраженного интереса к церковному пению при наличии такового к другим музыкальным направлениям, совместимость которых с интересом к православному богослужению, мягко говоря, сомнительна: китайская, японская, хип-хип, популярная. По всей видимости, церковно-певческое исполнительство носит инерционный характер, так как респондент приобщен к нему с детства, и потому его участие в церковном хоре может быть обусловлено устоявшимися семейными обычаями, традициями и не иметь характера осмысленности. Респондент не коммуникативен, что также подтверждается предельной краткостью его ответов. Совместимость богослужебного пения с классикой допускается на уровне «возможности», что свидетельствует об отсутствии интереса к данной проблематике, но сохраняется принцип эстетической когерентности. Тематика, связанная с анализом духовной нравственности, также не представляет для респондента никакого интереса. Таким образом, реконструктивный метод позволил нам воссоздать наиболее вероятный облик данного участника.

На уровне герменевтического метода относительно того же респондента можно на базе реконструктивного воспроизведения предпринять попытку прочтения внутреннего смысла, основного интенционального посыла по отношению к автору вопроса, что можно перевести следующими словами: «Мне Ваши вопросы не интересны». А если дополнить наш список и подвергнуть его герменевтическому анализу, то к полученным данным можно присовокупить еще два вопроса и ответа.

1. Вопрос: Что, по-Вашему, преобладает в восприятии церковного пения – слово, музыка, эмоционально-художественная выразительность? – Ответ: Слово и музыка. Эмоционально-художественная выразительность – это также является частью музыки.

2. Вопрос: Можете ли Вы объяснить, в чем заключается духовная нравственность? – Ответ: Могу. В первом случае произведена попытка автору объяснить, что вопрос поставлен некорректно: эмоционально-художественная выразительность – это то, что «также является частью музыки, и их противопоставление неуместно». Во втором случае ответ построен по принципу «каков вопрос, таков и ответ». Респондент сводит сущность вопроса к его формальной составляющей, абстрагируясь от самого содержания и цели, на которую данный вопрос был направлен. Было отчетливо продемонстрировано отсутствие всякого желания «вслушиваться в вопрос и пытаться его понять». Такого рода «вопросы-провокативы» оказываются полезными в сфере проведения диагностики. Вероятнее всего, автор данных ответов склонен обесценивать те или иные педагогические начинания. Если характеризовать с помощью вышеуказанных предлогов, то в данном случае уместным было бы употребление предлога «против».

Второй пример. Женщина 42 лет, преподаватель английского языка. Также выведем пять позиций, как и в предыдущем случае.

1. Музыкальные предпочтения: духовная и академическая музыка, популярная, которую слушает молодежь.

2. Интерес к церковному пению. Ответ развернут: знаменный распев, путевой, византийский, греческий, соловецкий и многие другие лежат в основе многих современных произведений и напевов. Основная и первостепенная задача именно богослужебной музыки – это молитва. Молитва объединяет людей с Богом...

3. Коммуникация. Ответ: Я приветствую общение в коллективной работе в рамках дозволенного, хотя бывают особые службы, особые моменты, когда от каждого человека требуется максимальной концентрации и внимания...

4. Внедрение в богослужебную музыку нецерковных компонентов. Ответ: Исполнение рока, репа и т. д. является недопустимым и неуместным. Данные направления в музыке не страдают от невостребованности или невозможности

трансляции по телевизору, радио. Существует масса мест, где можно послушать такую музыку.

5. Отличие духовной нравственности от светской. Ответ: духовная нравственность не стоит на месте, она постоянно развивается, совершенствуется. То есть человек ведет постоянную работу над собой. Духовная нравственность – это более глубокое понятие, которое не ограничивается принятыми в обществе нормами.

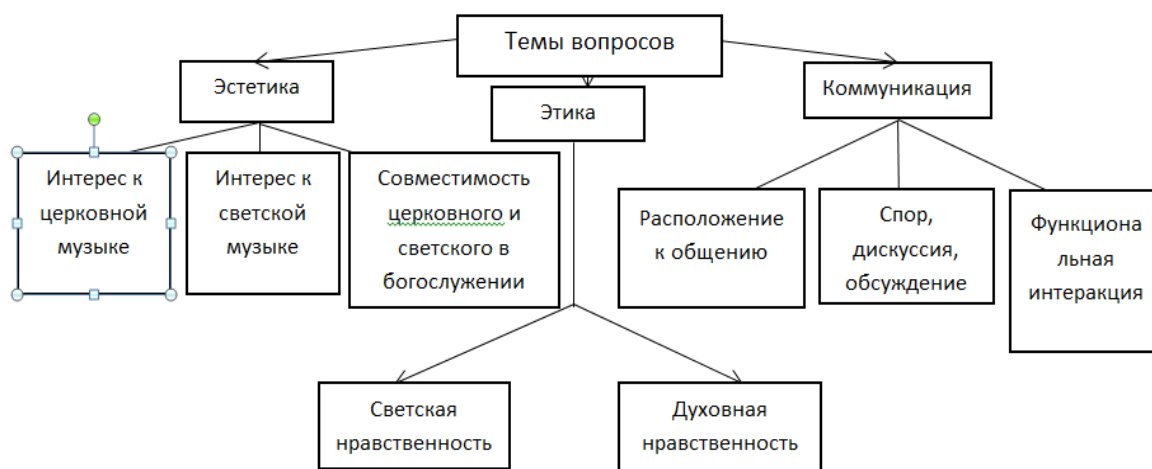
Из этой краткой экспозиции для сравнения двух анкет бросается их кардинальное отличие друг от друга. Педагог с жизненным опытом (42 года) видит необходимость в сближении с молодежью. Один из ее ответов: «Не поддерживаю отрицание современной музыки по многим причинам, одна из которых – это определенный трамплин, помогающий быть ближе к молодому поколению и преодолевать барьеры непонимания». Из этого следует предварительная оценка, которую можно было бы описать следующим образом: личность достаточно коммуникативна и отличается стремлением развернуто рассуждать на тему поставленных вопросов.

На базе полученных ответов по совокупности опросных материалов, которые здесь изложить в полном объеме не представляется возможным, в целом, отмечается тот факт, что *наибольшей коммуникативностью в сфере диалога обладают лица среднего возраста*. Данное гипотетическое утверждение распространяется только на участников настоящего эксперимента, которое, впрочем, обращает на себя некоторое внимание с исследовательской точки зрения в масштабах, выходящих за пределы представленной группы.

Далее интерес к церковному пению имеет достаточно широкие границы, поскольку респондент, как минимум, перечисляет их стили – следовательно, они попадают в сферу его интересов. На тему духовной нравственности ответы даны краткие, вопреки общей тенденции, что свидетельствует об участнике, как практике, не склонном к далекоидущим теоретическим построениям. Герменевтически фиксируется отзывчивость данного участника опроса. Уместнее всего ее отношение к эксперименту характеризовать предлогом «к».

Полученные реконструктивным и герменевтическим путем данные сопоставляются с последующим педагогическим наблюдением, что в совокупности полагается в основание формирования тактик и стратегий проведения эксперимента. Ниже представим модель реализации констатирующего этапа в виде его трех последовательных блоков: опросно-аналитический, реконструктивный, герменевтический. Первый блок включает в себя темы вопросов: эстетика, этика, коммуникация, которые распределяются на соответствующие разделы. Реконструктивный этап реализуется с помощью решения трех основных задач: связь содержания ответов с информативными данными о респонденте, связь ответов между собой, структура ответов по позиции их краткости или же развернутости, что позволяет оценить диалогичность участника. Герменевтический этап направлен на выявление скрытых структур, интенциональных посылов, имплицитных смыслов. На базе полученных данных выстраивается, как нами уже отмечено, характеристика с помощью трех модальностей: «к», «от» и «против».

1. Опросно-аналитический этап констатирующей части эксперимента

2. Реконструктивный этап

Задачи:
1. Связь содержания ответов с внешней информацией о респонденте
2. Связь содержания ответов между собой
3. Структура ответов по позиции «краткость-развернутость»

3. Герменевтический этап

Задачи:
1. Выявление интенциональных посылов
2. Прочтение имплицитных смыслов
3. Оценка с помощью трех модальностей «к», «от» и «против»

Итак, на предварительной фазе констатирующего этапа с помощью процедур педагогического наблюдения, беседы, анкетирования, а также реконструктивного и герменевтического методов обработки полученных данных нами была проведена исходная диагностика состава участников по трем тематическим позициям: *эстетика*, *этика*, *коммуникация*. Построение этого ряда

продиктовано самим предметом исследования, который, напомним, обозначен нами как: «духовно-нравственное воспитание участников хоровых коллективов средствами церковно-певческой культуры», из чего «церковное пение» соответствует эстетике, «духовная нравственность» – этике, а «педагогика и, в частности, воспитание», будучи синтезом этих двух составляющих, включает в себя также проблемы интерактивности и коммуникации.

Базируясь на этих основаниях, приходим к построению критериального аппарата по семи позициям: 1) эстетика, 2) этика, 3) аксиология, 4) коммуникация, 5) социальная адаптивность, 6) эстетическая активность, 7) этическая деятельность. Три первых представляют собой устойчивый план (инвариант), четыре последних – подвижный план (вариативность). Все затронутые нами проблемы тем или иным образом друг с другом переплетены, имея условную взаимосвязь. Данная разработка нами сведена к предельно допустимому минимуму. Поскольку критериально-оценочная база включает в себя широкий диапазон вопросов, построение настоящего критериального аппарата во избежание громоздкости реализуется *по двухчастному принципу*: «критерий» и соответствующий ему «уровень», представленный в трех градуальностях: «высокий», «средний», «низкий» (минуя такую позицию, как «показатель», требующий еще большей детализации). Данные реконструктивного и герменевтического методов в разработке критериальной части соответствуют *мотивационному этапу*, отраженному в параграфе 1.3. при описании модели, поэтому обозначены нами наряду с самими критериями, которые занимают важное местоположение в реализации *трансформационно-содержательного этапа* эксперимента.

Тематические позиции критериального аппарата уместно представить в следующем виде: 1. эстетика, характеризующая эстетическое мышление и вкус; 2. этика – нравственное развитие (поведение); 3. аксиология – ценностно-мировоззренческий ряд; 4. коммуникация – эмпатия, диалогичность; 5. социальная адаптивность – характерология личности и ее встраиваемость в пространство своего окружения; 6. эстетическая активность – творческая

заинтересованность и способность транслировать эстетические ценности; 7. этическая деятельность – нравственное участие в жизни окружающих.

Первые три критерия выражают *инвариантный ряд* соответствия личностной позиции нормам духовной нравственности и в целом кратко описаны выше. Вторая группа из четырех последующих критериев соответствует *вариативности личностных проявлений, индивидуальным типам*. Критерий «коммуникация» представляет собой многомерный феномен, и из всей совокупности его сторон выбирается то, что имеет принципиальное значение для духовно-нравственного развития – «коммуникативность, диалогичность и способность к эмпатии». «Социальная адаптивность» характеризует «встраиваемость индивида в пространство социума», где свою релевантность приобретают такие вопросы, как «ригидность» личности («категоричность») или же, напротив, ее «аморфность» и «податливость», «закрытость», сопровождаемая «внутренней неустойчивостью» или же «открытость» и «устойчивость».

Два последних критерия коррелируют с двумя первыми, выражая их практическую реализацию. «Эстетическая активность» выражается в таком концепте, как «творческая заинтересованность», поскольку развитие духовно-нравственной жизни осуществляется средствами церковно-певческой культуры, которой ее адепты в большинстве своем причастны на уровне *исполнительства*. Но также следует отметить, что и обычный слушатель способен подходить к вопросам церковного пения «творчески» и «заинтересованно» (например, популяризируя его). «Этическая деятельность» в данных раскладках имеет ближайшую ступень своей реализации на уровне «нравственного участия» в фундаментальном смысле данного словоупотребления. Ниже представим эти критерии и соответствующие им уровни в виде таблицы.

Критерии и уровни сформированности в сфере духовно-нравственных качеств

Критерии	Уровни		
	Высокий	Средний	Низкий
Эстетический	В суждениях прослеживается твердая опора на традиции – национальные (связь с «обществом») и мировые (связь с «публикой»). В сфере дифференциации стилей присутствует прочная идентификационная основа, позволяющая ставить важные акценты в сфере художественного оценивания того или иного творческого продукта. Ярким образом преобладает представление об искусстве как олицетворении Прекрасного, способного передавать высокие идеи и ценности.	Личность имеет сравнительную эстетическую устойчивость, при которой фиксируется способность дифференцировать жанры и стили музыки по степени их «близости» и «отдаленности». Слабо прослеживается связь с «обществом», т.е. традициями. Роль традиции и классики оценивается как «важная», однако в составе эстетических вкусов предпочтение все же в большей степени отдается современным музыкальным направлениям.	Отсутствие прочной самоидентификационной основы личности в сфере ее художественных вкусов и предпочтений. Не фиксируется способность к демаркации между «близким» и «далеким». В эстетическом сознании преобладает принцип «допустимо все». «Центр» личности в воззрениях участника по нашей классификации соответствуют «аморфному типу».
Этический	Участник демонстрирует выраженный интерес к проблемам духовной нравственности. Прослеживается стремление опереться на традиционный мировоззренческий фундамент. При наличии прочной самоидентификационной основы фиксируется диалогичность субъекта, стремление мыслить в категории «быть», а не «иметь».	Выявляется устойчивый нравственный ряд в суждениях участника. Но при этом интерес к проблематике духовной нравственности в целом выражен довольно слабо. Ощущается внутренняя лабильность позиции со склонностью к социальной «бессубъектности».	Прослеживается такой же набор характеристик, как и в позиции «эстетика», только в их этическом выражении. Не фиксируется «связь с обществом» и его традициями. Отсутствует фундамент в сфере нравственных суждений при констатации иррелевантности самой данной

			проблематики.
Ценностный	В позиции участника прослеживается выраженный интерес к проблемам взаимосвязи этического и эстетического начал. В суждениях данной тематической направленности присутствует прочный мировоззренческий и художественно-ценностный фундамент. Участник проявляет активность и заинтересованность в изучении данной области вопросов. Мировоззрение имеет твердую ценностную основу.	Участник способен дифференцировать эстетическое пространство по степени его коррелируемости с внутренними нравственными и смысловыми интенциями, а также фиксировать соответствие или же несоответствие между творческим продуктом и его этическим и художественным контекстами. Однако в личностной позиции участника преобладает заметное равнодушие и нежелание в данную область углубляться.	Отсутствует интерес к проблемам мировоззренческого и ценностного планов. Участником демонстрируется отсутствие способности оценивать степень корреляции этики и эстетики, их художественно-ценностного созвучия в составе творческой деятельности актора. Мировоззренческая позиция в целом характеризуется аморфностью и разнонаправленностью этико-эстетических взглядов участника.
Коммуникативный	Участник демонстрирует коммуникативную активность, заинтересованность к проблемам диалога и умения слушать. Прослеживается фундаментальная «открытость», выражающаяся в готовности обсуждать различные темы, но приоритеты закреплены за важными вопросами. Если в коммуникации присутствует некоторая отстраненность, то она имеет, скорее, созерцательную эмоциональную окраску, нежели желание себя противопоставить тому, что происходит. В рамках данной парадигмы отношения преобладает	Коммуникативная составляющая имеет посредственный уровень выразительности. Общение допускается и в ряде случаев поддерживается, но в основном на нейтральные темы. При этом отсутствует выраженный интерес к диалогу, к проблеме понимания собеседника. Ситуации, способные вызывать какие-либо общие эмоции, объединяющие коллектив в единую целостность, имеют определенное воздействие на участника. Но эмоциональная эмпатия не имеет яркой окрашенности. Преобладает модальность	В процессе коммуникации участник демонстрирует отстраненность и равнодушную замкнутость, нежелание слушать и слышать собеседника. На передовых рубежах поведения отчетливо прослеживается артикуляция антитезы «Я / вы». Отстраненность имеет недоброжелательный характер. То же самое фиксируется в сфере эмоционального реагирования на те или иные общие ситуации,

	модальность «к».	«от».	позволяющие оценивать степень эмпатии участника. Преобладает модальность «против».
Социально - адаптивный	Участник способен взаимодействовать с другими по всем критериям социальной интерактивности, включая расположенность к коммуникации, понимание категориально-понятийного языка и прочие производные. У такого типа личности отсутствует фобия перед «поглощением» и «изоляция». Субъект способен на интерактивной основе не только к рецепции социальных норм, но и к их дальнейшей трансляции на языке тех общезначимых констант, которые в обществе приняты.	Встраиваемость в пространство социальной коммуникации представляет исходную константу личности и в целом не проблематизируется. Прослеживается наличие личностного ядра (устойчивые типы реагирования) и периферийных слоев (уровень вариативных проявлений). Участник способен к рецепции норм социального окружения, но в заметной меньшей степени обнаруживает склонность к их трансляции в социокультурное пространство. Территория обмена интерактивным опытом по большей части имеет односторонний характер.	Основная характеристика данного уровня – неспособность к встраиваемости в социально-коммуникативное пространство. В поведении прослеживается некоторая фобичность перед возможностью «растворения себя в обществе». Отсюда исходная склонность себя противопоставлять окружению. Характер отличается ригидностью, инвариантностью и замкнутостью. Реализация механизма рецепции социальных норм, как и их дальнейшей трансляции субъектом, становится затруднительной.
Деятельно-эстетический	Участник позиционирует себя как активная творческая единица, способная транслировать эстетические ценности. В составе его исполнительских действий, как и в общей траектории рассуждений на затронутую в данном критерии тему,	Участник проявляет некоторый интерес к творческой деятельности, однако не склонен рассматривать эти вопросы в фундаментальном плане. Функциональное восприятие эстетики, как и творческая реализация, в сознании представителя	Участник отличается творческим равнодушием, рассматривая свою эстетическую деятельность, как и интерес к этой области в целом исключительно в функциональном ключе. Отсутствует

	<p>прослеживается ярко выраженная творческая активность и глубокая мотивированность.</p> <p>Исполнительский ряд генерируется не теми факторами, которые влияют на субъекта извне, включая руководство, принципы организации и дисциплины, а изнутри – самим художественным сознанием участника творческого процесса.</p>	<p>среднего уровня диагностики по данному критерию преобладает.</p> <p>Творческое участие в процессе исполнения, как и с точки зрения общего отношения к реализации художественных ценностей, имеет не ярко выраженный характер.</p>	<p>активность и заинтересованность в вопросах своей самореализации на творческом поприще.</p> <p>Доминирующую роль в сознании приобретает круг тех исполнительских обязанностей, к которым субъект склонен сводить все пространство своей художественной деятельности.</p>
Деятельно-этический	<p>Участник демонстрирует активность и заинтересованность в вопросах жизни социального окружения.</p> <p>Его позицию можно охарактеризовать как «ненавязчивое участие».</p> <p>Ключевой характеристикой высокого уровня этической активности является фундаментальная «открытость» к проблемам окружающих людей и личная заинтересованность в их разрешении.</p>	<p>Субъект не исключает своего участия в тех фактах, которые имеют этическое значение.</p> <p>Однако он также не испытывает стремления проявлять какой-либо активный интерес к проблемам окружающих его людей. Действиями такого субъекта в большей степени руководит негласная норма общественной жизни, при которой «просто принято помогать», не особенно вовлекаясь в данный процесс.</p>	<p>Образ поведения участника, как и его суждения на тему нравственного участия, характеризуются полным отстранением от всего, что его окружает. Данное состояние имеет выраженную негативную окраску и сопротивительный контекст. Основной имплицитный посыл – активное неучастие в жизни других.</p>

На базе анализа, проведенного на этапе исходной диагностики 74 участников по уровням их сформированности, предоставим в виде таблицы следующий результат, опираясь на данные *герменевтического и реконструктивного методов*, а также на «*критерии*» с соответствующими им «*уровнями*». Результаты распределим отдельно по каждой из трех групп, обозначив их как ЭГ1, ЭГ2, ЭГ3, под которыми подразумеваются: 1) участники патриаршего хора Храма Христа Спасителя в составе 35 человек – «экспериментальная группа

1» (ЭГ1); 2) хор храма Покрова в составе 25 человек – «экспериментальная группа 2» (ЭГ2); 3) участники вокально-хорового ансамбля МГПУ в составе 14 человек – «экспериментальная группа 3» (ЭГ3). А также предоставим общий совокупный результат по всем вместе взятым группам в виде отдельной таблицы.

Таблица № 3

Данные исходной диагностики участников ЭГ1 по уровням сформированности духовно-нравственного развития

Критерии:	Уровни:		
	<i>Высокий, чел. (%)</i>	<i>Средний, чел. (%)</i>	<i>Низкий, чел. (%)</i>
Эстетический	9 (26%)	23 (65 %)	3 (9%)
Этический	8 (23%)	20 (57%)	7(20%)
Ценностный	7 (20%)	19 (54%)	9 (26%)
Коммуникативный	10 (28%)	19 (54%)	6 (18%)
Социально-адаптивный	9 (26%)	18 (52%)	8 (22%)
Деятельностно-эстетический	8 (23%)	18 (51%)	9 (26%)
Деятельностно-этический	8 (23%)	18 (51%)	9 (26%)
Интерес к участию в эксперименте (по данным реконструктивного и герменевтического методов)	<i>Расположенность:</i>	<i>Равнодушие:</i>	<i>Сопротивление:</i>
	24 (69%)	8 (22%)	3 (9%)

Данные исходной диагностики по ЭГ1

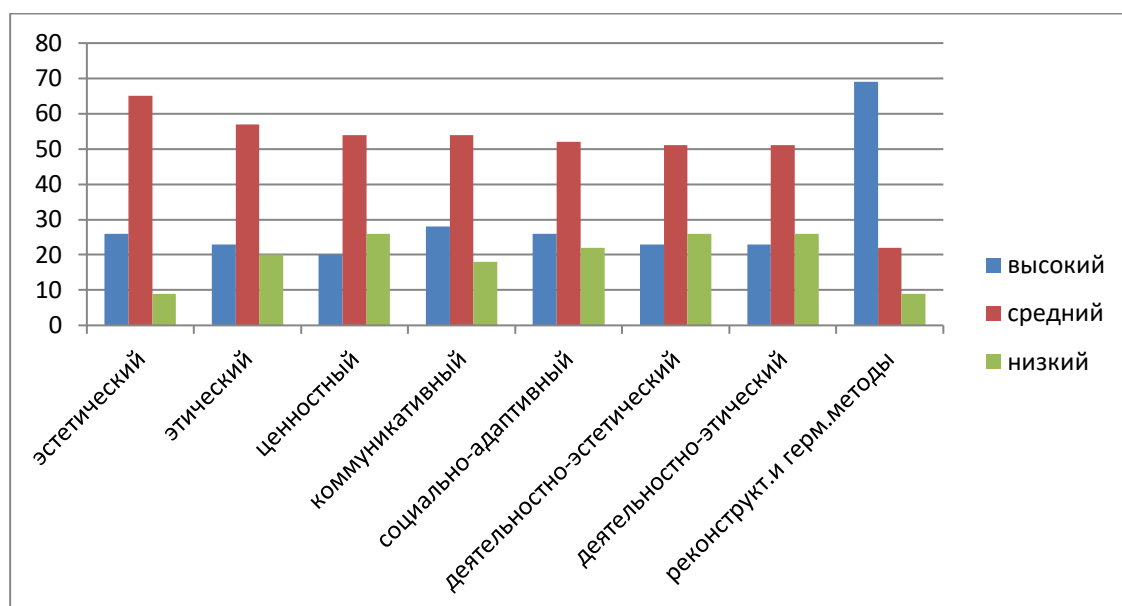

Таблица № 4

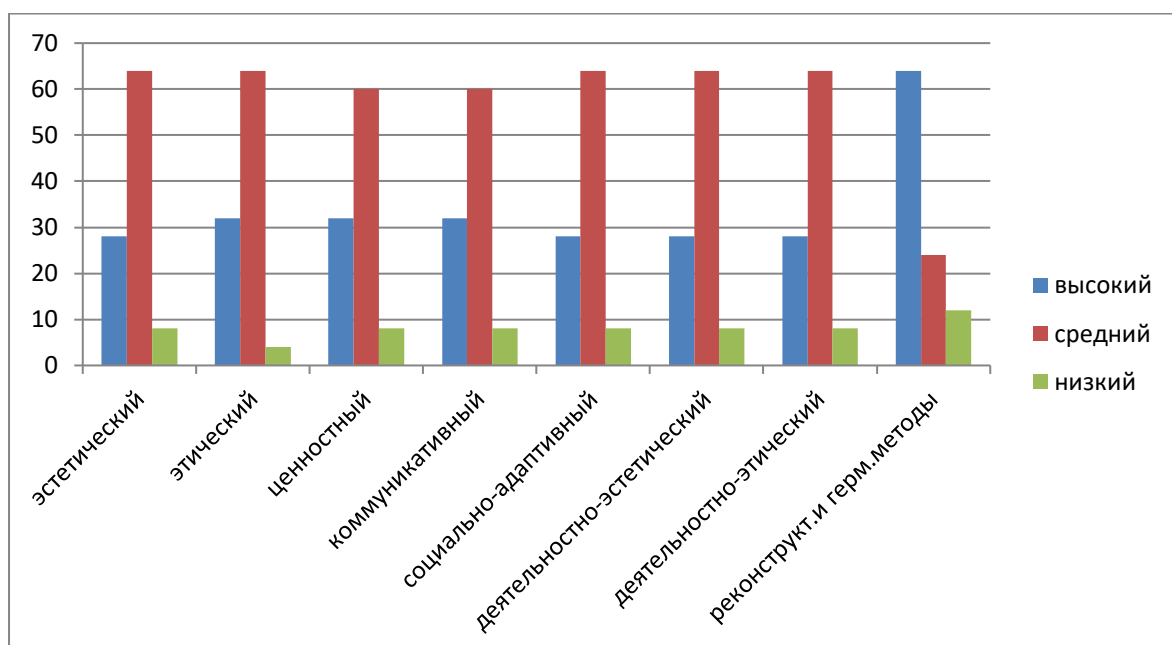
Данные исходной диагностики участников ЭГ2 по уровням сформированности духовно-нравственного развития

Критерии:	Уровни:		
	Высокий, чел. (%)	Средний, чел. (%)	Низкий, чел. (%)
Эстетический	7 (28%)	16 (64%)	2 (8%)
Этический	8 (32%)	16 (64%)	1 (4%)
Ценностный	8 (32%)	15 (60%)	2 (8%)
Коммуникативный	8 (32%)	15 (60%)	2 (8%)
Социально-адаптивный	7 (28%)	16 (64%)	2 (8%)
Деятельностно-эстетический	7 (28%)	16 (64%)	2 (8%)

Деятельностно-этический	7 (28%)	16 (64%)	2 (8%)
Интерес к участию в эксперименте (по данным реконструктивного и герменевтического методов)	<i>Расположенность:</i>	<i>Равнодушие:</i>	<i>Сопротивление:</i>
	16 (64%)	6 (24%)	3 (12%)

Диаграмма № 2

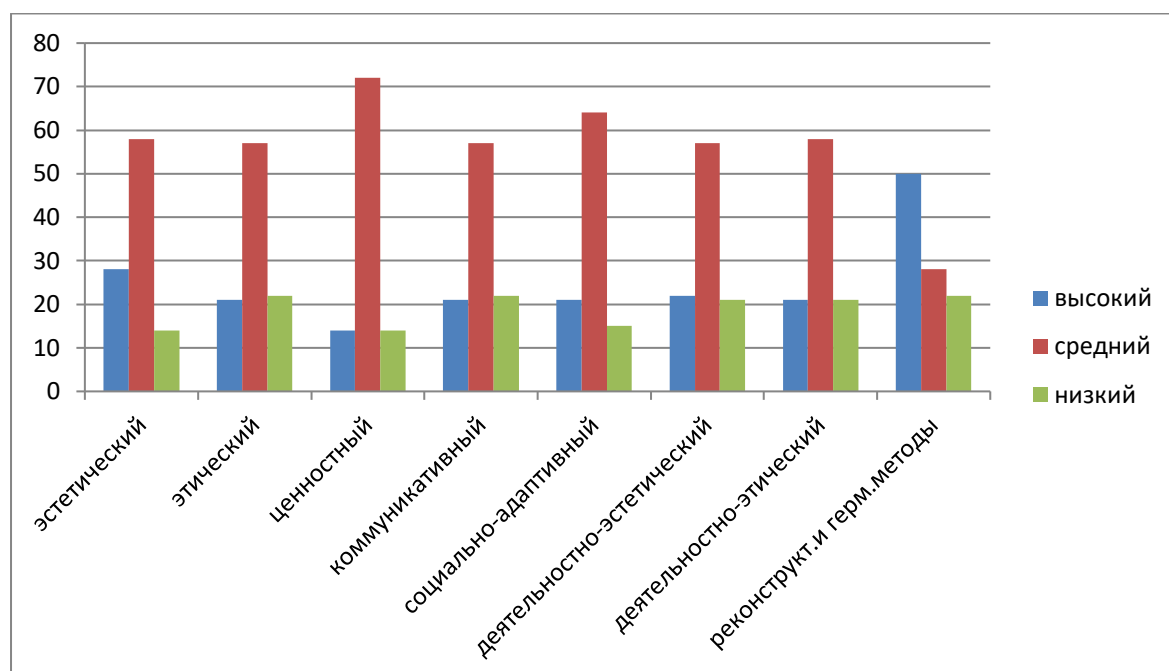
Данные исходной диагностики по ЭГ2

**Данные исходной диагностики участников ЭГЗ по уровням
сформированности духовно-нравственного развития**

Критерии:	Уровни:		
	<i>Высокий, чел. (%)</i>	<i>Средний, чел. (%)</i>	<i>Низкий, чел. (%)</i>
Эстетический	4 (28%)	8 (58%)	2 (14%)
Этический	3 (21%)	8 (57%)	3 (22%)
Ценностный	2 (14%)	10 (72%)	2 (14%)
Коммуникативный	3 (21%)	8 (57%)	3 (22%)
Социально-адаптивный	3 (21%)	9 (64%)	2 (15%)
Деятельностно-эстетический	3 (22%)	8 (57%)	3 (21%)
Деятельностно-этический	3 (21%)	8 (58%)	3 (21%)
Интерес к участию в эксперименте (по данным реконструктивного и герменевтического методов)	<i>Расположенность:</i>	<i>Равнодушие:</i>	<i>Сопротивление:</i>
	7 (50%)	4 (28%)	3 (22%)

Данные исходной диагностики по ЭГЗ

Как можно видеть из полученных данных, выражающихся в процентных отношениях, уровни духовно-нравственного развития между группами распределены неоднородно. В ЭГ2 преобладает высокий уровень в инвариантном ряде критериев, а также в аспектах, связанных с вариативностью. Тем не менее, по позиции «интерес к участию в эксперименте» лидирует ЭГ1. Из этого можно сделать предварительное заключение о том, что ЭГ2 представляет собой слаженный коллектив эмпатирующих и близких друг другу по мировоззрению исполнителей, что вполне объяснимо в условиях обычного приходского храма, где на передовых рубежах мотивации к хоровой работе располагается религиозное сознание. В то же время, для такого специфически «самозамкнутого» мира характерно некоторое отсутствие интереса к вторжению извне. Для ЭГ1, в составе которой фиксируется некоторая ступень отчуждения исполнителей друг от друга, проведение эксперимента представляет собой то, что может вызывать больший интерес. Данная аналитическая раскладка приводится нами в качестве

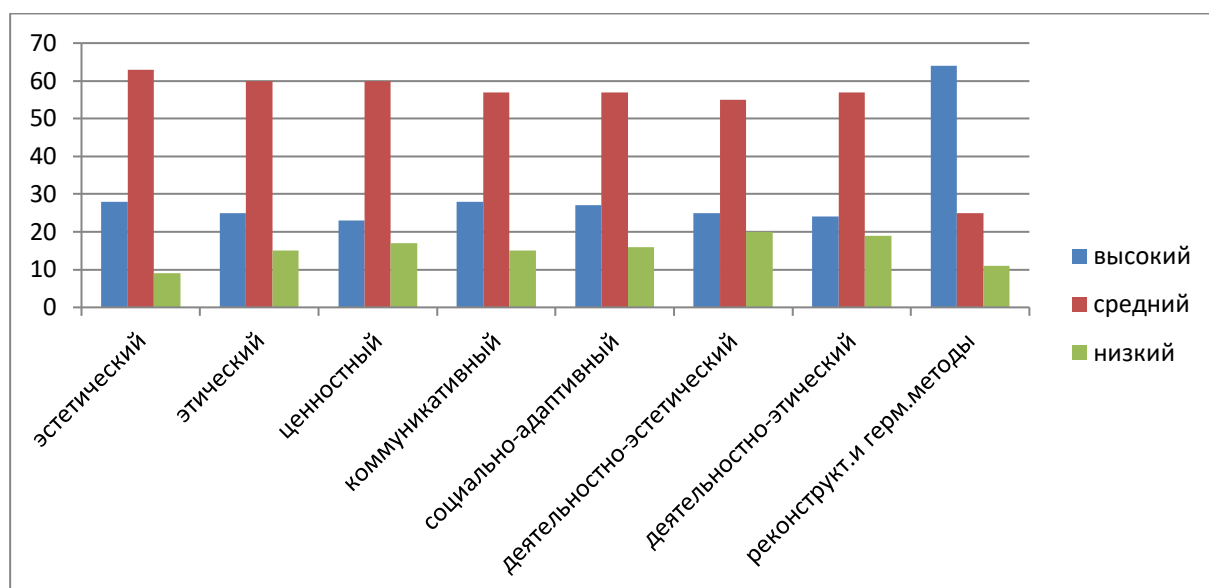
примера того, как осуществляется исходная диагностика. Представим общий результат по всем трем группам в следующей таблице:

Таблица № 6

Общий результат исходной диагностики участников по уровням сформированности духовно-нравственного развития

Критерии:	Уровни:		
	<i>Высокий, чел. (%)</i>	<i>Средний, чел. (%)</i>	<i>Низкий, чел. (%)</i>
Эстетический	20 (28%)	47 (63%)	7 (9%);
Этический	19 (25%)	44 (60%)	11 (15%)
Ценностный	17 (23%)	44 (60 %)	13 (17%)
Коммуникативный	21 (28%)	42 (57%)	11 (15%)
Социально-адаптивный	19 (27%)	43 (57 %)	12 (16%)
Деятельностно-эстетический	18 (25%)	42 (55 %)	14 (20%)
Деятельностно-этический	18 (24%)	42 (57 %)	14 (19%)
Интерес к участию в эксперименте (по данным реконструктивного и герменевтического методов)	<i>Расположенность:</i>	<i>Равнодушие:</i>	<i>Сопротивление:</i>
	47 (64%)	18 (25%)	9 (11%)

Общий результат исходной диагностики по всем группам

Позиция, отражающая данные «реконструктивного и герменевтического методов», характеризует общую расположенность участников к проведению эксперимента и измеряется по модальностям «к», «от», и «против», чему также соответствуют ряды «высокий», «средний», «низкий». Из полученных данных отмечается заметное преобладание среднего уровня по всем критериям. Доли процента исчислялись из того, какое качество преобладает: например, в двух случаях («коммуникация» и «социальная адаптивность») наблюдается одинаковый процент (57%), но при этом разное количество участников (42 чел. и 43 чел.). Связано это с тем, что в первом случае участниками проявлена большая активность, нежели во втором, что позволило их меньшему числу дать больший процент. В процессе реализации констатирующей фазы эксперимента анализ проведен в два этапа, а именно – «опросно-аналитический» (с применением реконструктивного и герменевтического методов) и «критериально-диагностический», включивший в себя весь спектр заявленных нами исследовательских процедур. Опираясь на полученные данные, перейдем к описанию реализации формирующего этапа эксперимента.

2.2 Внедрение модели духовно-нравственного воспитания участников хоровых коллективов средствами церковно-певческой культуры в образовательную практику хоровых коллективов

Формирующая ступень настоящего эксперимента реализуется в виде двух этапов, обозначенных нами в модели как *«мотивационный»* и *«трансформационно-содержательный»*. Отправной точкой в проведении формирующего этапа представляется заявленная нами *цель* (пар. 1.3), которая направлена на реализацию духовно-нравственного воспитания посредством приобщения участника к церковно-певческой культуре, ее изучения и освоения на уровне исполнительской деятельности. Поскольку богослужбное пение представляет собой эстетический коррелят духовной нравственности, о чем было развернуто сказано в соответствующем разделе, этим обстоятельством определяется направленность воспитательного процесса – *от эстетики к этике, от формы к содержанию, от внешнего к внутреннему*. Отсюда структура занятий складывается из двух этапов – *внешняя экспозиция и внутреннее осмысление с трактовкой демонстрируемого материала*.

По своей форме занятия с участниками реализуются в виде *лекций-бесед, мастер-классов и совместного хорового исполнительства* на богослужениях, а также на репетициях и концертах (в зависимости от специфики каждой из трех групп). Первый компонент направлен на приобретение принципа диалогичности с преподнесением информации, которая требует своего обсуждения и размышления. Второй предполагает демонстрацию навыков и умений от лица автора и служит практическим сопровождением лекционного цикла. Третий компонент демонстрирует навыки в процессе совместного воспроизведения тех или иных хоровых приемов, характерных для исполнения духовной музыки.

Частота проведения занятий составляла *один раз в две недели в каждой из трех групп*. В зависимости от содержательной направленности того или иного тематического блока лекции-беседы либо проводились отдельным порядком, либо чередовались с мастер-классами, если требовалась внешняя демонстрация

материала с совместной его исполнительской отработкой. Число самих тематических разделов представлено в количестве одиннадцати, что будет нами отражено в конце данного параграфа в соответствующей таблице. Продолжительность каждого занятия составляла приблизительно один астрономический час.

Формирующий этап длился на протяжении двух лет: ноябрь 2020 - декабрь 2022 года. Отсюда, на отработку одного тематического блока, в среднем, требовался один месяц и более. В подавляющем большинстве случаев число лекций превышало количество мастер-классов. Совместное участие в хоровом исполнении распределилось неравномерно. Автор принимал участие: в составе ансамбля МГПУ приблизительно 4-5 раз в месяц (не считая концертных мероприятий), в составе хора Храма Христа Спасителя – 6-7 раз в месяц, в храме Покрова – 1 раз в месяц и реже.

Точкой старта, как нами и было заявлено в рамках разработки модели (пар. 1.3), послужила реализация *мотивационного этапа*, который представляется начальной ступенью проведения эксперимента. Однако и на последующих этапах экспериментальной работы мотивационный сегмент сохраняет свою релевантность, и к вопросам мотивации в рамках формирующей фазы автор так или иначе возвращается. Нами выведены следующие мотивы к духовно-нравственному развитию средствами церковно-певческой культуры: *мотивы достижения, аффилиации, избегания, приятного времяпрепровождения, самоактуализации с вовлеченностью*. Ближайшим средством реализации мотивационного этапа послужил фактор исходного *стремления участников к совместному позитивному времяпрепровождению*, для чего автор вошел в коммуникативный контакт с помощью нескольких непринужденных бесед, которые, по изначальному замыслу, должны были устранить все возможные ощущения напряженности, зажатости, излишне критического настроения к собственным высказываниям каждого из участников. Для этого автор сделал наибольший акцент на рассказ о себе, о тех или иных известных случаях,

предзадавая примерную траекторию изложения мыслей участников в рамках дальнейшей коммуникации.

Второй важной составляющей реализации мотивационного этапа, которой отведена ключевая роль, является *когнитивный план работы*, направленный на демонстрацию фактического материала из повседневной жизни, чередуемого с биографическими сведениями тех или иных выдающихся личностей с последующей интерпретацией. Такой инструмент служил основанием для сравнительного анализа между тем, что можно наблюдать в настоящее время, и теми событиями и достижениями, в том числе, мирового уровня, которые отмечены историческим прошлым. Такие сюжетные повороты, по замыслу автора, должны были послужить предпосылкой к формированию мотивов *достижения и аффилиации*.

В качестве примера участникам было предложено несколько видеозаписей из области современного эстрадного исполнительства (в частности, на проекте «Голос»), где сами исполнители порой воспроизводили высоту звучания настолько неточно, что можно было бы говорить об откровенно фальшивом вокальном звучании. В то же время, в качестве другого примера представлено было несколько записей вокалистов с академическим образованием, в особенности, выпускников Московской консерватории и Академии хорового искусства им. В.С. Попова, которые показывали весьма высокий профессиональный уровень исполнительства, как в классическом академическом жанре, так и в эстрадном. Когнитивный аспект работы был направлен на выработку такого осмысления сложившейся ситуации, при котором участникам становится очевидным *преобладание академической парадигмы профессионального развития*, что открывает путь достижений и одобрения со стороны максимального количества слушателей (аффилиация). Тенденция к многогранности в области музыкального искусства в наибольшей степени реализуема в условиях классического образования, что расширяет границы профессиональных возможностей исполнителя – тот основной тезис, к которому была подведена когнитивная составляющая мотивационного этапа.

В отношении к группам, которые профессионально мотивированы, мотив достижений и аффилиации был поставлен в зависимость от обратного – от наличия необходимых моральных качеств, которые помогают исполнителю не только владеть высокими знаниями и умениями, но также и приобретать широту творческого понимания того, что исполняется со способностью «вживаться» в мир художественных реалий исполняемого произведения. И в одном, и в другом случае срабатывал принцип *корреляции между внешним и внутренним*. Необходимость первого подчеркивалась в работе с любителями, необходимость второго – с теми, кто мотивирован профессионально.

Общий аспект мотивационной работы, распространившийся на все три группы, состоял в минимизации тех или иных эмоционально негативных явлений. Данный концепт воспроизведен в «*мотиве избегания*». Речь идет о тех или иных текущих ситуациях, которые могли обернуться конфликтогенностью, обострением в отношениях, трансляцией отсутствия нужного настроения и т.п. В качестве инструмента автором задействовалась нейтрализация напряженности, переакцентировка внимания на другие сюжеты, которые нередко принимаются как средства, позволяющие «не думать о плохом» и сохранять «мотив гигиены», что нами обозначено как «приятное времяпрепровождение».

Наконец, в рамках таких мотивационных условий можно вести речь о наиболее сложной ступени мотивации, которая отвечает *состоянию вовлеченности участника в совместный творческий процесс*. Нами этот мотив обозначен как «*самоактуализация*». Повторимся, что сам мотивационный сегмент работы реализовывался и в процессе осуществления трансформационно-содержательного этапа формирующей части эксперимента. Провести четкую демаркацию между этими двумя фазами в полном объеме не представляется возможным, поскольку и в последующей фазе требовалось поддерживать соответствующую коммуникативную обстановку, возвращаться к вопросам «достижений» и «одобрений зрителя/слушателя», минимизировать эмоционально негативные явления. На первичный этап формирования мотивации с установлением нужных интерактивных связей потребовалось 3 занятия.

Трансформационно-содержательный этап формирующей части эксперимента реализован, как уже было отмечено, в виде лекций-бесед, мастер-классов и совместных творческих мероприятий. Тематическое пространство занятий охватило широкий круг вопросов, связанных с эстетикой церковного пения и ее сакральными интенциями, с историей развития церковно-певческой культуры в целом, а также рефлексивный анализ взаимосвязи пройденного материала собственно с проблемами духовной нравственности.

В части нашего дальнейшего изложения предстоит осветить вопросы того, как эстетика церковного пения, его история и рефлексия в отношении ко всем тематическим разделам влияет на такие фундаментальные качества духовной нравственности, как *личность, открытость и устремленность*. Таким образом, с одной стороны, присутствует *цель* («фундаментальные качества»), с другой – *инструменты ее достижения* (темы занятий). Такова суть данной корреляции.

Все содержание экспериментальной работы на формирующем этапе ее проведения было направлено на *когнитивную и практически-исполнительскую стороны* (когнитивный и компетентностный подходы), отвечающие таким ключевым позициям настоящего исследования, как «эстетика, «этика», «ценности», «коммуникация», «социальная адаптивность», «деятельностно-эстетический» и «деятельностно-этический» планы (с. 83-85). Данный набор критериальных позиций позволяет не только диагностировать начальную и финальную стадии процесса, но также и отслеживать в текущем режиме изменения уровня исполнительской компетентности участника и его личностные трансформации.

Учитывая все представленные нами ранее теоретические раскладки, конституция педагогических действий, отраженных в формирующем этапе, определялась *поставленными задачами* (с. 69-72), *критериями* (83-85), позволяющими оценить уровень духовно-нравственной сформированности, а также *сущностными характеристиками* духовно-нравственного воспитания (с. 66-67). Данный концептуальный корпус, в свою очередь, как уже было отмечено,

дедуцируется из таких фундаментальных свойств духовной нравственности, как *личностность, открытость и устремленность* (с. 42).

Основная траектория нашего дальнейшего изложения реализации экспериментальной работы будет определяться двумя принципами: *тематическая последовательность* и *иллюстративность*. Каждый раздел, в свою очередь, будет сопровождаться теми или иными примерами, иллюстрирующими как *методологическую часть* реализации эксперимента (с. 71-76), так и его концептуально-содержательную сторону, отвечающую *сущностным характеристикам духовно-нравственного воспитания, поставленным задачам и критериям*. Начнем данную иллюстрацию с краткой экспозиции методов и тех ситуативных примеров, которые позволяют видеть, как эти методы нами применялись. Затем перейдем к обзору тех иллюстративов и примеров, которые описывают концептуальную сторону процесса духовно-нравственного воспитания. Завершим данный обзор соответствующей таблицей, на которой будет представлено содержание моделируемых нами педагогических ситуаций в процессе проведения формирующего этапа (табл. 7).

Исходной тематической точкой послужили вопросы, связанные с теоретическими основаниями восприятия Прекрасного. Были затронуты характеристики современности в сфере музыкальных вкусов с точки зрения их распространенности и массовости. Поставленные перед участниками задачи направлены на то, чтобы выявить местоположение в современном мире и его художественно-эстетическом мышлении *церковно-невческой культуры*, с одной стороны, и *ее соответствия категории Прекрасного*, с другой. В качестве анонса самой данной проблематики был поставлен вопрос того, все ли музыкальное творчество в его совокупности прекрасно или же «есть то, что с Прекрасным никак несовместимо?» Почему в мире много разных музыкальных вкусов, подчас противоречащих друг другу? Может ли одно и то же Прекрасное отрицать само себя или вступать с собой в противоречие? В данном сегменте реализации трансформационно-содержательного этапа был задействован *метод проблемного изложения* (пар. 1.3). Участники путем дискуссии по-разному обыгрывали

поставленную перед ними проблематику, в целом остановившись на том, что в ткань музыкально-исполнительской деятельности возможно проникновение таких элементов, которые, как минимум, не отражают категорию Прекрасного, и отнюдь не всякое исполнительство оказывается на художественной высоте.

В качестве дополнительной иллюстрации автором было предложено несколько фотоснимков, на одном из которых представлен рок-концерт со специфической внешностью некоторых его слушателей и соответствующим этому выражением их лиц, на другом изображение концерта классической музыки из Большого зала консерватории, а на третьем – молящихся в храме на богослужении. Все участники единодушно исключили из регистра Красоты первую фотографию. На вопрос того, что же в ней не соответствует Прекрасному, были даны ответы нерелективного типа: «Смотрится некрасиво, безобразно. Не соответствует высокой морали, хотя хорошее средство, чтобы “расслабиться”, но это не совсем Красота – это что-то другое».

Автор, как в данном, так и в ряде аналогичных случаев, прибег к *объяснительно-иллюстративному методу* (наряду с методом проблемного изложения), а также к *методу убеждения*, основанному на аргументации (пар. 1.3). Участники были подведены к имени основателя эстетики как философской науки *Александра Баумгартена* (1714-1762), артикулировавшего принцип внутреннего гармоничного соответствия элементов произведения искусства между собой, а также был осуществлен тематический переход к *Иммануилу Канту* (1724-1804) и его теории об «общности суждения эстетического вкуса», что предполагало наряду с «согласием внутри» самого произведения согласие внешнее, т.е. между реципиентами (пар. 1.2). Участниками в ходе дискуссии в рамках *проблематизации* был выведен ключевой тезис о *принципиальной взаимосвязи Прекрасного с моралью, внешнего с внутренним, эстетики с этикой*.

На полученной концептуальной основе моделировались ситуации из повседневной жизни с применением тех или иных образов и их интерпретацией, что также отвечает реализации *образного метода* (пар. 1.3). Так, например, в качестве воображаемой картины был задействован образ человека бедного и

богатого с просьбой к участникам дать описание того и другого. В первом случае преобладали такие дескриптивы, из которых напрашивался образ человека, просящего милостыню, хотя в диапазон символического описания попадали и те, которые представляют собой откровенно асоциальный элемент. Во втором случае образ богатого представлял собой символ преуспевающей личности, но в то же время нередко лишенной качеств какого-либо сострадания или сочувствия. Далее был поставлен вопрос о том, насколько было бы нравственным помогать бедным и поощрять богатых? Постановка данной проблемы привела к очередному витку дискуссий на тему нравственности, в процессе которой мнения разделились на «за» и «против». На повестку была поставлена затронутая нами в параграфе 1.1. фундаментальная проблема «отказа от стремления к обладанию», как ключевая составляющая духовной нравственности. Однако развернутая дискуссия на данную тему была осуществлена на завершительном рефлексивном тематическом этапе. Методологический состав последующего этапа эксперимента включил в себя все представленные нами в параграфе 1.3 методы работы, предполагая ту или иную их синтетическую вариативность, в зависимости от специфики ситуации и проистекавших из нее задач. Поэтому из поля зрения в дальнейшей части нашего обзора данный аспект мы исключим, ограничившись рядом таблиц, представленных ниже, где этот материал будет содержаться.

Возвращаясь к иллюстрации хода экспериментальной работы на ее данном этапе, отметим, что задействуемый нами коммуникативный механизм обеспечил процесс ее протекания диалектической напряженностью и вызвал заметный интерес большинства участников к формату занятий в виде лекций-бесед. Широта тематических границ в затрагиваемых вопросах позволила отойти от привычного и вполне ожидаемого сценария работы, который подразумевает сведение всего лишь к обсуждению музыки, и расширить ценностно-мировоззренческое пространство для дискуссий на темы духовной нравственности, что придало интерактивному процессу в целом его многогранность и всесторонность. Предыдущий случай представляет собой лишь частный пример, иллюстрирующий работу такого коммуникативного механизма, но число самих

проблематических ситуаций было поставлено в гораздо большем количестве и в различных тематических ракурсах, что описать в полном объеме здесь не представляется возможным.

От теоретических оснований этики, эстетики, ценностей и их взаимной корреляции автор перешел к ретроспективному анализу *феномена культуры* как внешнего выразителя аксиологических интенций человека и частной производной этого феномена в виде *музыкального искусства*. Это обстоятельство предопределило поворот к вопросам *истории и хронологии*, а также *классификации жанров музыкального исполнительства* на самых ранних этапах его существования. Была артикулирована та основная мысль, в соответствии с которой субъект ценностного сознания способен в самых различных видах экспонировать интенциональный состав своего мироощущения вовне. Отсюда феноменология искусства подразумевает разные формы своего самоосуществления. После краткой экспозиции различных видов искусства, включая *театр, кино, танец, изобразительное искусство* и прочее, автор подвел участников к тем видам художественно-эстетической деятельности, которые апеллируют к такому органу чувственного восприятия, как *слух* – а именно к *музыке*. Были затронуты, в частности, проблемы музыкальной археологии, что обеспечивает исследователей различными материалами, по которым возможны те или иные исторические реконструкции, обладающие познавательным потенциалом.

В контексте таких ретроспективных построений была проведена антитеза вокальной и инструментальной музыки с последующим акцентом на вокал – человеческий голос, как естественный нерукотворный природный инструмент музыкального исполнительства. В качестве одной из версий происхождения вокального творчества вниманию участников была предложена *теория звукоподражания* как наиболее выразительное средство, иллюстрирующее близость человека к природе, которая могла интерпретироваться с помощью звуков, издаваемых человеческим голосом. Данные звуки выстраивались затем в более сложные последовательности, образуя собой мелодические построения. В

качестве другой важной антитезы была выдвинута *дихотомия «сакрального» и «мирского»*, поставленная на повестку исследований в свое время выдающимся классиком социологии Эмилем Дюркгеймом (1858-1917), что и послужило тематическим преддверием к вопросам собственно *церковно-певческой культуры*. Церковное пение по очевидным основаниям рассматривается в регистре сакральной религиозной эстетики, в диапазон которой входила обрядовая музыка древности с соответствующими культами.

Дальнейшая траектория формирующего этапа была тесным образом связана с историей христианства, чему и соответствует сам термин «церковный», который зародился благодаря христианской Церкви. За основу были взяты две древнейшие конфессии – *католичество и православие*. Автор кратко осветил суть различий между этими конфессиями и их историческое разделение в 1054 году, сведя дальнейший цикл занятий к обзору и анализу *православной церковной музыки*. При этом в некоторых случаях задействовались песнопения григорианского хора в качестве материала для сравнения между двумя церковно-певческими традициями. Этому в значительной мере способствовал факт параллелизмов между латинским, греческим и славянским текстами, взятыми из книг Священного Писания, общего для обеих конфессий. В то же время западные духовные песнопения составляют заметную часть репертуара вокально-хорового ансамбля МГПУ, а также входят в концертные программы хора Храма Христа Спасителя, что создает определенные предпосылки уделить внимание данному музыкальному материалу.

Точкой исторического старта в обзоре эволюции православных церковно-певческих жанров послужило византийское пение средневековой эпохи, которое в значительной мере реконструировано. В качестве иллюстрации были задействованы обильные материалы, взятые из монографии Е.В. Герцмана «Византийское пение» (1988), где представлена «невменная нотация», «теория ихосов», специфика византийской ритмики и интервалики [56]. Участникам были предложены аудио- и видеозаписи песнопений Греческой Церкви, которые в максимально аутентичном виде способны приблизить слушателя к специфике

богослужебно-певческого искусства ранней Церкви. Исонное пение, интервалика, система интонирования и ладов с характерной мелизматикой создают яркий колорит, воспроизводящийся в богослужебной практике поместных восточных православных Церквей и по сей день. В Русской Церкви исонное пение также практикуется в Валаамском монастыре с собственной системой попевок, что также участникам экспонировалось в аудиоматериалах – в частности, были предложены покаянные тропари «Помилуй нас, Господи, помилуй нас», исполняющиеся во время первой седмицы Великого поста на повечерии.

Исторический обзор русской церковно-певческой культуры автор начал с событий истории Церкви после Крещения Руси (988). Опыт реконструкции материалов, которыми располагает исследователь, подводит к утверждению о том, что изначальное пение в Русской Церкви было *одноголосным*, и песнопения исполнялись участниками богослужения в *унисон*. Знаки, с помощью которых обозначалась нотация, назывались «знамёнами», почему и сам распев получил название *знаменного*. Участникам были предложены фотоматериалы с иллюстрацией этих нотных знаков, а также соответствующие аудиозаписи в исполнении ансамбля древнерусской духовной музыки под управлением Анатолия Гринденко.

Данный обзор был осуществлен автором в рамках лекции-беседы на тему древнерусского раннего одноголосия и многоголосия. В диапазон рассмотрения были помещены *кондакарный*, *столповой* (одноголосье), а также *путевой* и *демественный* (многоголосие) распевы. За этим сюжетным блоком последовал мастер-класс, на котором автор воспроизводил специфику знаменного звучания, а затем просил участников повторять некоторые приемы звукоизвлечения совместно. Таким образом был реализован заявленный в модели *репродуктивный метод* (пар. 1.3), направленный на воспроизведение того, что предложено вниманию участников в качестве исполнительской задачи. Автор затем разделил участников по группам и просил также воспроизвести одноголосье с помощью унисона. Ключевую роль в реализации данной задачи, как и других задач в рамках последующих мастер-классов, сыграл своеобразный «методический узел»,

связавший *самоконтроль, самооценку и метод эмпатии* (пар. 1.3), что также нами было отражено в модели. При совместном звукоизвлечении у заметного числа участников образовались проблемы как интонирования, так и «тембрального несоответствия» в отношении к другим исполнителям. Автор ставил вопрос: «Насколько, по вашему мнению, данное звучание соответствует тому, что должно звучать? Все ли прозвучало благополучно? Если нет, то что требуется исправить?» Условная группа делилась на подгруппы по два-три участника. Все «шероховатости» исполнения становились более заметными. *Метод самоконтроля и самооценки* создавал предпосылки к концентрированию вокруг поставленной задачи, а *метод эмпатии* способствовал органической интеграции отдельных лиц в состав коллектива в качестве его совместной с другими участниками творческой единицы.

Также учитывались вокальные особенности исполнителя, его голосовой регистр, характерные черты личности с тем или иным типом реагирования на внешние ситуации. Мужская и женская части коллектива исполняли унисон в октаву. Наряду с интонацией и унисоном требовалось воспроизвести специфические приемы звукоизвлечения, характерные для знаменного распева: а именно некоторая художественная отрешенность, монотонность и беспристрастность. В частности, отрабатывался такой, свойственный византийскому пению и русскому кондакарному знамени, прием, как *мелизматика*. В ряде случаев, особенно у людей с той или иной профессиональной подготовкой, данная задача оказалась трудноосуществимой, поскольку воспроизведение того, что с их точки зрения выглядит как «вокальный гул», оказывалось не вполне вписывающимся в их художественно-эстетическую установку. Решалась данная проблема путем когний с обращением к концепту *артистической широты исполнителя*, которому доступно максимальное количество различных вокальных приемов, в том числе, и не всегда для него самого приемлемых.

По мере знакомства участников с историческим материалом автор перешел к освоению раннего русского многоголосия и его специфической интервалики. За

основу был взят интервал *квинта*. С учетом пения в октаву в рамках унисонного одноголосия квинта позволяет делить октаву примерно наполовину, а для завершения октавного интервала требуется также кварта. Таким образом, в рамках первичного ознакомления с ранним русским трехголосием автор поставил задачу воспроизвести основанное на реконструкции так называемое «кварто-квинтовое созвучие»: например, ноты «до», «фа» и «соль» (снизу вверх). Данную художественную задачу было предложено решить мужской и женской группам отдельно. Основная трудность состояла в воспроизведении такого образовавшегося между нотами «фа» и «соль» интервала, как *секунда*. Ввиду рядоположности двух ступеней интонировать секунду в целом ряде случаев бывает достаточно сложно даже для подготовленных профессионалов, имеющих базовый навык работы в парадигме классической гармонии, как, впрочем, и для любителей. Тем не менее, работа в унисоне с умением воспроизвести нужный характер звукоизвлечения позволила решать задачи, принципиально важные в сфере духовно-нравственного воспитания художественными средствами, а именно: *достижение творческой эмпатии, повышение уровня владения профессиональными компетенциями, а также деятельностно-эстетическая сторона развития личности.*

Автор артикулировал принципиальное *различие терцового строя от квинтового*, что имеет чрезвычайную важность в понимании истории русского богослужебного пения на ранних этапах его становления и развития. *Путевой и деме́стный распе́вы*, взятые в качестве экспозиции, в отличие от аккордовой вертикали, появившейся в России позже, имеет полифоническую структуру со специфическим голосоведением, где голоса «переплетаются» в мелодических линиях между собой. Монотонности и художественной «тяжеловесности» знаменного одноголосия противопоставлен более торжественный характер деме́стного пения, сложившегося на Руси в постмонгольский период (XV век). [6, 30, 151, 182, 204].

В рамках лекций-бесед на приоритетных позициях оказывались *когнитивный и аксиологический подходы* (пар. 1.3), а при проведении мастер-

классов, в значительной мере соответствующих практическим занятиям, ведущую роль играли *системно-деятельностный, антропологический, компетентностный и личностно-ориентированный подходы*. Хотя все данные подходы, так или иначе, оказывались в отношениях взаимопереплетения в пределах всех типов интерактивности, включая лекции-беседы, мастер-классы, а также, в меньшей степени, участие в совместных исполнительских мероприятиях.

Следующим сюжетным блоком в проведении лекций-бесед послужил обзор тенденций, связанных с XVII веком, понимаемым как своеобразная «точка преломления» в дальнейшей эволюции русского богослужебного искусства, что было вызвано целым рядом исторических причин, основной из которых послужили дипломатические контакты Руси с Речью Посполитой. Реформа богослужебного пения в этот период обернулась внедрением в ткань богослужебно-певческого искусства аккордовой вертикали с антиномией мажора-минора, ранее не известной в Русской Церкви. Такая кардинальная смена музыкальной парадигмы повлекла за собой полемику традиционного и новаторского. Автор предложил вниманию участников первый труд с теоретическим обоснованием ценности нововведений в виде «Муסיкийской грамматики» Николая Дилецкого (1679) [205].

На повестку обсуждений был поставлен вопрос ценностной допустимости такого радикального перелома эстетического сознания. Большинство участников одобрили данный факт, сойдясь на том, что реформы не должны оказывать «ломающее воздействие», но к переменам следует подходить гибко. В рамках мастер-класса по данному тематическому разделу была предложена иллюстрация приемов вокального звукоизвлечения, близкого к народным формам его выразительности. В противовес монотонной тяжеловесности знаменного пения автор отработывал облегченную манеру подачи звука. Данная задача оказалась более легкоосуществимой, нежели в предыдущем сюжетном блоке, что свидетельствует о приоритетности гармонии и терцового тона в сознании участников, что вполне объяснимо с точки зрения их как представителей современного музыкального сознания.

Дальнейшие несколько тематических разделов также имели историческую направленность. Эволюция церковно-певческого искусства в XVIII столетии существенно усложнила его художественно-эстетическую ткань. Активные международные контакты с западно-европейскими странами и, в особенности, с Италией, повлекли за собой еще бОльшие трансформации, и в историографии богослужебного пения этот период получил название *итальянского*, что участникам в большинстве своем оказалось неизвестным. Экспозиция аудиозаписей русского церковного барокко, появившегося под влиянием Италии, создала возможность по-новому подойти к творчеству таких хорошо известных многим участникам композиторов, как Д.С. Бортнянский, М.С. Березовский и А.Л. Ведель. В рамках лекции был предложен анализ 15 концерта Д. С. Бортнянского «Приидите воспоем, людие», исполняемого в пасхальный период, а также концерта 24 «Возведох очи мои в горы». Предложено определить сходства и отличия, из чего была выведена *трехчастная форма данных произведений* при их принципиальной разнохарактерности. Манера звучания позиционировалась как еще более близкая академической, что автор предлагал воспроизвести на соответствующем мастер-классе.

В качестве следующего раздела был предложен обзор тенденций богослужебного пения в XIX веке (в особенности, немецко-петербургский период) [49]. Произведение А.Ф. Львова «Вечери Твоя тайныя днесь» наиболее ярко иллюстрировало то, что можно было бы охарактеризовать как «церковный романтизм». Автор предложил совершить ретроспективный анализ в область исторического прошлого и сравнить данный материал с тем, что отмечается в рассматриваемый период.

Участники пришли к осмыслению *разнородности художественной характерологии* церковно-певческой культуры, эмоционально-эстетическое наполнение которой обусловлено особенностями той или иной эпохи. Участниками было также замечено, что от знаменного распева, отличающегося «*созерцательной отрешенностью и неподвижностью*», эволюция богослужебного пения перешла в состояние того, что «ближе человеку» в его

подвижности и эмоциональности – тот ключевой тезис, который позволил открыть важный когнитивный пласт в осмыслении специфики церковно-певческого творчества как «устремленного навстречу» субъекту его восприятия и исполнения. Таким образом, исторический обзор открыл возможность понимания «археологии» категории Прекрасного, позволяющего выявить интенциональный состав того или иного церковно-певческого жанра.

Дискуссионный ряд по данной тематике создал предпосылки к большей «когнитивной гибкости» участников, что послужило основой для дальнейшего исторического обзора. Проблема западного влияния, обернувшаяся ощущением «отрыва от корней», повлекла за собой поиск национальной самоидентичности в композиторской среде. Известная антитеза «П.И. Чайковский – Могучая кучка» анонсировала «возврат к истокам». Последняя из них позиционировала себя наследником традиций М.И. Глинки. Перед участниками был поставлен вопрос того, насколько приверженность традициям имеет ценность и, если имеет, то в какой мере ее можно считать безусловной? Большинство участников высказалось за сохранение традиций, однако участники так и не смогли обосновать свой ответ. Из этого автор сделал вывод о некритическом восприятии ими данного тематического сюжета, что больше было похоже на тезис «так просто принято считать». Была артикулирована та мысль, в соответствии с которой, ценность традиций фундируется на необходимости наличия у человека идентичности, позволяющей ему «обладать опорой». В то же время вполне оправдан вопрос: «Как возможно в таком случае движение вперед?» Вопросы подобного рода существенно расширили философский контекст педагогической интерактивности, Острота дискуссий на эту тему генерировала коммуникативные аспекты духовно-нравственного воспитания, отвечающие таким позициям, как «коммуникация» и «социальная адаптивность», с одной стороны, и «когнитивность», «ценностно-мировоззренческий ряд», с другой.

Обзор исторических фактов, относящихся к XIX столетию, сопровождался экспозицией аудиоматериала, иллюстрирующего *синтез классического и народного* в эволюции церковно-певческой культуры и композиторского

искусства того времени. Данный синтез озаглавлен так называемым «московским периодом» (руб. XIX-XX вв.) [49], отразившемся в деятельности ряда композиторов, к числу которых в рамках лекций-бесед автор отнес В.С. Калинникова, П.Г. Чеснокова и А.Д. Кастальского. В качестве иллюстрации были взяты произведения: В.С. Калинников «Камо» пойду», П.Г. Чесноков «Да исправится», «Ангел вопияше», А.Д. Кастальский «Ныне отпускаеши», «Великое славословие №2». Также была представлена деятельность светских композиторов данного периода в области церковного пения. В качестве экспозиции автор предложил следующие аудиозаписи: из «Всенощного бдения» С.В. Рахманинова «Блажен муж», «Свете тихий», «Благословен еси, Господи»; А.Т. Гречанинов «Херувимская», «Милость мира № 9», Н.С. Голованов «Бездну заключивый», К.Н. Шведов «Трисвятое».

Участникам было предложено провести сравнительный анализ представленных произведений, имеющих совершенно разный авторский почерк, позволяющий говорить об индивидуальном композиторском стиле каждого из данных авторов. Но при этом принципиальную важность приобрел вопрос того, что этих композиторов между собой объединяет в эстетике их творчества. Методом проблемного изложения автор подвел участников к тезису о единстве художественно-эстетической парадигмы, открывающей горизонты сакральности с соответствующей ей музыкальной характерологией, при которой генерируется устремление сознания слушателя и исполнителя к фундаментальным основаниям бытия. Эмоциональные факторы в этом смысле не являются самоцелью, позволяющей «развлечься и насладиться», но служат лишь средством достижения смыслов более высокого порядка – тот тезис, который получил свою наиболее отчетливую артикуляцию.

В рамках мастер-класса также было предложено воспроизвести (репродуктивный метод) некоторые фрагменты данных произведений с отработкой унисона в партиях, устранением «тембральной шероховатости», интонационной неточности, с унификацией динамических и агогических проведений. Это позволило установить между участниками более тесную

творческую взаимосвязь с развитием чувства эмпатии. Состав данных педагогических действий направлен на приобретение таких фундаментальных качеств духовной нравственности, как «открытость и устремленность». В таком модусе мышления уже не идет речи о том, что «мое исполнение более правильное, чем исполнение остальных, я равнодушен к ним и закрыт». Имплицитным в данном случае, как и в ряде других, представляется то утверждение, что «я отказываюсь от стремления “обладать ситуацией”» – я «открыт другим и вместе с ними устремлен к высокому».

В то же время «я являюсь субъектом этого осознания и активного творческого действия», что отвечает третьему качеству духовности, а именно – «личности». Был поставлен вопрос того, можно ли рассматривать «мотив достижения» принципиально противоречащим духовности как стратегии отказа от стремления обладать (в данном случае профессиональными навыками)? В исполнении автора была предложена интерпретация этого мотива *как средства, но никак не цели.*

Из этого пространного исторического блока во всей совокупности его когнитивных и исполнительских аспектов, что плавно перешло в сферу философского осмысления, произошла та область вопросов, которая составила содержание следующего тематического раздела, связанного с рефлексией в отношении к пройденному материалу, а именно: «Теоретические аспекты эстетики церковно-певческой культуры, проблемы ее жанровой стилистики и допустимости эстетических решений». Ключевую роль в данном разделе играет приобретение участником способности *мыслить целостно, связно и когерентно.*

На вопрос, допустимо ли внедрение в ткань церковной музыки каких-либо иных стилистических компонентов, в большинстве случаев был дан утвердительный ответ. Автор с этим согласился, опираясь на представленный в историческом обзоре синтез классики, народной музыки и церковной. Однако возможность внедрения компонентов, взятых из эстрады, джаза, рока и даже рэпа (что у некоторых вызвало улыбку), обернулась некоторым недоумением, и в целом все склонилось к недопустимости такого внедрения, размышляя об этом с

позиции «за» и «против». Такие жанровые средства неприемлемы, как минимум, с точки зрения их *внутренней художественной согласованности*. Творческий продукт является внешним выразителем внутреннего содержания. Автор подошел к корреляции между эстетикой и этикой, о чем ранее говорилось лишь фрагментарно. Данная повестка подвела участников к ценностно-мировоззренческой и этико-эстетической проблематике, открытости к поиску эстетических решений и направленности размышлений на данные темы с позиций их фундаментального личностного осмысления. Разнообразие стилей церковно-певческого искусства явилось в этом смысле одним из ключевых средств, позволяющих апеллировать к личности с освобождением ее от той или иной дискурсивной предпосылочности.

На базе развернутого философского анализа и дискуссий на тему этико-эстетических ценностей автор выдвинул принципиально иную траекторию вопросов, наиболее важных как с точки зрения рефлексии, так и с точки зрения всего духовно-нравственного воспитания в целом. Речь идет о феномене духовной нравственности и его концептуально-сущностных основаниях. В данном тематическом разделе автор начал с постановки вопроса: «Что такое нравственность и чем она в своем обычном понимании отличается от нравственности духовной?» Ответы свелись в основном к тому, что «духовная нравственность – это религиозность и церковность». Участникам был предложен исторический экскурс в область истории этических концепций, который нами представлен в параграфе 1.1. Затем свою отдельную артикуляцию получили те теоретические конструкты («обычай», «предписания» – с одной стороны, «дух», «жизнь» – с другой (пар. 1.1)), которые позволили участникам по-иному подойти к проблеме осмысления духовной нравственности. С этой точки зрения она представилась уже не как атрибут институциональный, а в качестве атрибута личности, о чем также речь шла в параграфе 1.1. Рефлексивный базис, полученный в результате данного тематического раздела, позволил существенно расширить границы понимания как духовной нравственности, так и самой сути

церковно-певческой культуры и ее местоположения в пространстве этико-эстетических ценностей.

Свое тематическое завершение формирующий этап получил в обсуждении проблем эстетического вкуса и музыкального творчества в XXI веке, перспектив и возможных путей их решения. На передовые рубежи были выдвинуты духовно-нравственные аспекты этих проблем. Плюрализм современности с многообразием вкусов, ценностей, взглядов создает предпосылки утверждению о том, что «у каждого своя правда». Автор задал вопрос, насколько участники с этим утверждением согласны? Путем аргументации, методом проблемного и объяснительно-иллюстративного изложения автор подвел к тому, что при всей вариативности тех или иных этических и эстетических решений их объединяет нечто общее. И когда кем-либо утверждается, что «данный человек неправ», – это не жест простого несоответствия позиций, равноценных друг другу, при которых один считает так, а другой иначе – это отражение этико-эстетического инварианта, определяющего всю архитектуру человеческой жизни в ее конструктивности и самосозидательности. Базируясь на этих позициях, автор подвел участников к необходимости понимания нравственности как *деятельностного атрибута*. Это не абстрактный теоретический конструкт, «оторванный от реальности» – он предполагает неразрывную связь личности с духовной нравственностью.

Завершим наш обзор кратким изложением формирующего этапа в виде нижепредставленных таблиц, в которых отображено содержание моделируемых педагогических ситуаций, методологический состав мотивационного и трансформационно-содержательного этапов, а также тематические разделы и продолжительность их реализации.

Содержание моделируемых педагогических ситуаций по тематическим разделам

Фундаментальные качества духовной нравственности (цели)	Тематические разделы (средства)		
	Эстетико-теоретический	Исторический	Рефлексивный
Личность (самостоятельность)	Осознание связи этики и эстетики, способность к эстетическим, этическим и ценностным суждениям	Когнитивность, способность рассуждать, выработка личной позиции, способность к анализу	Способность к этическим, эстетическим и ценностным суждениям
Открытость (отказ от стремления к обладанию)	Коммуникация, адаптивность, эмпатия	Интерес, когнитивность, коммуникация, обсуждения	Коммуникация, адаптивность, эмпатия
Устремленность (неограниченность вещами преходящего ряда)	Активность в этике и эстетике	Когнитивность, рассуждения, ценностно-мировоззренческий ряд, исполнительский уровень	Этическая и эстетическая активность

В следующих таблицах представлен ход реализации формирующего этапа эксперимента, его методологический состав и тематическое содержание.

Мотивационный этап реализации формирующей части эксперимента

Последовательность реализации:	Мотивы к духовно-нравственному развитию средствами церковно-певческой культуры:
<ol style="list-style-type: none"> 1. коммуникативный контакт 2. когнитивный план 	<p>достижения, аффилиации, избегания, «гигиены» (приятное времяпрепровождение), самоактуализации с вовлеченностью в совместный творческий процесс.</p>

Трансформационно-содержательный этап:

Таблица № 9

Методологический состав проведения лекций-бесед

Принципы	Подходы	Методы
Доступность Систематичность Последовательность Прочность Наглядность Культуросообразность Гуманистичность Когнитивность Сознательность Активность Коллективность Индивидуальность Когерентность	Системно-деятельностный Антропологический Аксиологический Когнитивный Личностно-ориентированный	Объяснительно-иллюстративный Репродуктивный Проблемного изложения Образный Убеждение

Таблица № 10

Методологический состав проведения мастер-классов

Принципы	Подходы	Методы
Природосообразность Доступность Систематичность Последовательность Прочность Наглядность Культуросообразность Гуманистичность Сознательность Активность Коллективность Индивидуальность Когнитивность Когерентность Связь теории с практикой	Системно-деятельностный Антропологический Аксиологический Когнитивный Компетентностный Личностно-ориентированный	Объяснительно-иллюстративный Репродуктивный Проблемного изложения Образный Метод убеждения Самоконтроль и самооценка Метод эмпатии

Таблица № 11

Методологический анализ участия в совместном хоровом исполнительстве

Принципы	Подходы	Методы
Природосообразность Доступность Наглядность Культуросообразность Гуманистичность Сознательность Активность Коллективность Индивидуальность Когнитивность Когерентность Связь теории с практикой	Системно-деятельностный Антропологический Аксиологический Когнитивный Компетентностный	Репродуктивный Образный Самоконтроль и самооценка Метод эмпатии

Таблица № 12

Тематические разделы и продолжительность их реализации в рамках лекций-бесед и мастер-классов

Темы:	Продолжительность:
Эстетико-теоретический блок	
1. Теоретические основания категории Прекрасного. Его связь с проблемами морали. Внутреннее и внешнее. Этика и эстетика. 2. Ретроспективный анализ феномена культуры. Музыкальное искусство, его происхождение и жанровая классификация. Антиномия «сакрального и профанного». Проблемы формирования церковно-певческой культуры.	Лекция-беседа – 1 Лекция-беседа – 1
Исторический блок	
3. Католичество и православие. Ранние этапы становления и развития богослужебного пения (григорианский хорал, византийские традиции).	Лекция-беседа – 2 + мастер-класс

<p>4. Зарождение и эволюция русских богослужебно-певческих традиций (XI-XVII вв.). Знаменное пение (кондакарный, столповой, путевой, демественный распевы). Одноголосие и многоголосие.</p>	Лекция-беседа – 2 + мастер-класс
<p>5. Реформа богослужебного пения в XVII веке. Спор традиционного и новаторского. Смена музыкальной парадигмы. Внедрение партеса.</p>	Лекция-беседа – 2 + мастер-класс
<p>6. Эволюция церковно-певческого искусства в XVIII столетии. Итальянский период. Формирование русского церковного барокко.</p>	Лекция-беседа – 2 + мастер-класс
<p>7. Немецко-петербургский период в XIX веке. А.Ф Львов. Деятельность Придворной капеллы.</p>	Лекция-беседа – 2 + мастер-класс
<p>8. Эволюция церковно-певческой культуры в направлении синтеза классического и народного. Возврат к историческим истокам. Московский период (руб. XIX-XX вв.). Деятельность светских композиторов в области церковного пения.</p>	Лекция-беседа - 3 + мастер-класс
Рефлексивный блок	
<p>9. Теоретические аспекты эстетики церковно-певческой культуры, проблемы ее жанровой стилистики и допустимости эстетических решений.</p>	Лекция-беседа – 4 + мастер-класс
<p>10. Феномен духовной нравственности и его концептуально-сущностные основания.</p>	Лекция-беседа – 4
<p>11. Проблемы эстетического вкуса и музыкального творчества в XXI веке. Перспективы и возможные пути их решения. Духовно-нравственные аспекты проблемы.</p>	
	Лекция-беседа – 3 + мастер-класс

Как можно видеть из данных последней таблицы, число всех экспериментальных мероприятий формирующего этапа представлено в количестве 37, из которых 3 были посвящены реализации мотивационной фазы, 34 – трансформационно-содержательной: 26 лекций-бесед и 8 мастер-классов. Завершив наш обзор формирующего этапа эксперимента, перейдем к заключительному, включая статистические данные, анализу динамики сформированности уровней духовно-нравственного воспитания участников хоровых коллективов с последующей разработкой соответствующих этому рекомендаций.

2.3 Динамика сформированности уровней духовно-нравственного воспитания участников хоровых коллективов и рекомендации по повышению эффективности духовно-нравственного воспитания средствами церковно-певческой культуры

Заключительный этап проведения эксперимента осуществился в виде анализа динамики процесса духовно-нравственного воспитания и итогового контроля, реализованного с помощью заявленных нами исследовательских процедур, включая наблюдение, опросник, анкетирование, тестирование; интервьюирование, ведение протокола, беседы с участниками, дискуссии, обсуждения, рефлексивный анализ (пар. 2.1). Продолжительность контрольного этапа составила несколько месяцев: январь – май 2023 года. Контрольный этап осуществлен в двух своих сегментах – *анализ самого процесса* проведения эксперимента и *итоговый контроль* с разработкой соответствующих рекомендаций.

Описание хода реализации этого этапа предполагается сделать в соответствии с данными, получаемыми на формирующей фазе проведения эксперимента с помощью наблюдения и ведения протокола. Итоговый анализ проведен также при помощи наблюдения, опросника, анкет, тестов, обсуждений и дискуссий по всем тематическим лекционным блокам. Само описание контрольного этапа осуществим по критериям в пересечении их с тематическими разделами по каждой отдельно взятой группе, предоставив в завершении каждого фрагмента соответствующие таблицы и диаграммы.

Участники хора Храма Христа Спасителя представили экспериментально-контрольную группу 1 (ЭКГ1), как было отмечено, в составе 35 человек. В процессе проведения формирующего этапа наблюдается тенденция к снижению низкого показателя и росту среднего и высокого показателей. Однако на начальной фазе, преимущественно в рамках теоретического и исторического лекционных блоков, отмечается некоторая неустойчивость такой тенденции. По данным наблюдения и протоколов прослеживается ее волнообразность, при

которой первоначальный интерес к эстетико-теоретическим проблемам сменился состоянием отстраненности от коммуницирования. Тенденция к повышению интереса и внимания участников отмечается в историческом блоке, посвященном русскому богослужебно-певческому творчеству начиная с XVII и особенно с XVIII века. Ситуация выглядит вполне объяснимой, если учесть наличие у всех участников профессионального музыкального образования. Византия и «знаменный блок» не вызвали заметного интереса. На соответствующих мастер-классах участники не в состоянии оказались аутентично воспроизвести приемы знаменного звукоизвлечения, излишне вокализируя свое исполнение. На данной стадии наблюдался достаточно низкий уровень творческой эмпатии, что сказалось на общей интонации, тембральных характеристиках. Однако к концу блока, посвященного древнерусскому пению, наблюдается заметный сдвиг в сторону формирования устойчивого унисона.

Эстетический ряд вопросов активно дискутировался участниками в самом начале, в особенности, когда речь шла о том, что представляет собой категория Прекрасного, и что к ней может быть отнесено, а что никак не может. Участники демонстрировали выраженный запрос на поиск доказательств, приближающихся к *выявлению формулы*, по которой это можно было бы «рассчитать» и «доказать». Постановка данной проблемы в сугубо гуманитарном ключе со своим набором оценок вызвало у участников ощущение того, что «все субъективно и относительно». Концепт «согласованности элементов» и «критики способности суждения» позволил подойти к вопросу с когнитивной стороны, хотя вызвал некоторый спад интереса к этой сфере, однако анонсировал перспективность в поиске нужных ответов. На протяжении исторического блока и, в особенности, рефлексивного участники проявили способность ориентироваться в категориальном эстетико-теоретическом аппарате и демонстрировали более высокий уровень эстетических суждений. К концу лекционного курса повысился уровень активности того звена, которое изначально диагностировалось как «среднее». Представители низкого эстетического уровня проявили некоторую

ригидность и тенденцию консервировать свои взгляды и вкусы, хотя среди них наблюдался сдвиг в сторону «середины».

В *этическом и ценностном* аспектах наблюдается бОльшая результативность, нежели в эстетике и музыкальных вкусах, характеризующихся наибольшей устойчивостью. Акцент на когнитивные аспекты затрагиваемых проблем в этом тематическом сегменте позволил констатировать существенное сокращение низкого показателя с приростом среднего и высокого. Данный процесс отчетливо прослеживался на материале *проблемного изложения, иллюстрирования, убеждения и образного метода*. Повысился градус дискуссионности, при котором наблюдалась заметная активность участников. В историческом блоке наибольшая активность наблюдается в вопросах, касающихся истории богослужебного пения, относящейся к XVII, XVIII столетиям и далее. Древнерусский блок интерпретировался как «ценная архаика», но лишь двое из участников проявили к этому жанру заметный интерес. На этапе рефлексивного тематического блока участники демонстрировали более высокий уровень этических и ценностных суждений, нежели на этапе исходной диагностики.

По позиции «*коммуникация*» и «*социальная адаптивность*» наблюдается отсутствие изменения высокого показателя, однако низкий показатель переходит в средний. В особенности эта тенденция фиксируется на мотивационном этапе, а также на этапе обсуждения исторических тем и в рефлексивном тематическом разделе. Участники с низким показателем продемонстрировали бОльшую вовлеченность в область истории и совместного исполнительства на мастер-классах, а также на богослужебных мероприятиях. Данная вовлеченность воспроизвелась в активном коммуницировании и большей личностной транспарентности, нежели на старте проведения эксперимента. Компетентностный пласт с методом оценки и самооценки способствовал достижению наибольшей эмпатии в сфере как творческого коммуницирования, так и в области интерактивной активности в целом, что в наибольшей степени было отнесено к следующему аспекту анализа – деятельностно-эстетическому.

В *деятельностно-эстетическом и деятельностно-этическом сегментах* настоящего анализа отмечается отсутствие изменений в среднем показателе, однако наблюдается рост высокого показателя и существенное снижение низкого, который перешел в средний регистр, а средний, в свою очередь, в высокий. В *деятельностно-эстетическом* можно отметить наибольший прирост в показателях. В значительной мере этому способствовала отработка унисона на материале знаменного одноголосия. Наиболее интенсивное повышение уровня по данному показателю отмечается на рефлексивном тематическом этапе, который открыл аналитику проблем, связанных с эстетической и этической активностью и с необходимостью ее наличия в жизни участника. Ключевую роль в данном сегменте сыграл *когнитивный пласт* экспериментальной работы, а также *метод эмпатии*. Активность в эстетическом и этическом аспектах воспроизвела себя со стороны участников, как на уровне совместной исполнительской деятельности, так и в суждениях, отображенных в материалах опросников, анкет, выборочного интервью, беседах и итоговом тесте.

Интерес участников к эксперименту имеет небольшие изменения в сторону своего повышения. Лишь один участник из 35 продемонстрировал низкий уровень интереса. При этом высокий уровень существенно преобладает также над средним – данная картина наблюдается как на старте эксперимента, так и на его финальной стадии с незначительным повышением показателя.

Общий вывод, который можно было бы сделать в отношении ЭКГ1 с точки зрения разработок *рекомендательной части*, состоит в следующем. Специфика группы отличается тем, что в ее составе представлены лишь лица с музыкальным образованием, вокально-хоровой подготовкой и опытом работы в хорах. Участники группы обладают сформировавшимися эстетическими вкусами и исполнительскими приемами, что в вопросах эстетики вызывает заметную ригидность и консерватизм. Между тем, фиксируется интерес к вопросам философского и исторического ряда, впрочем, с некоторым отсутствием способности в них углубляться. С точки зрения рекомендации предлагается делать наибольший акцент на когнитивную сторону воспитательного процесса с

привлечением тех мотивационных ресурсов, которые отвечают «мотиву аффилиации и достижения». Также особенную релевантность приобретают вопросы, связанные с формированием и развитием эмпатии, что в условиях некоторой «профессиональной ригидности» требует к себе большего внимания. Исходя из когнитивных и компетентностных позиций, предлагается расширять сам познавательный и творческий контекст, позволяющий «смотреть на себя со стороны» и видеть творческую ситуацию в ее теоретическом, историческом и рефлексивном контекстах.

Проиллюстрируем полученные данные в виде соответствующей таблицы диаграммы.

Таблица № 13

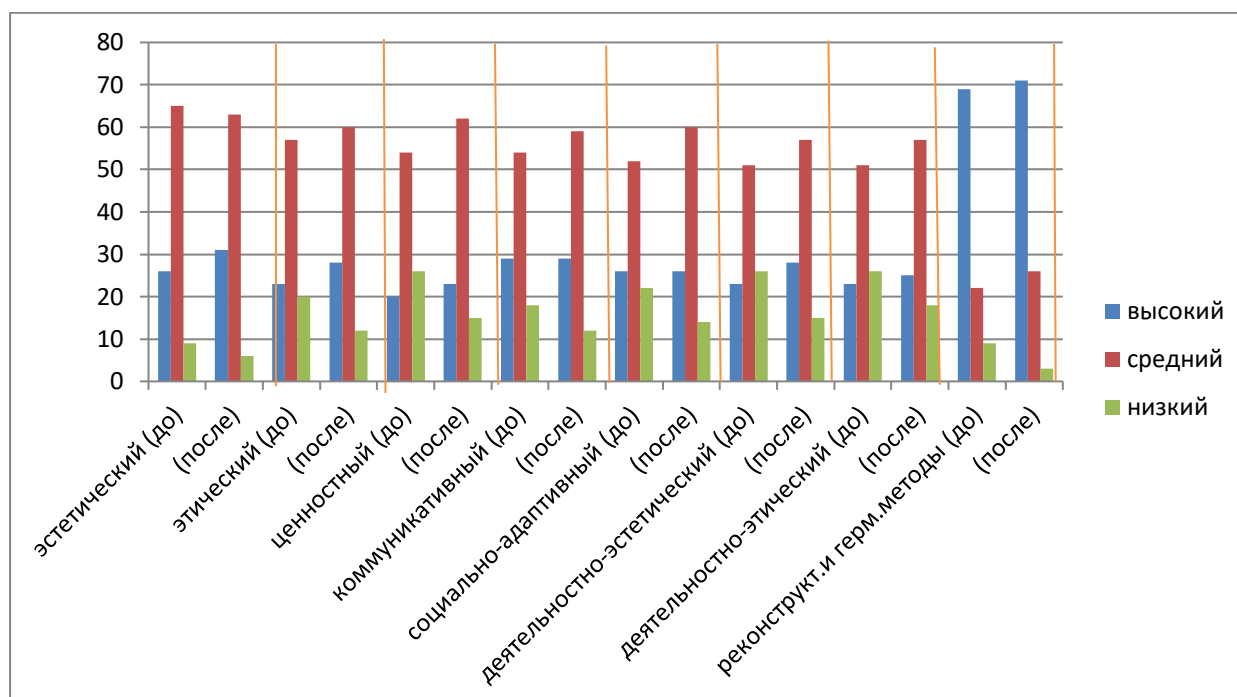
Сравнительный анализ данных исходной и результативной диагностики участников ЭГ1 по уровням сформированности духовно-нравственного развития

Критерии:	Уровни:		
	<i>Высокий, чел. (%)</i> <i>До / после</i>	<i>Средний, чел. (%)</i> <i>До / после</i>	<i>Низкий, чел. (%)</i> <i>До / после</i>
Эстетический	9 (26%) / 11 (31%)	23 (65%) / 22 (63%)	3 (9%) / 2 (6%)
Этический	8 (23%) / 10 (28%)	20 (57%) / 21 (60%)	7 (20%) / 4 (12%)
Ценностный	7 (20%) / 8 (23%)	19 (54%) / 22 (62%)	9 (26%) / 5 (15%)
Коммуникативный	10 (29%) / 10 (29%)	19 (54%) / 21 (59%)	6 (18%) / 4 (12%)
Социально-адаптивный	9 (26%) / 9 (26%)	18 (52%) / 21 (60%)	8 (22%) / 5 (14%)
Деятельностно-эстетический	8 (23%) / 10 (28%)	18 (51%) / 20 (57%)	9 (26%) / 5 (15%)
Деятельностно-этический	8 (23%) / 9 (25%)	18 (51%) / 20 (57%)	9 (26%) / 6 (18%)
Интерес к участию в	<i>Расположенность:</i>	<i>Равнодушие:</i>	<i>Соппротивление:</i>

эксперименте (по данным реконструктивного и герменевтического методов)	24 (69%) / 25 (71%)	8 (22%) / 9 (26%)	3 (9%) / 1 (3%)
--	---------------------	-------------------	-----------------

Диаграмма № 5

Сравнительный анализ данных исходной и результативной диагностики участников ЭГ1 по уровням сформированности духовно-нравственного развития

Экспериментально-контрольная группа 2 (ЭКГ2) представляет собой хор храма Покрова в г. Долгопрудном в составе 25 участников. Как и в предыдущем случае, отмечается тенденция к снижению (и также полному устранению) низкого показателя и росту среднего и высокого показателей. На *мотивационном этапе* был несколько затруднен контакт с участниками. Наблюдалась заметная доля отстраненности. Наибольшей активностью и коммуникабельностью на данном фоне отличался старший сегмент, младший демонстрировал призвуки иронии и некоторого сопротивления. Отмечалась склонность к «мотиву гигиены» (времяпрепровождения), а также «мотиву избегания».

На *трансформационно-содержательном этапе* вопросы эстетико-теоретического плана вызвали общий интерес. По позиции «эстетика» с большим отрывом преобладал средний уровень, который к концу эксперимента своего количественного показателя не изменил. Однако полностью исчез низкий показатель, и также высокий увеличился в составе участников со средним показателем. Низкий, соответственно, передвинулся в средний регистр. В данной группе наблюдается противоположная, в отличие от ЭКГ1, картина. Рассуждения на тему эстетики имеет выраженный религиозный контекст. На этапе реализации исторического блока в рамках лекций-бесед и мастер-классов значительный интерес вызвало древнерусское богослужебное пение. Когнитивный и компетентностный подходы сыграли ключевую роль в установлении контакта с тем сегментом участников, который изначально на него был настроен довольно слабо. Всеми участниками получила единодушное признание эстетическая ценность древнерусского знаменного, строчного и демественного пения. Автору поступало большое количество вопросов, связанных с историей этого жанрового блока. На рефлексивном этапе участники при ответах на вопросы в рамках опросников, анкет, интервью и тестов продемонстрировали владение той терминологией, которая была задействована автором на формирующем этапе.

Сходную картину можно наблюдать в *этическом и ценностном аспектах* настоящего анализа. Как и в предыдущей позиции, на финальной стадии эксперимента полностью устраняется низкий показатель. Средний уровень заметно преобладает. По позиции «ценностей» высокий показатель поднимается, в *этическом* отношении он остается на прежнем уровне. Треть участников продемонстрировала высокий уровень этических и ценностных суждений, способность мыслить и анализировать. Средний уровень рассматривал все по преимуществу в контексте религиозного учения, обнаруживая заметную склонность догматизировать свои суждения (пар. 2.1, с. 94). Элементы критического анализа выражены были слабо, но сам уровень интуитивного понимания нравственных ценностей оказался достаточно высоким, что дало

основания автору отнести данный сегмент участников к среднему показателю. На передовых рубежах также выступает когнитивный подход, как и в работе с ЭКГ1.

Коммуникативная сторона процесса взаимодействия, как и аспекты, связанные с «*социальной адаптивностью*», имеют схожие с предыдущими позициями результаты. Также преобладает средний показатель. Низкий минимизирован, а высокий незначительно вырос. При обсуждении вопросов эстетико-теоретического и исторического планов участники дискутировали с той или иной степенью активности. Уровень внутриколлективной коммуникации и эмпатии даже на старте представился достаточно высоким, из чего автор сделал вывод о наличии элементов консервации и некоторого сопротивления «вторжению извне». Из 25 лишь один участник проявил низкий уровень коммуникативности на завершающей фазе проведения эксперимента, придерживаясь такой парадигмы поведения на протяжении всего времени.

Деятельностно-эстетический и деятельностно-этический аспекты дают основания констатировать наличие тенденции к незначительному росту показателей, при которых низкий уровень минимизировался, высокий вырос, а средний своего количественного показателя не изменил. В рамках мастер-классов при отработке приемов звукоизвлечения, характерного для византийского и знаменного распева, например, участники не смогли сразу воспроизвести мелизматику. Унисон характеризовался интонационной неточностью и некоторой «шероховатостью» в тембре, хотя и наблюдалась бОльшая «тембральная прилаженность» участников друг к другу, нежели в ЭКГ1. Манера звукоизвлечения характеризуется большей близостью народной и народно-хоровой, с меньшей академичностью, но подача звука при этом менее «открыта». Невзирая на интонационные погрешности, фиксируется значительный «исполнительский монолит». Интерес к партесному пению и истории богослужебно-певческого искусства начиная с XVII-XVIII веков менее выражен по сравнению с ЭКГ1. На данном этапе анализа ключевая роль отводится когнитивному и компетентностному подходам.

В контексте сравнительного анализа с данными по ЭКГ1 становится очевидной выраженная религиозная направленность данного коллектива, с одной стороны, и недостаточная профессиональная подготовленность, с другой. Это обстоятельство обеспечивает участникам наличие интереса к церковному обиходу, не отличающемуся сложностью исполнительских задач, а также к знаменному распеву, как наиболее яркому олицетворению древних богослужебно-певческих традиций. Тем не менее, участники мыслят в категориях аккордовой вертикали. Уровень эмпатии и творческого коммуницирования по показателям разнороден при значительном преобладании среднего. В деятельностно-этическом сегменте также заметно преобладает отстраненность от социальных и иных масштабных проблем, связанных с окружающим миром, что дало автору основания поместить наибольшую часть участников в регистр среднего показателя. Однако высокого уровня к концу эксперимента достигла треть коллектива.

Интерес к участию в эксперименте, как на этапе исходной диагностики, так и на финальной фазе, оказался достаточно высоким, если его оценивать с позиции того, насколько откликнулись сами участники. Но в процессе реализации мотивационного и трансформационно-содержательного этапов показатель существенно менял свои количественные характеристики, направляясь в различные стороны своего движения. Наибольший спад интереса отмечается на мотивационном этапе. На завершающей стадии интерес возрос в сравнении со стартом.

Из вышеизложенного можно сделать выводы, позволяющие выработать несколько рекомендаций, которые будут суммированы в заключительных частях параграфа. ЭКГ2 представляет собой любительский хор, из которого подавляющее большинство лиц не имеет никакого музыкального образования, включая музыкальную школу. Состав участников религиозно мотивирован, проявляя интерес к богослужебному пению в контексте церковной эстетики. Наличие низкого уровня интерактивности, который наблюдался на начальной фазе, по всей видимости, может трактоваться в качестве некоторой попытки обесценить начинания автора с целью «обезопасить себя от вторжения извне».

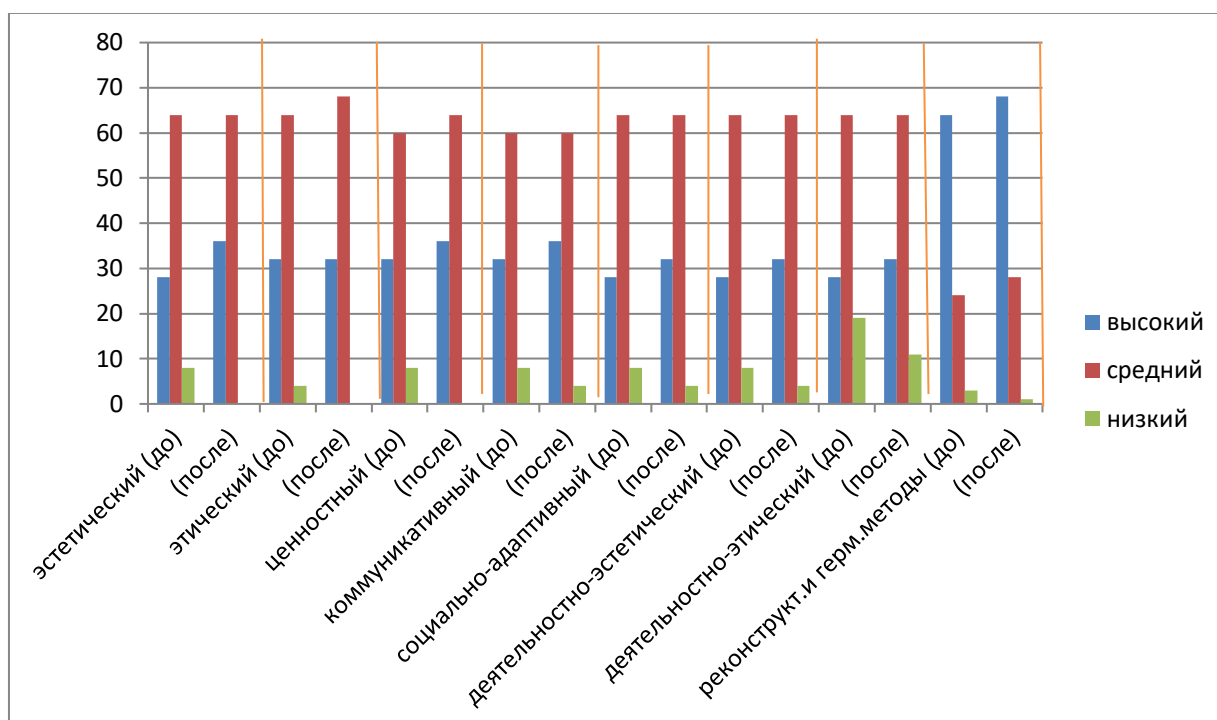
Это, в частности, следует из материалов интервью на контрольной стадии. С другой стороны, имеется наличие достаточно высокого интереса к данному экспериментальному мероприятию в целом. Насколько возможно судить об этом из данных интервью, участники ожидали «лекции, похожей на церковную проповедь». Но столкнувшись, в частности, с тем, что *«духовная нравственность внеинституциональна»*, участники в основной своей массе на непродолжительное время изменили траекторию своего отношения к эксперименту. Такая трактовка дана, по меньшей мере, двумя респондентами в рамках интервью. Из этих посылок напрашивается ряд соответствующих рекомендаций. При работе с религиозно мотивированным сегментом педагогу следует учитывать ярко выраженную специфику данной аудитории.

Руководствуясь принципами культуросообразности и коллективности (пар. 1.3), требуется способность к диалектическому выстраиванию процесса духовно-нравственного воспитания, при котором последовательно и без резких переходов внедряется принцип личностности, открытости и устремленности как основополагающих качеств духовной жизни. Рекомендуется избегать конфликтогенных ситуаций, в том числе, и связанных с потенциальным расхождением с позицией Церкви в тех или иных вопросах. Для решения этой задачи следует предварительно ознакомиться с соответствующими материалами, чтобы понимать данную аудиторию. И вторая важная составляющая духовно-нравственного воспитания именно в аспекте церковно-певческой культуры состоит в повышении уровня музыкально-исполнительских компетенций. На передовых рубежах педагогической работы с данной аудиторией так же оказывается когнитивный план с возможностью расширения контекста за счет благоприятствующих этому церковно-исторических материалов.

Сравнительный анализ данных исходной и результативной диагностики участников ЭГ2 по уровням сформированности духовно-нравственного развития

Критерии:	Уровни:		
	<i>Высокий, чел. (%)</i> <i>До / после</i>	<i>Средний, чел. (%)</i> <i>До / после</i>	<i>Низкий, чел. (%)</i> <i>До / после</i>
Эстетический	7 (28%) / 9 (36%)	16 (64%) / 16 (64%)	2 (8%) / 0 (0%)
Этический	8 (32%) / 8 (32%)	16 (64%) / 17 (68%)	1 (4%) / 0 (0%)
Ценностный	8 (32%) / 9 (36%)	15 (60%) / 16 (64%)	2 (8%) / 0 (0%)
Коммуникативный	8 (32%) / 9 (36%)	15 (60%) / 15 (60%)	2 (8%) / 1 (4%)
Социально-адаптивный	7 (28%) / 8 (32%)	16 (64%) / 16 (64%)	2 (8%) / 1 (4%)
Деятельностно-эстетический	7 (28%) / 8 (32%)	16 (64%) / 16 (64%)	2 (8%) / 1 (4%)
Деятельностно-этический	7 (28%) / 8 (32%)	16 (64%) / 16 (64%)	2 (8%) / 1 (4%)
Интерес к участию в эксперименте (по данным реконструктивного и герменевтического методов)	<i>Расположенность:</i>	<i>Равнодушие:</i>	<i>Соппротивление:</i>
	16 (64%) / 17 (68%)	6 (24%) / 7 (28%)	3 (12%) / 1 (4%)

Сравнительный анализ данных исходной и результативной диагностики участников ЭГ2 по уровням сформированности духовно-нравственного развития

Экспериментально-контрольная группа 3 (ЭКГ3) представлена вокально-хоровым ансамблем магистрантов и выпускников магистратуры МГПУ в количестве 14 участников. Как и в двух предыдущих случаях, прослеживается положительная динамика в сторону повышения показателей, при котором низкий уровень в ряде критериальных позиций достиг своего полного устранения. Существенно поднимается высокий показатель при сравнительно слабом движении в среднем.

На *мотивационном этапе* наблюдается некоторая инертность участников. «Мотив гигиены» (времяпрепровождения) и «избегания», в отличие от двух предыдущих групп, выражен довольно слабо. Когнитивные аспекты генерирования мотивов «аффилиации» и «достижения» также выражен не ярко. Исключение составляет лишь тот сегмент участников, который представляет собой выпускников магистратуры (4 участника). В составе магистрантов (10 человек) изначально наблюдалась слабая активность, разрозненность и заметная

доля отстраненности. Тем не менее, судя по результатам реконструктивного и герменевтического анализа опросника на этапе исходной диагностики, половина участников продемонстрировала высокий уровень заинтересованности в эксперименте, из чего последовал предварительный вывод о наличии рассогласования между «виртуальным» и «реальным».

По позиции «эстетика» высокий уровень суждений и понимания продемонстрировали 4 участника (все выпускники). На этапе исходной диагностики в группе заметно преобладает средний уровень, который к концу эксперимента своего количественного показателя не изменил. Низкий уровень на финальной стадии не зафиксирован. На трансформационно-содержательном этапе наблюдается тенденция к движению в сторону высокого показателя. В ходе формирующего этапа по тематическим блокам можно отметить, что вопросы эстетико-теоретического плана у молодых участников заметного интереса не вызвали. Старший сегмент на старте проявил наибольшую активность. Подъем интереса к проблемам эстетики фиксируется на ступени реализации исторического блока и, в особенности, рефлексивного. Краткое заключение состоит в том, что аудитория не испытывает большого стремления к теоретизированию поставленных проблем в рамках эстетического анализа. Заметный подъем зафиксирован при историческом обзоре, в большей степени, западной католической музыки в контексте формирования партеса в русском богослужебно-певческом искусстве.

Этический и ценностный аспекты анализа позволяют констатировать рост высокого показателя и минимизацию (а также устранение) низкого, при сохранении среднего, который заметно преобладает. На материале опросника фиксируются ответы, демонстрирующие достаточно высокий уровень нравственных и ценностных суждений на старте эксперимента, если учесть сравнительно молодой возраст участников. Однако на лекциях дискуссионная активность была низкой, и данные показатели меняли траекторию своего движения, будучи неустойчивыми. Наблюдался подъем активности при обсуждении тех или иных моделируемых ситуаций, взятых из повседневной

жизни. На стадии реализации исторического блока уровень этических и ценностных суждений с активностью участия в дискуссионном процессе стал неуклонно расти. На рефлексивной ступени участники в большей мере демонстрировали высокий уровень (в основном, старший сегмент). Участники обнаружили в себе выраженную способность размышлять на обсуждаемые темы с позиции таких заявленных нами фундаментальных качеств духовной нравственности, как «личностность», «открытость» и «устремленность». Сам категориальный ряд активно использовался ими в обсуждениях и дискуссиях. В этическом секторе наблюдается рассогласование между содержанием суждений и ответов, с одной стороны, и образом поведения, с другой. Это дало автору основания признать, что низкий показатель лишь минимизировался, но не был полностью устранен. В ценностном секторе при этом низкий показатель сведен до нуля.

Коммуникативный и социально-адаптивный аспекты позволяют констатировать заметную результативность экспериментального процесса, при которой изначальные 22% участников с низким показателем по критерию «коммуникации» полностью перешли в средний регистр, приведя низкий уровень к нулю. Социально-адаптивный план минимизировал низкий показатель. Наблюдается заметный рост высокого показателя по критерию социальной адаптивности, при котором средний и низкий показатели снизились. Не прослеживается в высоком показателе заявленная нами в таблице описания критериев «созерцательность» в поведении участников, которая также нами рассматривалась как один из ключевых атрибутов духовной нравственности. Однако уровень вовлеченности позволил участникам отнести к высокому уровню проявленности в коммуницировании, в том числе, и в творческом. В основном анализ по данным критериальным позициям производился на материалах дискуссий, а также при проведении мастер-классов в историческом блоке.

Деятельностно-эстетический и деятельностно-этический аспекты анализа динамики воспитательного процесса позволяют констатировать значительное преобладание среднего уровня с большим отрывом от остальных.

Парадигма исполнительского сознания в основном сводится к функциональной интерпретации, направленной на проблемы интонирования, академичность (а также эстрадность) вокального исполнения. Присутствует тембральное несоответствие между голосами. У некоторой части фиксируются заметные проблемы с интонированием в целом. Уровень творческой эмпатии может рассматриваться как средний. Однако участники проявляют заметный интерес к совместному творчеству. Ключевую роль в достижении результата на финальной стадии сыграл акцент на *компетентностной стороне* интеракции. В конце эксперимента прослеживается повышение уровня творческой эмпатии в общем исполнительстве, в том числе, при отработке приемов звукоизвлечения на мастер-классах. Деятельностно-этический план также отмечен повышением уровня показателя.

Интерес к участию в эксперименте, исходя из данных герменевтического и реконструктивного анализа, как уже было отмечено, имел в большей степени виртуальный дистанционный характер. Из этого автор склонен был прийти к выводу о наличии некоторого «разлома» между индивидуальным и социальным планами самопроявления участников.

Рекомендации, которые можно было бы применить в работе с данной аудиторией, в целом можно направить на решение проблем, связанных с трансформацией парадигм нравственного и художественно-исполнительского сознания. Рекомендуется моделировать больше ситуаций-иллюстративов, открывающих связь с реальной жизнью и актуальными проблемами современной молодежи. В противовес «функциональному» самовосприятию участника в его творчестве, при котором превалирует фактор стремления точно воспроизвести нотный текст, следует внедрять больше элементов художественного понимания с расширением когнитивного контекста самой исполнительской деятельности. Поскольку речь идет об учебном заведении, рекомендуется активно внедрять духовные песнопения в ткань самой учебной программы и на ее материале демонстрировать те когерентные связи, которые открывают грань духовной нравственности и творческого понимания в целом.

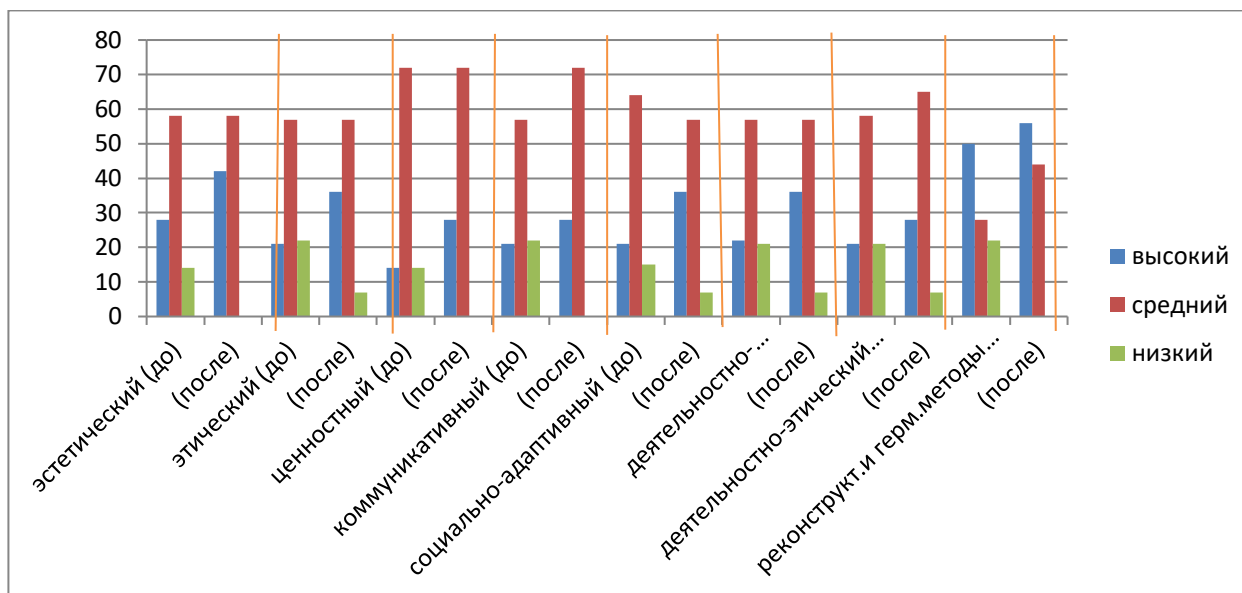
Представим полученные нами данные по ЭКГЗ в виде таблицы и диаграммы.

Таблица № 15

Сравнительный анализ данных исходной и результативной диагностики участников ЭГЗ по уровням сформированности духовно-нравственного развития

Критерии:	Уровни:		
	<i>Высокий, чел. (%)</i> <i>До / после</i>	<i>Средний, чел. (%)</i> <i>До / после</i>	<i>Низкий, чел. (%)</i> <i>До / после</i>
Эстетический	4 (28%) / 6 (42%)	8 (58%) / 8 (58%)	2 (14%) / 0 (0%)
Этический	3 (21%) / 5 (36%)	8 (57%) / 8 (57%)	3 (22%) / 1 (7%)
Ценностный	2 (14%) / 4 (28%)	10 (72%) / 10 (72%)	2 (14%) / 0 (0%)
Коммуникативный	3 (21%) / 4 (28%)	8 (57%) / 10 (72%)	3 (22%) / 0 (0%)
Социально-адаптивный	3 (21%) / 5 (36%)	9 (64%) / 8 (57%)	2 (15%) / 1 (7%)
Деятельностно-эстетический	3 (22%) / 5 (36%)	8 (57%) / 8 (57%)	3 (21%) / 1 (7%)
Деятельностно-этический	3 (21%) / 4 (28%)	8 (58%) / 9 (65%)	3 (21%) / 1 (7%)
Интерес к участию в эксперименте (по данным реконструктивного и герменевтического методов)	<i>Расположенность:</i>	<i>Равнодушие:</i>	<i>Сопротивление:</i>
	7 (50%) / 8 (56%)	4 (28%) / 6 (44%)	3 (22%) / 0 (0%)

Сравнительный анализ данных исходной и результативной диагностики участников ЭГЗ по уровням сформированности духовно-нравственного развития

Подводя итог описанию контрольно-аналитической фазы проведения эксперимента, обратимся к общему сравнительному анализу данных исходной и результативной диагностики по всем группам участников с точки зрения уровня сформированности духовно-нравственного развития в рамках реализованного нами проекта. Как можно видеть из вышеизложенных данных, все три группы участников имеют принципиально разную направленность своей вокально-хоровой исполнительской деятельности, разный уровень профессиональной подготовки и различную мотивацию в сфере церковно-певческого творчества. Исходя из полученного общего результата, можно констатировать тот факт, что ни по одному показателю нет движения «вниз», а также отсутствует какая-либо статика. Каждый показатель, так или иначе, продвинулся «вверх». Если в частных ситуациях с конкретной группой уровень в некоторых случаях мог не изменяться, то по данным общего результата это изменение фиксируется.

Наибольший подъем наблюдается в тех критериальных позициях, которые обращены к проблемам эстетики и исполнительской деятельности, а также к аксиологической области. Существенно сокращается сегмент с низким

показателем, в основном закрепляясь за ЭКГ1. Это объясняется сформированностью жизненной позиции, устойчивостью музыкальных вкусов, высоким уровнем профессиональной подготовки, что создает заметные предпосылки к ригидности и сопротивлению к «вторжению во внутренний мир». Именно этот сегмент участников показал наибольшую консервативность. Остальные две группы в ряде показателей проявили себя мобильнее. Невзирая на факт изначального «сопротивления» эксперименту, на самой финальной стадии, тем не менее, с точки зрения динамики наблюдается большая результативность ЭКГ2 и ЭКГ3. Также существенно снижен низкий показатель по позиции «интереса к участию в эксперименте» – более чем в три раза. Общий подъем активности во всех трех группах фиксируется в историческом тематическом сегменте. Наименьший – на мотивационной фазе и в эстетико-теоретической части реализации трансформационно-содержательного этапа.

Доминирующую роль в теоретико-методологическом отношении сыграли *когнитивный* и *компетентностный*, а также *аксиологический* подходы, в наибольшей степени повлиявшие на достижение полученного результата. ЭКГ1 проявила заметный интерес к проблемам философии и эстетики. В двух других группах этого изначально не наблюдалось. Коммуникативный сектор в целом также имел разную окрашенность в зависимости от специфики группы: в ЭКГ1 отмечалось наибольшее отстранение от проблем коммуницирования и адаптивности, что в пространстве повседневности нередко обозначается таким понятием, как «цинизм» с дихотомией «мое-чужое», «Я-они». Прослеживались также элементы «фобичности» со стороны некоторых участников перед коммуникативно-интерактивным процессом, что нами описано в характеристиках по уровням (пар.2.1). В других группах отмечалась наибольшая слаженность в коллективе, в особенности, в ЭКГ2.

Высокий уровень профессионализма ЭКГ1, тем не менее, вызвал определенные проблемы в области творческой эмпатии. С точки зрения понимания художественного замысла в данной группе фиксируется самая высокая степень расхождения в позициях. Наибольшая эмпатия отмечается в

ЭКГ2. Интерес к участию в эксперименте оказался, с одной стороны, достаточно высоким, если исходить из данных опросника, которые были проанализированы герменевтическим и реконструктивным путем на констатирующем этапе. Участники активно откликнулись на запрос автора. С другой стороны, уже на мотивационной фазе прослеживается заметная доля отстраненности от участия. Трансформационно-содержательный этап изменил данную ситуацию, и по сравнению с первоначальным состоянием отмечается повышение интереса к эксперименту.

Из вышеизложенного краткого сравнительного анализа по представленным группам можно констатировать разницу специфики между профессиональным и любительским, светским и церковно ориентированным типами коллективов, а также довольно сложную диалектику между этими составляющими в художественно-эстетической парадигматике сознания самого исполнителя. Основной концептуальный вектор в области рекомендательных разработок задается безусловной педагогической ценностью когнитивного, компетентностного и аксиологического подходов. Проблематизация, репродуктивность, последовательность, образность изложения, убеждение, самоконтроль, достижение эмпатии – универсальные методологические составляющие духовно-нравственного воспитания, что представляет собой общий *инвариантный план* разработок рекомендаций. *Вариативное различие* предполагается лишь в акцентах в зависимости от специфики конкретного творческого коллектива: в профессионально ориентированных составах рекомендуется наибольший акцент на аксиологическую и этико-эстетическую сторону вопросов, в любительских – на компетентностную сторону исполнительства. В церковных составах – на развитие способности самостоятельно мыслить в критических и аналитических категориях, в светских – на обращение к этическим, эстетическим и аксиологическим константам человеческой жизни.

Исходя из данных концептуальных посылок, мы можем сформировать следующие рекомендации:

- стартовым условием в организации работы по духовно-нравственному воспитанию является необходимость учитывать специфику конкретного хорового коллектива, что исключало бы формирование тех или иных точек возможного рассогласования и различных конфликтогенных очагов в ходе реализации воспитательного процесса;

- в процессе духовно-нравственного воспитания следует интенсивно внедрять когнитивный принцип с опорой на проблематизацию и иллюстративность, что представляется универсальным в работе со всеми хоровыми коллективами;

- в зависимости от специфики конкретного хорового коллектива педагог призван реализовывать необходимые для его профессионального роста компетентностные стратегии, направленные как на повышение уровня исполнительской деятельности, так и на расширение творческих возможностей самого исполнителя, даже в тех случаях, когда уровень его профессионализма представляется высоким;

- неотъемлемой частью духовно-нравственного воспитания является способность педагога обращаться к проблемам аксиологии, что помогает участникам обрести необходимый ценностно-мировоззренческий фундамент в области осмысления вопросов, связанных с этикой, эстетикой и их взаимной корреляцией;

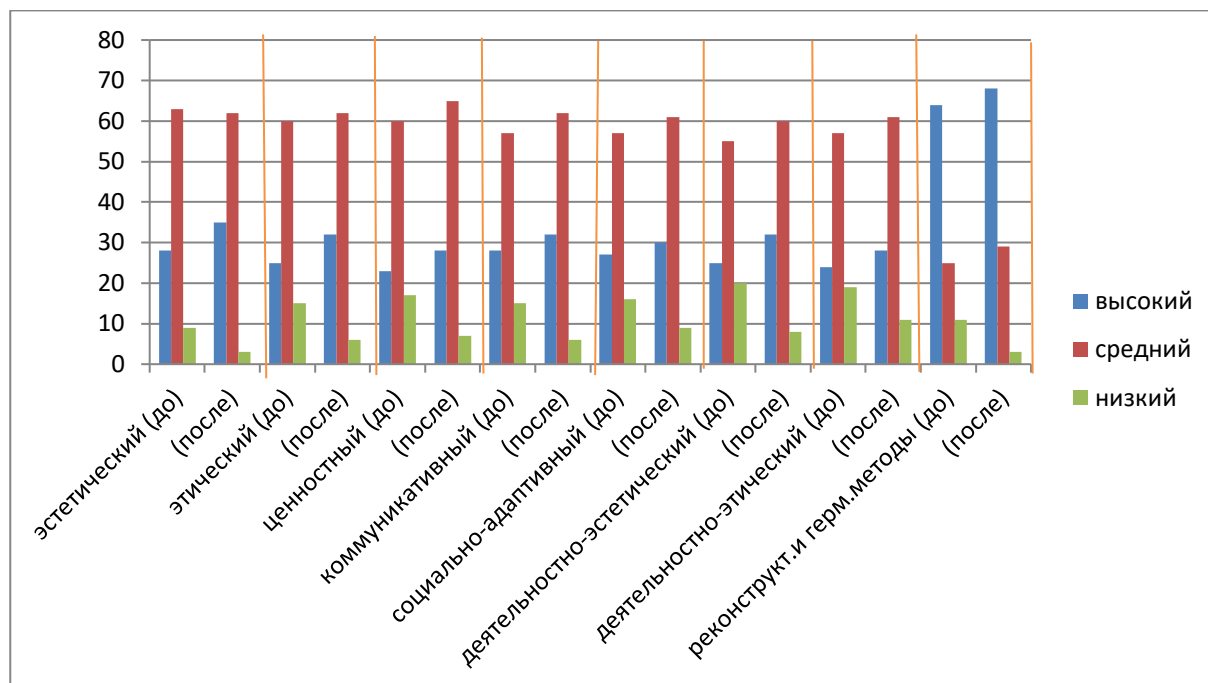
- концептуально-интерактивный вектор в работе с хоровыми коллективами рекомендуется определять, исходя из необходимости выстраивания нужного баланса между всеми компонентами процесса духовно-нравственного воспитания, включая когниции, компетенции и ценностный ряд.

Представим все полученные данные с иллюстрацией проведенного нами сравнительного анализа данных исходной и результативной диагностики в виде таблицы и соответствующей ей диаграммы с выявлением тех статистических позиций, которые позволяют констатировать достоверность полученных результатов.

**Общий сравнительный анализ данных исходной и результативной
диагностики участников по уровням сформированности духовно-
нравственного развития**

Критерии:	Уровни:		
	<i>Высокий, чел. (%)</i> <i>До / после</i>	<i>Средний, чел. (%)</i> <i>До / после</i>	<i>Низкий, чел. (%)</i> <i>До / после</i>
Эстетический	20 (28%) / 26 (35%)	47 (63%) / 46 (62%)	7 (9%) / 2 (3%)
Этический	19 (25%) / 23 (32%)	44 (60%) / 46 (62%)	11 (15%) / 5 (6%)
Ценностный	17 (23%) / 21 (28%)	44 (60 %) / 48 (65%)	13 (17%) / 5 (7%)
Коммуникативный	21 (28%) / 23 (32%)	42 (57%) / 46 (62%)	11 (15%) / 5 (6%)
Социально-адаптивный	19 (27%) / 22 (30%)	43 (57 %) / 45 (61%)	12 (16%) / 7 (9%)
Деятельностно- эстетический	18 (25%) / 23 (32%)	42 (55 %) / 44 (60%)	14 (20%) / 7 (8%)
Деятельностно- этический	18 (24%) / 21 (28%)	42 (57 %) / 45 (61%)	14 (19%) / 8 (11%)
Интерес к участию в эксперименте (по данным реконструктивного и герменевтического методов)	<i>Расположенность:</i>	<i>Равнодушие:</i>	<i>Соппротивление:</i>
	47 (64%) / 50 (68%)	18 (25%) / 22 (29%)	9 (11%) / 2 (3%)

Общий сравнительный анализ данных исходной и результативной диагностики участников по уровням сформированности духовно-нравственного развития

Полученные данные нуждаются в статистической проверке. Математическая статистика предлагает ряд критериев, которые позволяют определить степень достоверности того или иного утверждения и на этом основании выстроить соответствующие вероятностные сценарии в сфере их практического применения. В настоящем случае речь идет о подтверждении (или же опровержении) того, насколько выдвинутая нами модель духовно-нравственного воспитания может рассматриваться как педагогически себя оправдывающая в работе с хоровыми коллективами. Наше предположение утверждает: «модель имеет свою воспитательную действенность», в то время как исходная позиция призвана быть научно скептической и поэтому утверждает обратное. Обладая некоторой «презумпцией», она трактуется как «нулевая гипотеза» (H_0). То, что ей противостоит, в статистике называется «альтернативной гипотезой» (H_1). Иными словами в настоящем случае «нулевая гипотеза» исходит из того, что «внедрение модели никак не влияет на конечный результат, и то, что фиксировалось до этого внедрения, идентично тому, что будет отмечено после него».

Противоположная ей «альтернативная гипотеза» утверждает обратное: «внедрение модели духовно-нравственного воспитания оказывает влияние на финальный результат». В ситуации такого условного рассогласования приходит на помощь статистический анализ.

Поскольку в настоящем исследовании речь идет о лонгитюдном эксперименте, принципиально важным представляется подбор необходимого критерия, который позволил бы установить связь между реализацией модели духовно-нравственного воспитания, с одной стороны, а также данными исходной и результативной диагностики, с другой. Длительное наблюдение за тем, что происходило «до» эксперимента, и зафиксировано «после» него, с одним и тем же составом участников, в статистике терминологически обозначается понятием «зависимой выборки». Критериев для работы с «зависимыми выборками» в статистической науке существует, как минимум, несколько. По результатам исходной диагностики было зафиксировано преобладание «среднего уровня». Из этого следует то, что в статистике обозначается понятием «нормального распределения». Исключение составляет то, что обозначено в таблицах и диаграммах как «данные реконструктивного и герменевтического методов», где явным образом присутствует непараметрическое распределение с преобладанием высокого уровня интереса участников к проведению эксперимента. Однако данный параметр не представляет интереса, служа некоторым дополнением к тому, что представлено семью критериями. С точки зрения проверки нашей «альтернативной гипотезы» наиболее уместным представляется так называемый «Т-критерий Стьюдента для зависимых (парных) выборок» [161, с. 168]. Формулируется он следующим образом:

$$t = \frac{|M_d|}{s_d/\sqrt{n}}$$

В отличие от «независимых выборок», при которых сравнение осуществляется между разными группами на текущий момент времени, в нашем случае, состав участников один и тот же, и поэтому все расчеты направлены на анализ различий между «до» и «после» проведения эксперимента (лонгитюд). Из этих различий (средняя разность значений, обозначенная как *Md* – *Mean difference*) выявляется

«стандартное отклонение» от средней величины (в формуле обозначается как Sd – *Standard deviation*), представляющее собой «квадратный корень дисперсии», который определяет общий «диапазон разброса» в этих отклонениях. Под n (*number*) подразумевается количество наблюдений, из чего также извлекается квадратный корень. $Sd / \text{квадратный корень } n = \text{«стандартная ошибка» } Se$ (*Standard error*). Анализ проводится по каждому конкретному участнику, и за основу берется различие между тем, что было «до», и тем, что отмечается «после». Эти различия затем должны быть суммированы между собой, что и является материалом для последующей обработки. Из самой представленной выше формулы видно, что знаменатель поделен, из чего следует *алгоритм*, в соответствии с которым первым необходимым действием является деление «стандартного отклонения» (Sd) на корень из числа наблюдений (\sqrt{n}), что в результате дает «стандартную ошибку» - ключевой компонент реализации данной формулы. Для выявления Sd также требуется произвести некоторые вычислительные действия: суммировать все квадраты различий SS (*Sum of Squares*) и поделить их на количество участников минус один ($n - 1$), в результате чего будет выявлена дисперсия (D). Извлечение из нее квадратного корня даст «стандартное отклонение» Sd .

Итак, алгоритм реализации формулы Т-критерия Стьюдента предполагает: 1) выявление числа Md = сумма всех различий, поделенное на количество элементов выборки (участников), что представлено в *числителе формулы*; 2) выявление «стандартного отклонения» Sd = сумма квадратов всех различий (SS), поделенное на количество элементов минус один (дисперсия D), из чего извлекается квадратный корень, что и представляет собой Sd ; 3) из количества элементов n извлекается квадратный корень (\sqrt{n}), и на полученное число делится Sd , в результате чего вычисляется «стандартная ошибка» Se , что и является *знаменателем формулы*; 4) на данное число делится «средняя арифметическая суммированных различий “до” и “после”» (Md). 5) Полученный результат проверяется по «таблице истинности», (см. Приложение), исходя из числа «степеней свободы», что в совокупности и определяет то, насколько «альтернативная гипотеза» оказывается «сильнее», нежели «нулевая», и может ли она вообще быть принята.

Расчеты проведены в отношении к каждому участнику (табл. 17). За основу определения истинности из таблицы взято стандартное значение $p=0.05$, пересекающееся со «степенями свободы» ($df - degree\ freedom$), равными «количеству участников минус один» ($df = n - 1$), что в нашем случае составляет 73. По результатам данного пересечения выявляется «точка критических значений» 1.9929971. Для упрощения воспользуемся первыми четырьмя цифрами 1.992, которые иллюстрируют местоположение «нулевой гипотезы» H_0 на числовой оси: все, что войдет в диапазон 1.992, является территорией нулевой гипотезы – все, что выходит за пределы этого значения, отклоняется от нее в сторону «альтернативной гипотезы» H_1 . Итак, приведем таблицу статистических расчетов по нашей выборке. В данной таблице задействована следующая расцветка: **низкий** – 0-4 баллов, **средний** – 5-8 баллов, **высокий** – 9-10 баллов. Столбцы представлены в двухрядном виде, что представляет собой парные отношения между «до» (левый ряд), и «после» (правый ряд).

Таблица № 17

Статистические расчеты результатов лонгитюдного эксперимента по Т-критерию Стьюдента для зависимых выборок

Участн.	Эст.	Этич.	Ценн.	Комм.	Соц-адапт.	Д-Эст.	Д-Эт.
1	3 5	3 4	2 3	3 4	3 4	3 4	2 3
2	4 5	3 4	2 4	3 4	3 4	3 4	3 4
3	7 8	7 8	6 8	9 10	9 10	8 10	8 8
4	7 8	6 8	6 8	7 8	7 8	7 8	6 8
5	6 8	6 8	6 8	7 8	7 8	7 8	6 8
6	8 8	6 8	6 8	7 8	7 8	6 8	6 8
7	4 5	7 8	6 7	6 8	6 8	4 6	3 6
8	5 7	7 8	5 7	6 8	6 8	6 8	5 7
9	7 8	9 10	9 9	7 8	7 8	9 10	9 10
10	7 8	9 10	9 10	8 8	7 8	8 9	6 8
11	7 8	9 10	9 10	9 10	9 10	9 10	9 10
12	9 10	10 10	9 10	10 10	9 10	10 10	9 10
13	9 10	10 10	9 10	9 10	8 9	8 9	8 9
14	10 10	10 10	9 10	10 10	9 10	10 10	10 10
15	9 10	9 10	9 10	8 9	9 9	9 10	9 10
16	9 10	9 10	9 10	8 10	9 9	9 9	9 10
17	9 10	9 10	9 10	9 10	9 9	9 10	9 10
18	5 7	6 8	6 8	6 8	7 8	6 8	5 8
19	5 7	7 8	5 8	5 7	6 8	5 7	5 7

20	5 8	8 8	6 8	6 8	7 8	5 8	5 8
21	9 10	8 10	9 9	9 10	9 10	9 10	9 10
22	6 8	6 8	6 8	5 8	6 8	5 8	5 8
23	3 6	4 4	2 3	3 3	3 3	3 4	2 4
24	6 8	6 8	6 8	7 8	9 9	7 8	6 8
25	6 8	6 8	6 8	6 8	6 8	6 8	5 7
26	5 7	6 8	6 7	6 8	7 8	5 8	5 7
27	9 10	7 9	6 9	9 10	7 8	6 8	5 8
28	3 6	4 6	3 6	3 6	3 4	3 4	2 4
29	6 8	6 8	7 8	6 8	6 8	6 8	5 8
30	5 8	6 8	6 7	5 8	6 7	5 8	5 7
31	10 10	9 10	9 10	7 8	9 10	9 10	9 10
32	5 7	5 8	5 8	5 7	4 7	4 7	3 5
33	2 4	4 7	2 3	3 4	3 4	3 4	2 4
34	6 8	4 7	4 7	3 6	4 6	4 7	3 4
35	5 8	5 8	7 8	6 8	6 8	6 8	5 8
36	5 7	5 7	6 8	5 8	5 7	5 8	5 7
37	10 10	9 10	9 10	9 10	9 10	9 10	9 10
38	6 8	6 8	6 8	6 8	6 8	6 8	5 8
39	7 8	4 7	3 7	6 8	5 8	4 6	3 6
40	9 10	7 8	6 7	9 10	9 10	9 10	9 10
41	9 10	5 7	7 8	9 10	6 8	7 8	7 8
42	2 4	3 4	2 3	3 4	3 4	3 4	2 3
43	8 10	4 7	3 6	9 10	8 9	7 8	7 8
44	9 10	9 10	7 9	8 8	9 10	8 10	7 9
45	7 8	8 10	7 10	9 10	8 8	8 8	8 10
46	9 10	9 10	8 10	9 10	9 10	9 10	9 10
47	9 10	9 10	7 8	9 10	9 10	9 10	9 10
48	7 9	6 8	6 8	7 8	7 8	6 8	6 8
49	7 9	6 8	6 8	7 8	7 8	6 8	6 8
50	5 7	5 8	3 7	4 7	4 6	4 7	3 6
51	6 8	6 8	7 8	6 8	7 8	7 8	6 8
52	9 10	10 10	9 10	9 10	8 8	10 10	9 10
53	6 8	6 8	6 7	6 8	7 8	7 8	6 8
54	5 8	5 7	5 7	5 7	6 8	6 8	5 8
55	6 8	5 8	6 8	6 7	6 7	6 8	5 7
56	6 8	6 8	5 7	7 8	6 7	5 7	6 7
57	10 10	10 10	9 10	10 10	10 10	10 10	10 10
58	5 7	5 8	5 7	5 8	6 8	6 7	5 7
59	7 9	6 8	6 8	6 8	6 8	6 8	5 8
60	9 10	9 10	9 10	10 10	9 10	9 10	9 10
61	9 10	9 10	9 9	9 10	8 10	9 10	9 10
62	5 7	6 8	3 7	4 7	4 7	4 7	3 7
63	7 9	5 8	6 8	7 8	9 9	7 8	6 8
64	8 10	7 10	6 8	9 10	8 8	8 10	7 8
65	9 10	9 10	9 10	9 10	9 10	9 10	9 10
66	6 8	6 8	5 7	5 7	6 7	6 7	5 7
67	5 7	5 7	6 7	5 8	6 8	6 8	5 8
68	5 8	6 8	6 8	6 8	6 8	6 8	6 8
69	6 8	6 8	5 7	6 8	5 8	5 8	5 8

70	6 8	6 8	5 8	5 8	5 8	5 8	5 8
71	5 7	6 7	5 7	5 7	5 7	5 7	5 7
72	5 8	5 8	5 7	6 8	6 8	5 8	5 7
73	5 8	3 4	4 5	4 7	4 4	4 4	3 4
74	5 7	4 7	4 7	4 7	4 6	4 7	3 7
p -0.05:							
1.992	7.714	7.904	7.772	7.6	7.470	7.428	7.869

Таблица № 18

Результаты расчетов базовых показателей Т-критерия

Критерии:	Число Md	Сумма квадратов SS	Дисперсия D	Станд. откл. Sd	Квадр.кор. из числа набл. \sqrt{n}	Станд. Ошибка Se	Т- значение
Эстетич.	1.62	243	3.32	1.82	8.6	0.21	7.714
Этич.	1.66	258	3.53	1.87	8.6	0.21	7.904
Ценност.	1.71	275	3.76	1.93	8.6	0.22	7.772
Коммуник.	1.52	229	3.13	1.76	8.6	0.20	7.6
Соц-адапт.	1.27	166	2.27	1.50	8.6	0.17	7.470
Деят-эст.	1.56	240	3.28	1.81	8.6	0.21	7.428
Деят-этич.	1.81	305	4.17	2.04	8.6	0.23	7.869

Как можно видеть из данных, полученных в результате статистического анализа, Т-значения проведенного эксперимента существенно превышают критическую точку расположения «нулевой гипотезы» (H_0), что дает основания принять «альтернативную гипотезу» (H_1), в соответствии с которой разработанная модель духовно-нравственного воспитания участников хоровых коллективов имеет свою педагогическую действенность.

Следует также представить характеристику общей картины, которая складывается, исходя из данных таблицы 17. Снижения показателей не наблюдается нигде. Наибольший интерес представляет вопрос, связанный с интенсивностью динамики в ходе проведения эксперимента. Из содержания самой таблицы можно вывести следующий диапазон этой интенсивности: от 0 (отсутствие каких-либо изменений) до 4 баллов (максимальное изменение). Существенно преобладает 1-2 балла. Различие в 3 балла также встречается

существенно реже. Все полученные результаты распределим по процентам, начав с анализа крайних границ, а именно – 0 изменений и изменений в 4 балла. При этом сразу исключим из списка участников с изначально заданным высоким уровнем, где анализ динамики не представляет интереса.

Итак, 0 изменений наблюдается в следующих позициях: *этический критерий* – 1 случай (балл «4 до – 4 после»), *коммуникативный* – 3 случая (2 «8 – 8» и 1 «3 – 3»), в *социально-адаптивном* – 5 случаев (1 «3 – 3», 1 «4 – 4», 3 «8 – 8»), в *деятельностно-эстетическом* – 2 случая (1 «4 – 4», 1 «8 – 8»), в *деятельностно-этическом* – 1 случай («8 – 8»). Из 518 позиций ($74 \cdot 7 = 518$) лишь в 12 случаях (2.3%) не фиксируется никаких изменений (если из этого числа исключить изначальный высокий показатель, что в общей сложности вместе с 12 составляет 43). Наибольшей ригидностью отличается социально-адаптивный план (5 случаев) и несколько меньше – коммуникативный (3 случая). Изменения в 4 балла фиксируются в двух критериях: *ценностном* – 3 случая («3 – 7») и в *деятельностно-этическом* – 2 случая («3 – 7») = 5 (0.96%). Таким образом, наибольшей интенсивностью развития характеризуется примерно 1% экспериментальных ситуаций.

Различие в 3 балла фиксируется во всех критериях: нижняя граница представлена в социально-адаптивном критерии (5 случаев), а верхняя в деятельностно-этическом критерии (15 случаев). Общая сумма ситуаций, связанных с изменениями на 3 балла, – 76 (14.6 %). Изменение на 2 балла зафиксировано в 188 случаях (36.2 %). Нижняя граница представлена в социально-адаптивном критерии (21 случай), верхняя – в эстетическом (35). Во всех изменениях по степени их интенсивности лидирует 1 балл – 206 случаев (39.7 %): нижняя граница – этический критерий (24), верхняя граница – социально-адаптивный критерий (37). Таким образом, распределение изменений можно представить в следующем виде: без изменений 0 баллов – 8.3% (включая высокий уровень), на 1 балл – 39.7%, на 2 балла – 36.2%, на 3 балла – 14.6%, на 4 балла – ок. 1%.

Выводы по главе 2

Практическая часть настоящего исследования включила в себя описание базы проведения эксперимента, исходную диагностику состава участников, формирующий этап в виде внедрения разработанной модели, а также анализ динамики, наблюдаемой в ходе реализации процесса духовно-нравственного воспитания, и контрольную диагностику. Состав участников был сформирован в количестве 74 человек из трех хоровых коллективов – двух церковных (60 человек) и одного светского учебного (14 человек). Из церковного сегмента также выделен профессиональный состав (35 человек) и любительский (25 человек). Перед нами открывается важная с точки зрения педагогических тактик и стратегий категориальная экспозиция в виде двух коррелирующих пар: «церковное – светское», «профессиональное – любительское». Данная антиномия позволяет на основе диагностики и апробации выработать соответствующий теоретико-методологический инструментарий реализации эксперимента, как на этапе исходной диагностики и формирования, так и в его контрольной фазе. Набор процедур представлен в виде наблюдения, опросника, анкетирования, тестирования, интервью, ведения протокола, бесед с участниками и дискуссий, а также рефлексивного анализа, как в процессе эксперимента, так и на его завершающей стадии.

На констатирующем этапе автором был разработан опросник как один из основных диагностических инструментов, включающих в себя ряд критериальных позиций. По материалам ответов, полученных от респондентов, был проведен также их *реконструктивный и герменевтический анализ*, что представляет собой сугубо *авторскую методологическую инициативу*. Ценность *реконструктивного метода* состоит в том, что он позволяет воссоздать исследуемый объект на основе каких-либо известных об этом объекте фрагментарных данных и их согласованности между собой, а также восстановить недостающие звенья в цели построения общей картины относительно того, что исследуется. *Герменевтический метод* открывает доступ к проникновению в

глубинные структуры текста и его автора. В нашем случае таким текстом является опросник, хотя сам метод имеет гораздо бОльшие границы своего применения.

Таким образом, на констатирующем этапе имеется три фазы его реализации: опросно-аналитическая, реконструктивная и герменевтическая. Критериальный аппарат выстроен по семи позициям: 1) эстетика, 2) этика, 3) аксиология, 4) коммуникация, 5) социальная адаптивность, 6) эстетическая активность, 7) этическая деятельность. Три первых представляют собой устойчивый план личности (инвариант), четыре последних – подвижный план (вариативность). Восьмой позицией выступают данные реконструктивного и герменевтического анализа, которые нами рассматриваются как «интерес к участию в эксперименте», характеризующий общий фон отношения респондента к данному мероприятию. Схема проведения анализа складывается из двух позиций: «критерий» и «уровень», выступая в трех градуальностях – «высокий уровень», «средний», «низкий». Каждый из уровней подробно описан и представлен в виде таблицы. В конце параграфа 2.1 нами представлены несколько таблиц и диаграмм по каждой группе, а также общий результат исходной диагностики по всем группам в целом.

Параграф 2.2 посвящен обзору формирующего этапа эксперимента с внедрением той модели, которая была разработана и изложена в параграфе 1.3. Данный этап включил в себя мотивационную и трансформационно-содержательную фазы. В мотивационном сегменте представлен набор мотивов, позволяющий привлечь участников к проведению самого эксперимента, а также к их когнитивному саморазвитию и самореализации в исполнительской деятельности. Трансформационно-содержательный этап формирующей части был реализован в виде несколько обширных тематических блоков: *эстетико-теоретический, исторический и рефлексивный*. Через все пространство формирующего этапа прошла проблематика духовной нравственности и ее таких фундаментальных качеств, как «личностность», «открытость», «устремленность», что было выявлено нами в рамках написания параграфов 1.1 и 1.2. Достижение этих качеств в рамках реализации формирующей фазы нами интерпретируется как *цель* духовно-нравственного воспитания. В качестве *средств* выступают темы

лекций и мастер-классов (в количестве 11), а также (в меньшей степени) совместное хоровое исполнительство.

На формирующем этапе активно задействовался весь заявленный нами в параграфе 1.3 методологический инструментарий, включая метод проблемного изложения, репродуктивный метод, объяснительно-иллюстративный, метод убеждения, оценки и самооценки, эмпатии. На последнем сделан особенный акцент. Реализация эстетико-теоретического блока вопросов, в рамках которого частично были затронуты также проблемы этики и ценностей, сопровождалась моделированием ситуаций в качестве иллюстративов, раскрывающих основную смысловую интенцию данного тематического раздела. При реализации исторического блока участникам в качестве экспозиции и материала для совместного исполнительства был представлен ряд аудио- и видеоматериалов, нотных текстов, иллюстраций и соответствующих художественно-эстетических заданий. Рефлексивный тематический раздел был направлен на осмысление когерентной связи между этикой и эстетикой, ценностным внутренним содержанием и внешней формой его выражения во всей совокупности затронутых нами аспектов.

В конце параграфа 2.2. представлено несколько таблиц, иллюстрирующих содержание моделируемых педагогических ситуаций по соответствующим тематическим разделам, а также методологический состав проведения лекций, мастер-классов, анализ участия в совместном хоровом исполнительстве с точки зрения методологии. Аналитика проведена по трем позициям, отражающим «принципы», «подходы» и «методы». Завершается параграф 2.2 таблицей, которая содержит список тем, их детальный обзор и продолжительность реализации формирующего этапа по каждому тематическому разделу.

Заключительный параграф 2.3 содержит анализ динамики сформированности уровней духовно-нравственного воспитания участников эксперимента и выработку рекомендаций по повышению эффективности воспитательного процесса, реализуемого средствами церковно-певческой культуры. Нами проведен сравнительный анализ по каждой отдельно взятой

экспериментальной группе, а также в конце представлен общий результат. Сам анализ проводился с помощью вышеперечисленных процедур. Основным принцип его проведения состоял в пересечении критериев с тематическими разделами, по каждому из которых анализировался конкретный критерий и определялся соответствующий ему уровень. Каждый раздел, содержащий описание динамики сформированности уровней духовно-нравственного развития той или иной группы, завершается разработкой рекомендаций, а также таблицей и диаграммой, которая отражает количественные показатели по конкретной группе.

Заключительный раздел параграфа 2.3 обогащается статистическим анализом всех сравнительных данных с подробным описанием алгоритма применения соответствующего критерия расчетов и таблицами, которые иллюстрируют полученные результаты. Проведенный статистический анализ позволяет констатировать существенное превышение показателей «альтернативной гипотезы» (H1) в отношении к «точке критических значений», очерчивающих верхнюю границу «нулевой гипотезы» (H0), из чего следует вывод о высокой степени достоверности оценки эффективности разработанной нами модели духовно-нравственного воспитания участников хоровых коллективов средствами церковно-певческой культуры.

Основная тенденция, которая отчетливо прослеживается в данных контрольной диагностики, состоит в движении в сторону повышения уровня, хотя и не без элементов некоторого колебания на начальной фазе формирующего этапа. В ряде случаев низкий показатель был полностью устранен. Во всех группах преобладает средний показатель, как на начальной, так и на финальной стадии эксперимента. Однако высокий показатель имеет значительное количественное возрастание, что отчетливо фиксируется на контрольной фазе.

Каждая из трех групп объединена общими художественно-эстетическими и исполнительскими задачами, но также имеет свою отличную от других групп специфику. Данный исследовательский посыл лежит в основании сравнительного анализа, позволяющего выявить то, что между группами представляется общим, а что их кардинально друг от друга отличает. Эта область вопросов приобретает

свою особенную релевантность в области поиска педагогических стратегий и разработки соответствующих этому рекомендаций. На передовые рубежи исследовательской повестки в этом секторе можно поместить задачи, связанные с когнитивной и аксиологической работой сознания исполнителя, а также компетентностный план его творческой деятельности. Направленность педагогической работы задается поиском баланса этих составляющих в зависимости от специфики конкретной аудитории.

Заключение

На основании изучения научной – философской, педагогической, психологической, музыковедческой литературы и продолжительной практической работы с хоровыми коллективами автор пришел к выводу о том, что проблематика духовно-нравственного воспитания средствами церковно-певческой культуры имеет многогранный характер. Включая в себя этические и ценностно-мировоззренческие интенции, оно имеет свой внешний эстетический коррелят, репродуцирующий себя в искусстве и творчестве. Преимущества церковно-певческой культуры с точки зрения такой корреляции состоит в том, что на своем институциональном уровне Церковь аккумулировала многовековой опыт эстетической передачи духовно-нравственных ценностей, сосредоточив в своих руках весь необходимый для этого художественный ресурс.

Отметим, что сам феномен духовной нравственности не может быть сведен к тому или иному институту, и факт принадлежности к нему никак не гарантирует наличия этого феномена. Сущность духовной нравственности имеет фундаментальные онтологические основания, далеко выходящие за рамки того или иного института, будучи универсальным феноменом человеческой жизни. Исходя из этих посылок, еще раз кратко опишем содержание настоящего диссертационного исследования. Глава I содержит подробный теоретический анализ данных вопросов. В особенности, этому был посвящен параграф 1.1, где изложены концептуальные основы духовной нравственности, а также их социальное и воспитательное значение.

Автор обратился к анализу данного понятия, разведя его на два сегмента, которые в нем содержатся, – «духовность» и «нравственность». В качестве субстантива выступает понятие «нравственность», что и послужило точкой старта в проведении теоретического анализа, включившего в себя два уровня – *семантико-этимологический* и *историко-философский*. Вступительная часть содержит обзор различных дефиниций, представленных в словарной литературе. На базе имеющихся этимологических материалов была произведена семантическая реконструкция понятия «нрав», представляющего собой корень

существительного «нравственность». Автор выдвинул предположение, в соответствии с которым термин «нрав» употреблялся в германо-балто-славянском языковом ареале в значении «соединительного инструмента». Речь идет о тех «обычаях» (а в большинстве случаев «нрав» переводится именно так), которые «соединяют» людей, объединяя их между собой в единую социальную общность. Под «нравом» понимается совокупность тех «обычаев», которые распространены в данной среде, являясь общепринятыми. Был проведен анализ семантической эволюции данного понятия, которое стало употребляться не только с точки зрения его как социального атрибута, но и в качестве средства обозначения особенностей конкретного индивидуума.

Краткий историко-философский экскурс в область эволюции этических концепций подвел к выводу о том, что пространство понимания нравственности чрезвычайно обширно и порой доходит до принципиальных противоречий. В одних случаях нравственность интерпретируется как «область согласия» (отсутствие вражды), в других – как «территория невмешательства и безразличия» (бесстрастность и скепсис), в третьих – как «территория вражды» (например, способность отстаивать правду). И ни к одному из этих трех интерпретаций феномен нравственности несводим, что говорит об условности каких-либо дефиниций.

Именно это обстоятельство обращает нас ко второй составляющей – к понятию «духовности», понимаемому как свойство жизни и «дыхания», что принципиально отличает духовную нравственность от нравственности в ее обычном восприятии. Автором также предложен этимологический анализ данного понятия. Из концепта духовной нравственности дедуцируются такие важнейшие ее качества, как «личностность», «открытость» и устремленность». Социальное и воспитательное значение воспроизводит идею фундаментального «со-присутствия» людей друг другу. И поэтому педагог, транслируя ученику социокультурный и общечеловеческий опыт, реализует свой воспитательный потенциал в парадигмах взаимного диалога.

Этот концептуальный посыл лег в основание параграфа 1.2, посвященного «сущностным характеристикам процесса духовно-нравственного воспитания участников хоровых коллективов средствами церковно-певческой культуры». Фундаментальные качества духовной нравственности в воспитательном процессе репродуцируют себя в виде таких трех его параллелей, как *обращение к личности участника, отказ от стремления обладать им и направление его сознания к целям высокого порядка*. В составе духовно-нравственного воспитания средствами церковно-певческой культуры нами выявлено семь сущностных характеристик, отвечающих 1. этике, 2. эстетике, 3. ценностям, 4. когнитивности, 5. вокально-хоровым компетенциям, 6. коммуникации, 7. *принципу стадийности и последовательности*.

Автор предложил собственное определение духовно-нравственного воспитания средствами церковно-певческой культуры, которое выглядит в следующем виде: «Духовно-нравственное воспитание средствами церковно-певческой культуры представляет собой систему организованных мер, реализуемых с помощью хорового богослужебно-певческого репертуара и направленных на формирование ценностно-мировоззренческой позиции участника с соответствующим ей этико-эстетическим рядом, который основан на таких фундаментальных качествах духовной нравственности, как “личностность”, “открытость познанию мироздания” и “устремление к высшим основаниям бытия”».

В параграфе 1.3 представлена теоретическая модель духовно-нравственного воспитания участников хоровых коллективов средствами церковно-певческой культуры. Модель включает в себя следующие блоки: *целевой, теоретико-методологический, организационно-содержательный, критериально-диагностический, результативный и рефлексивный*. Целевой блок направлен на формирование мотивации, достижение творческой эмпатии, выработку ценностно-мировоззренческого ряда, повышение уровня компетенций, а также осознание неразрывной связи личности хорового исполнителя с нормами духовно-нравственной жизни.

Принципы, подходы и методы представили методологический блок. Основная интенция в подборе его компонентов центрируется вокруг проблем когнитивности, компетентности, проблематики ценностей, антропологии, системы и организации самого процесса духовно-нравственного воспитания. Проблематизация, иллюстративность, дискуссионность и диалогичность, последовательность в подаче материала, эмпатирование участников друг к другу – основной концептуальный вектор формирования теоретико-методологической составляющей настоящей экспериментальной работы.

Организационно-содержательный блок включил в себя *этапы, формы и средства* проведения эксперимента. К разработке этапов автор подошел с точки зрения общепринятой классической парадигмы, предполагающей последовательность в виде трех фаз: *констатирующей (исходно-диагностической), формирующей и контрольной (результативной)*. Формирующая фаза, в свою очередь, также организована в два этапа – *мотивационный и трансформационно-содержательный*. Функциональность исходно-диагностического этапа предполагает следующие экспериментально-исследовательские значения: *оценочное, конструктивно-проектировочное, коммуникативное и организаторское*.

Мотивационный состав формирующего этапа эксперимента складывается из пяти компонентов: мотив *аффилиации, достижения, избегания, «гигиены» (приятного времяпрепровождения), самореализации*. Трансформационно-содержательный этап включил в себя цикл мероприятий в виде *лекций-бесед, мастер-классов и совместного хорового исполнительства*, что представляет собой *форму* реализации организационно-содержательного блока. Нотные печатные материалы, экспозиция аудио- и видеозаписей, опросники и прочие необходимые с точки зрения организации производные составили то, под чем подразумеваются *средства* проведения эксперимента.

Критериально-диагностический компонент включил в себя критерии и соответствующие уровни, которые также имеют подробное описание. Сам критериальный ряд сформирован на основе фундаментальной когерентной связи

между внутренним и внешним, формой и содержанием, исходя из чего выводится следующий их состав: 1. этический, 2. эстетический, 3. ценностный, 4. коммуникативный, 5. социально-адаптивный, 6. деятельностно-эстетический, 7. деятельностно-этический критерии. Также в диагностический регистр нами помещен герменевтический и реконструктивный анализ общей расположенности участника к эксперименту (пар. 2.1). Результативный этап представляет собой анализ динамики и итоговый контроль полученных результатов с выработкой соответствующих рекомендаций. Основные гносеологические функции разработанной модели направлены на *прогностику, объяснение и интерпретацию* полученных данных. Рефлексивный блок иллюстрирует взаимосвязь всех вышеперечисленных блоков.

Параграф 2.1 содержит описание базы проведения эксперимента и исходную диагностику, представляющую собой констатирующий этап. Состав участников сформирован из трех групп в количестве 74. В качестве основного диагностического инструмента на данном этапе выступает процедура наблюдения, ведения протокола и опросник. Констатирующая фаза осуществлялась в три этапа: *опросно-аналитический, реконструктивный и герменевтический*. Анализ производился по семи критериям и трем уровням: «высокий», «средний», «низкий».

Внедрение модели (пар. 2.2) осуществлялось циклом мероприятий в виде лекций-бесед, мастер-классов и совместного хорового исполнительства. Основная траектория реализации формирующего этапа была направлена на развитие *когнитивной, ценностной и практически-исполнительской сторон*, что в совокупности отвечает таким ключевым позициям настоящего исследования, как «эстетика», «этика», «ценности», «коммуникация», «социальная адаптивность», «деятельностно-эстетический» и «деятельностно-этический» планы. В параграфе представлены три обширных тематических цикла с темами в количестве 11: *эстетико-теоретический, исторический и рефлексивный*. Был задействован весь заявленный в модели методологический инструментарий. В виде таблиц представлено основное содержание моделируемых педагогических ситуаций,

распределенное по тематическим разделам, а также методологический состав проведения мастер-классов, лекций-бесед и анализ совместного хорового исполнительства. Также каждая отдельно взятая тема имеет в данном параграфе детальное описание, представленное в соответствующей таблице.

Параграф 2.3 содержит описание анализа динамики процесса духовно-нравственного воспитания, диагностику трансформации участников в ходе проведения эксперимента и итоговые данные, полученные диагностическим путем. Из этих данных можно с уверенностью констатировать изменение показателей в сторону повышения уровня их проявленности. В ряде позиций это изменение существенно. Такой результат дает основания утверждать, что поставленные цели в рамках настоящего эксперимента достигнуты и задачи решены. Кроме этого, учитывая специфику трех групп, каждая из которых имеет значительное от двух других качественное отличие, становится уместным вести речь об *универсальности применения* той модели духовно-нравственного воспитания участников хоровых коллективов, которая нами разработана и внедрена.

Завершается настоящее исследование рекомендательным блоком по каждой отдельно взятой группе (частный вариативный план) и в рамках общего результативного анализа (общий инвариантный план), что в своей совокупности позволяет говорить о различиях между группами, а также сходствах между ними. Основной концептуальный вектор в разработке рекомендаций состоит в отчетливой артикуляции безусловной ценности *когнитивного, компетентностного, этико-эстетического и аксиологического развития личности* участника, что представляет общий универсальный план. Вариативность определяется спецификой конкретного коллектива, которая выявляется с помощью двух коррелирующих пар понятий: «церковное – светское», «любительское – профессиональное». Заключительная часть параграфа 2.3 обогащена статистическими анализом полученных результатов, из чего следует достоверность вывода об эффективности разработанной в рамках настоящего исследования модели духовно-нравственного воспитания.

В заключении отметим всю многогранность проблем, связанных с духовно-нравственным воспитанием участников хоровых коллективов. И церковно-певческая культура отнюдь не является единственно возможным средством, которое в этом случае могло бы быть задействовано. Современная жизнь, характеризующаяся тенденциями к атомизации, расслоению, закрытости людей друг к другу, а также стремлением обладать максимально большим количеством вещей, создает серьезную и довольно заметную угрозу девальвации общечеловеческих ценностей. В значительной своей массе человек современности – это «человек потребления». В результате таких тенденций формируются кризис одномерности человеческого существования, измеряемого лишь фактором обладания.

В интерактивно-коммуникативном пространстве наблюдается отсутствие многогранности, нравственной и эстетической наполненности, что и дало основания в рамках настоящего эксперимента на коммуникации сделать особенный акцент. Сознание современного человека склонно отключаться от реальности, все чаще прибегая к ее заменителям. Теряя с ней подлинный контакт, искажая картину действительности, человек оказывается, как минимум, «безоружным» по отношению к ней. Лишь такие фундаментальные качества духовной нравственности, как «личностность», «открытость» к познанию окружающего мира, а не к стремлению лишь обладать им, «устремленность» к онтологическим основаниям бытия позволяет преодолеть этот образовавшийся «разлом сознания».

И основная цель духовно-нравственной педагогики в современной жизни обращена к глобальным проблемам человеческого существования. «Модусу обладания» противолежит «модус бытия» - тот ключевой тезис, который красной нитью проходит через все пространство духовной нравственности и является на сегодняшний день наиболее актуальным. Тот арсенал воспитательных средств, который сосредотачивает в себе церковно-певческая культура, обладает безусловной ценностью в обретении духовно-нравственных устоев человеческой жизни. И не будет никаких преувеличений в утверждении о том, что данная

область исследований на сегодняшний день представляет собой проблему XXI века.

В заключении предложим **наиболее общие выводы:**

1. церковно-певческая культура обладает тем педагогическим потенциалом, который обеспечивает средствами трансляции норм духовно-нравственного сознания в их эстетическом выражении. С этой точки зрения церковно-певческая культура является универсальной и способна применяться как в работе с учебными и профессионально состоявшимися хоровыми коллективами разной направленности и уровней подготовки, так и с представителями различных возрастных групп. Эстетический инструментарий церковного пения также обладает универсальной широтой своего охвата, включая в себя соответствующий запросам исполнителя и слушателя эмоциональный, интеллектуальный и личностно-характерологический ряд. В соответствии с выдвинутыми нами в пар.

1.1. теоретическими основаниями, сформулированы концептуальные основы духовной нравственности, их социальное и воспитательное значение, а также раскрыты сущностные характеристики процесса духовно-нравственного воспитания участников хоровых коллективов посредством освоения церковно-певческой культуры и ее исполнительского воспроизведения;

2. принцип фундаментальной коррелятивной взаимосвязи этики и эстетики позволяет сделать вывод о том, что церковно-певческая культура с помощью внешних средств своей выразительности способна не только восприниматься как реликт чего-то эстетически возвышенного и связанного с отдаленным прошлым. Церковное пение способно воспроизводить тот мировоззренческий дискурс, который оказывает на реципиента и хорового исполнителя духовно-нравственное влияние, поскольку, как минимум, содержит в себе соответствующую этому область поведенческих предрасположений, что само по себе уже имеет выраженный воспитательный контекст;

3. художественная универсальность церковного пения, реализуя себя вариативно, сохраняет, тем не менее, свою педагогически значимую фундаментальную эстетическую основу, позволяющую хоровому педагогу, с

одной стороны, преодолевать противоречия между традицией и современностью, свободой и необходимостью, сакральным и светским, а с другой – сохранять личностную самоидентичность участников хорового исполнительства в сфере духовно-нравственного развития;

4. Разработанная автором теоретическая модель духовно-нравственного воспитания участников хоровых коллективов средствами церковно-певческой культуры, а также входящий в ее состав критериальный оценочный аппарат позволяет проводить анализ духовно-нравственной сформированности участников учебного и профессионально-исполнительского процесса в составе хоровых коллективов, искать оптимальные решения в области педагогических тактик и стратегий. Руководители хоровых коллективов приобретают дополнительные диагностические возможности в этом секторе, что способствует обогащению их профессионального потенциала;

5. анализ динамики опытно-экспериментальной работы, а также данные контрольно-результативной диагностики, как и основанная на этом рекомендательная часть, позволяют утверждать, что с помощью реализации предложенной модели расширяются границы педагогической интерактивности между всеми участниками процесса духовно-нравственного воспитания. В условиях применения данной модели и соответствующих ей рекомендаций процесс приобщения исполнителей и слушателей к основам духовной нравственности приобретает свою наибольшую эффективность.

Список литературы

1. *Абрамов, С. И.* Духовно-нравственное воспитание школьников в системе дополнительного образования в условиях малого города: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук / С. И. Абрамов. – М., 2010. – 19 с.
2. *Адамова, А. Г.* Духовно-нравственное воспитание младших школьников во внеучебной деятельности на основе системного подхода: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук / А. Г. Адамова. – М., 2008. – 24 с.
3. *Адорно, Т.* Философия новой музыки / Т. Адорно / пер. с нем. Б. Скуратова. – М.: Издательство «Логос», 2001. – 352 с.
4. *Аверинцев, С. С.* Попытки объясниться: Беседы о культуре / С. С. Аверинцев. – М.: Правда, 1988. – 45 с.
5. *Алимская, Л. Ф.* Формирование готовности студентов к музыкально-педагогическому общению: дисс. канд. пед. наук: 13.00.01 / Л. Ф. Алимская. – Саратов, 2001. – 234 с.
6. *Аллеманов, Д. В.* Курс истории русского церковного пения: Ч. 1 / Д. В. Аллеманов. – М.: тип. Юргенсона. – 22 с.
7. *Артемов, С. В.* Проблема духовно-нравственного воспитания в трудах отечественных ученых середины XIX - первой половины XX вв.: диссертация ... кандидата педагогических наук / С. В. Артемов. – Рязань, 2010. – 164 с.
8. *Асафьев, Б. В.* Русская музыка. XIX и начало XX века / Б. В. Асафьев. – Л.: Музыка, 1979. – 341 с.
9. *Асмус, В. Ф.* Античная философия / В. Ф. Асмус. – М.: Высшая школа, 1976. – 544 с.
10. *Асмус, В. Ф.* Немецкая эстетика 18 века / В. Ф. Асмус. – М.: УРСС, 2004. – 310 с.
11. *Афанасьев, В. В.* Диагностика когнитивных стилей деятельности / В. В. Афанасьев // Педагогическая диагностика. – 2008. – № 1. С. 84-91.

12. *Бабанский, Ю. К.* Методы обучения в современной общеобразовательной школе / Ю. К. Бабанский. – М.: Просвещение, 1985. – 208 с.
13. *Бабанский, Ю. К.* Педагогика: учеб. пособие для пед. ин-тов / Ю. К. Бабанский, Т. А. Ильина, Н. А. Сорокин и др. / под ред. Ю. К. Бабанского. – М.: Просвещение, 1983. – 608 с.
14. *Батароев, К. Б.* Аналогии и модели в познании / К. Б. Батароев. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние. 1981. – 319 с.
15. *Бахтин, М. М.*, Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
16. *Беловол, Е. В.* Когнитивные стили: функциональный подход / Е. В. Беловол // Вестник РУДН: Серия Психология и педагогика. – 2007. – № 3-4. – С. 20-30.
17. *Бенин, В. Л.* Развитие творческих способностей учащихся на уроках мировой художественной культуры. – М.: Издательство «ФЛИНТА», 2016. – 146 с.
18. *Бергер, П.* Социальное конституирование реальности / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: «Медиум». – 323 с.
19. *Битянова, М. Р.* Социальная психология. Наука, практика и образ мыслей / М. Р. Битянова. – М.: ЭКСМО-пресс, 2001. – 576 с.
20. *Богданов, А. А.* Тектология: в 2-х книгах, кн. 1 / А. А. Богданов. – М.: Экономика, 1989. – 304 с.
21. *Бодалёв, А. А.* Вершина в развитии взрослого человека: характеристики и условия достижения / А. А. Бодалёв. – М.: Флинта: Наука, 1998. – 168 с.
Режим доступа – https://www.phantastike.com/success/how_to_become_great/html/.
22. *Бодрийяр, Ж.* Общество потребления / Ж. Бодрийяр / пер. с франц. Е. А. Самарской. – М.: АСТ, 2020. – 320 с.
23. *Бодрийяр, Ж.* Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр / пер. с франц. А. Качалова. – М.: ПОСТУМ, 2016. – 240 с.

24. *Божович, Л. И.* Личность и ее формирование в детском возрасте / Л. И. Божович. – М.: Просвещение, 1968. – 464 с.
25. *Большая Советская Энциклопедия*, т. 16, издание 3-е. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1974. – 616 с.
26. *Большая Советская Энциклопедия*, т. 18, издание 3-е. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1974. – 632 с.
27. *Бондс, М. Э.* Абсолютная музыка: история идеи / М. Э. Бондс; пер. с англ. А. Рондарева. – М.: Изд. дом Дело, 2020. – 469 с.
28. *Боровских, А. В.* Деятельностные принципы в педагогике и педагогическая логика / А. В. Боровских, Н. Х. Розов. – М.: МАКС пресс, 2010. – 80 с.
29. *Боэций, Северин.* Основы музыки / Северин Боэций; подгот. текста, пер. и комментарий С. Н. Лебедева. – М.: Московская консерватория, 2012. – 406 с.
30. *Бражников, М. В.* Благовещенский кондакарь / М. В. Бражников / вступительная статья, примечания, подбор иллюстраций Н. С. Серегиной. — СПб.: ИД «Петрополис», 2015. – 420 с.
31. *Булгаков, В. Д.* Русская хоровая педагогика конца XIX – первой половины XX столетия: Учеб. пособие для вузов культуры и искусств / В. Д. Булгаков. – Казань: Гран Дан, 2001. – 71 с.
32. *Бурдьё, П.* Социология социального пространства / П. Бурдьё / пер. с франц. Н. А. Шматко. – М.: «Алетейя», СПб., 2007. – 288 с.
33. *Буррио, Н.* Реляционная эстетика. Постпродукция (сборник) / Н. Буррио. – М.: «Ад Маргинем Пресс», 1998. – 111 с.
34. *Важеркина, И. В.* Философско-педагогические идеи Игнатия Брянчанинова в контексте современных проблем духовно-нравственного воспитания: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук / И. В. Важеркина. – Рязань, 2010. – 20 с.

35. *Вахрушев, А. В.* Основы хоровой педагогики: Учеб. пособие для студентов-заочников дириж.-хорового отделения / А. В. Вахрушев / под общ. ред. проф. Б. В. Баранова. – М.: МГУКИ, 1997. – 166 с.
36. *Введение в германскую филологию:* Учебник для филологических факультетов / Арсеньева М. Г., Балашова С. П., Берков В. П., Соловьева Л. Н. – М.: ГИС, 2000. – 314 с.
37. *Вебер, М.* Избранное. Образ общества / М. Вебер. – М.: «Юрист», 1994. – 704 с.
38. *Видов, С. В.* Философско-педагогические идеи святителя Тихона Задонского в контексте современных проблем духовно-нравственного воспитания: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук / С. В. Видов. – Рязань, 2006. – 20 с.
39. *Виндельбанд, В.* Прелюдии: философские статьи и речи / В. Виндельбанд / пер. с нем. С. Франка. – Москва: Гиперборея: Кучково поле, 2007. – 400 с.
40. *Войтов, А. Г.* Учебная наглядность / А. Г. Войтов. – М.: Дашков и Ко, 2007. – 238 с.
41. *Воронова, О. А.* Организация и содержание духовно-нравственного воспитания младшего школьника: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук / О. А. Воронова. – Иркутск, 2006. – 21 с.
42. *Вундт, В.* Психология народов. – М.: изд-во Эксмо; СПб: Terra Fantastica, 2002. – 864 с.
43. *Выготский, Л. С.* Мышление и речь / Л.С. Выготский. – М., «АСТ МОСКВА», 2008. – 668 с.
44. *Выготский, Л. С.* Собрание сочинений в 6-ти томах, т. 4. Детская психология / под ред. Д. Б. Эльконина. – М.: Педагогика, 1984. – 432 с.
45. *Гавлюковская, А. В.* Обучение церковному пению как фактор развития духовно-нравственной и художественно-эстетической культуры / А. В. Гавлюковская // Молодой ученый. – 2010. – № 8 (19). – Т. 2. – С. 210-213.

46. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: Основы филос. Герменевтики / Х.-Г. Гадамер / пер. с нем./ общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
47. Ганслик, Э. О музыкально-прекрасном: опыт переосмысления музыкальной эстетики / Э. Ганслик / пер. с нем. и предисл. Г. А. Лароша. – М.: URSS, 2011. – 181 с.
48. Гарднер, И. А. Богослужбное пение Русской Православной Церкви, т. 1 / И. А. Гарднер. – М., ПСТБИ, 2004. – 495 с.
49. Гарднер, И. А. Богослужбное пение Русской Православной Церкви, т. 2 / И. А. Гарднер. – М., ПСТБИ, 2004. – 527 с.
50. Гарфинкель, Г. Исследования по этнометодологии / Г. Гарфинкель. – СПб.: Питер, 2007. – 335 с.
51. Гатилова, Н. Н. Духовно-нравственное воспитание человека в трудах святителя Игнатия Брянчанинова: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук / Н. Н. Гатилова. – Курск, 2006. – 27 с.
52. Гегель, Г. В. Сочинения в 14 томах, т. 7 / Г. В. Гегель. – М., Л.: 1934. – 380 с.
53. Гегель, Г. В. Эстетика в 4-х томах, т. 1. / Г. В. Гегель. – М.: Искусство, 1968. – 312 с.
54. Герасимова-Персидская, Н. А. Партесный концерт в истории музыкальной культуры / Н. Герасимова-Персидская. – М.: Музыка, 1983. – 288 с.
55. Гербарт, И. Ф. Психология / И. Ф. Гербарт / предисл. В. Куренного. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2007. – 288 с.
56. Герцман, Е. В. Византийское музыкознание / Е. В. Герцман. – Л.: Музыка, 1988. – 256 с.
57. Гесиод. Полное собрание текстов / вступ. ст. В. Н. Ярмо / Гесиод. – М.: Лабиринт, 2001. – 256 с.
58. Гетьман, В. В. Воспитание духовно-нравственных качеств личности учащегося-музыканта в процессе освоения творчества Д. Д. Шостаковича:

- Педагогический аспект: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук / В. В. Гетьман. – М., 1999. – 25 с.
59. Глинский Б. А. Моделирование и когнитивные репрезентации / Б. А. Глинский. – М. 2000. – 147 с.
60. Глинский, Б. А. Моделирование как метод научного исследования: (Гносеол. анализ) / Б. А. Глинский, Б. С. Грязнов, Б. С. Дынин, Е. П. Никитин. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1965. – 248 с.
61. Гофман, И. Представление себя другим в социальной жизни / И. Гофман; пер. с англ. А. Д. Ковалева. – М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2000. – 304 с.
62. Грибкова, О. В. Творческое общение в исполнительской деятельности дирижера-хормейстера / О. В. Грибкова. – Москва : АС-Траст, 2008. – 187 с.
63. Грибкова, О. В. Теория и практика формирования профессиональной культуры педагога-музыканта : специальность 13.00.02 "Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)" : диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук / О. В. Грибкова. – Москва, 2010. – 367 с.
64. Грибкова, О. В. Хоровой класс и практическая работа с хором : учебно-методическое пособие (переработанное и дополненное) / О. В. Грибкова. – Москва : АС-Траст, 2008. – 178 с.
65. Грибкова О. В. Формирование готовности современного учителя к инновационной деятельности в музыкально-образовательном пространстве//Педагогический научный журнал. 2022. № 4. С. 61-68.
66. Гуманизм и психология в педагогике. Соединение веры и знания (по трудам В. Зеньковского). – М.: Амрита-Русь, ИЛ Шалвы Амонашвили, 2020. – 272 с.
67. Гусакова, В. О. Педагогический потенциал традиций православной культуры в духовно-нравственном воспитании школьников: автореферат дис. ... доктора педагогических наук. / В. О. Гусакова. – СПб., 2023. – 48 с.

68. Гусева, Т. А. Стили познавательной активности личности студентов: автореферат дис. ... доктора психологических наук / Т. А. Гусева. – Новосибирск, 2009. – 44 с.
69. Давыдов, В. В. Виды обобщения в обучении / В. В. Давыдов. – М.: Педагогика, 1972. – 423 с.
70. Двойнин, А. М. Савенков А. И., Поставнев В. М., Троцкая Е. С. Когнитивные предикторы академической успешности у дошкольников и младших школьников / А. М. Двойнин, А. И. Савенков, В. М. Поставнев, Е. С. Троцкая // Вопросы психологии. – 2020. – № 6. – С. 106-116.
71. Джуринский, А. Н. История зарубежной педагогики: учеб. пособие для студентов высш. пед. учеб. заведений, обучающихся по пед. спец. / А. Н. Джуринский. – М: ФОРУМ-ИНФРА-М, 1998. – 267 с.
72. Делёз, Ж. Логика смысла / пер. с франц. Я. И. Свирского. – М.: Академический Проект, 2011. – 472 с.
73. Денисенко, Ю. В. Духовно-нравственное воспитание студенческой молодежи средствами народного музыкального творчества в сфере досуга: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук / Ю. В. Денисенко. – Барнаул, 2009. – 22 с.
74. Деррида, Ж. О грамматологии / Ж. Деррида / пер. с франц. и вступ. статья Н. Автономовой. – М.: изд-во «Ad Marginem», 2000. – 512 с.
75. Дидактика средней школы: Некоторые проблемы: некоторые проблемы современной дидактики / под ред. М. Н. Скаткина. – М.: Просвещение. – 1982. – 319 с.
76. Дильтей, В. Собрание сочинений, т. 1. Введение в науки о духе / В. Дильтей / пер. с немецкого под ред. В. С. Малахова. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. – 763 с.
77. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Диоген Лаэртский / общ. ред. и вступит. статья А. Ф. Лосева / пер. М. Л. Гаспарова. – М.: Мысль; АН СССР, Ин-т философии, 1979. – 620 с.

78. *Дистервег, А.* Избранные педагогические сочинения / А. Дистервег / общ. ред. проф. Е. Н. Медынского. – М.: Минпросвещения РСФСР, 1956. – 375 с.
79. *Дробницкий, О. Г.* Моральная философия. Избранные труды / О. Г. Дробницкий / сост. Р. Г. Апресян. – М.: Гардарики, 2002. – 523 с.
80. Духовно-нравственное воспитание детей и молодежи: / Сборник Межрегиональная научно-практическая конференция, Вологда, 15-16 февраля 2012 года. – Вологда: Изд. центр ВИРО, 2012. – 333 с.
81. Духовно-нравственное воспитание в учреждениях образования как основа формирования личности обучающегося: опыт, проблемы, перспективы: сборник материалов областной научно-практической онлайн-конференции 12 мая 2022 года. – Витебск: государственное учреждение дополнительного образования взрослых «Витебский областной институт развития образования», 2022. – 414 с.
82. *Дюркгейм, Э.* О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм. – Одесса: типография Г. М. Левинсона, 1900. – 331 с.
83. *Дюркгейм, Э.* Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии / Э. Дюркгейм / пер. с франц. А. Апполонова и Т. Котельниковой / под ред. А. Апполонова. – М.: изд. Дом ДЕЛО, 2018. – 733 с.
84. *Дьюи, Д.* Общество и его проблемы / Д. Дьюи. – М.: Идея-пресс, 2002. – 160 с.
85. *Егоров, А. А.* Очерки по методике преподавания хоровых дисциплин: Пособие для педагогов консерваторий / А. А. Егоров. – Л.: Музгиз, 1958. – 187с.
86. Единство философии и религии в педагогической деятельности. Развитие творческого потенциала ребенка. – М.: Амрита-Русь, ИД Шалвы Амонашвили, 2020. – 224 с.
87. *Жаднова, Н. Н.* Потенциал духовной музыки в нравственном воспитании детей / Н. Н. Жаднова // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. – 2018. – № 2 (98). – С. 185-193.

88. Живов, В. Л. Хоровое исполнительство. Теория. Методика. Практика / В. Л. Живов. – М. «Владос», 2003. – 270 с.
89. Живов, В. Л. Трактровка хорового произведения / В. Л. Живов. – М.: Сов. Россия, 1986. – 126 с.
90. Жирина, М. В. Социальный инфантилизм: стратегия жизни в информационном обществе / М. В. Жирина / XI Ковалевские чтения: материалы всероссийской научной конференции. – СПб. – 2017. – С. 746-748.
91. Занков, Л. В. Избранные педагогические труды / Л. В. Занков. – М.: Педагогика, 1990. – 418 с.
92. Зезека, Е. М. Духовно-нравственное воспитание молодежи в деятельности учреждений культуры: интегративно-педагогический подход: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук / Е. М. Зезека. – Тамбов, 2011. – 24 с.
93. Зиновьев, В. Н. Практическое руководство для начинающего учителя-регента / Сост. учитель пения Яросл. дух. семинарии свящ. В. Н. Зиновьев. – М.: П. Юргенсон, 1904. – 121 с.
94. Зотов, А. Ф. Современная западная философия / учебное пособие / А. Ф. Зотов. – М.: Проспект, 2010 – 602 с.
95. Зубова, М. В. Факторы формирования «долгого детства» как социального феномена / М. В. Зубова // Научно-электронный журнал ABYSS [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://filos.oreluniver.ru/media/abyss_issue/4/zubova_factory_formirovaniya.pdf.
96. Зябрева, В. Г. Духовно-нравственное воспитание младшего подростка в процессе обучения гуманитарным дисциплинам: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук / В. Г. Зябрева. – Кострома, 2002. – 23 с.
97. Иванов, В. В. Историческая грамматика русского языка / В. В. Иванов. – М.: Просвещение, 1964. – 452 с.
98. Игнатьева, Е. Е. Социально-педагогические условия духовно-нравственного воспитания подростков в системе дополнительного

- образования в общеобразовательном учреждении: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук / Е. Е. Игнатъева. – М., 2011. – 27 с.
99. *Илакавичус, М. Р.* Духовно-нравственное развитие и воспитание старшеклассников в школе при осмыслении идеалов культуры: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук / М. Р. Илакавичус. – СПб., 2011. – 23 с.
100. *Ингенкамп, К.* Педагогическая диагностика / пер. с нем. / К. Ингенкамп. – М.: Педагогика, 1991. – 238 с.
101. *Иохвидов, В. В.* История педагогики: учебно-методическое пособие / В. В. Иохвидов, В. Г. Веселова. – Новосибирск: ЦРНС, 2015. – 101 с.
102. История русской музыки: в 10 т. / под ред. Ю. В. Келдыша, О. Е. Левашевой, А. И. Кандинского / Т. 1: Древняя Русь XI-XVII века. – М.: Музыка, 1983. – 381 с.
103. История русской музыки: в 10 т. / под ред. Ю. В. Келдыша, О. Е. Левашевой, А. И. Кандинского / Т. 6: 50-60-е годы XIX века. – М.: Музыка, 1989. – 382 с.
104. *Казанков, В. В.* Духовно-нравственное воспитание сотрудников оперативных подразделений Государственной противопожарной службы МВД России: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук / В. В. Казанков. – СПб., 2001. – 19 с.
105. *Кант, И.* Критика способности суждения / И. Кант. – СПб.: Наука, 2006. – 512 с.
106. *Кант, И.* Сочинения в 4-х томах на немецком и русском языках, т. 3 / И. Кант. – М.: Московский философский фонд, 1997. – 784 с.
107. *Капустин, Ю. В.* Музыкант-исполнитель и публика: социологические проблемы современной концертной жизни. Исследование / Ю. В. Капустин. – Л.: Музыка, 1985. – 160 с.
108. *Келдыш, Ю. В.* История русской музыки, в десяти томах / Ю. В. Келдыш, Т. Н. Левая, М. П. Рахманова, Г. С. Зверева, А. А. Баева, А. М. Соколова, М. Е. Тараканов. – М.: Музыка, 1983-2004.

109. *Кассирер, Э.* Философия символических форм, т. 1 / Э. Кассирер. – М.: Язык, СПб.: Ун. книга, 2002. – 272 с.
110. *Книга правил.* Издательство Троице-Сергиевой Лавры, 1992. – 482 с.
111. *Коджаспирова, Г. М.* Педагогическая антропология: Учебное пособие / Г. М. Коджаспирова. – М.: ГАРДАРИКИ, 2005. – 287 с.
112. *Коменский, Я. А.* Избранные педагогические сочинения, т. 1 Великая дидактика / Я. А. Коменский / пер. с лат. проф. Д. Н. Королькова. – М.: Учпедгиз., 1939. – 320 с.
113. *Комогорцева, К. В.* Духовно-нравственное воспитание школьников в православно-ориентированной образовательной среде муниципальной школы: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук / Т. В. Комогорцева. – Великий Новгород, 2019. – 24 с.
114. *Корзинкин, А. А.* Духовно-нравственная концепция воспитания личности и современное образование: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук / А. А. Корзинкин (Зиновий, митрополит Саранский и Мордовский). – Курск, 1999. – 20 с.
115. *Королькова, И. Г.* Взаимодействие государственной системы образования и Русской Православной Церкви в сфере духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук / И. В. Королькова. – М., 2012. – 24 с.
116. *Короткова, Л. Д.* Авторская дидактическая сказка как средство духовно-нравственного воспитания детей дошкольного и младшего школьного возраста: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук / Л. Д. Короткова. – М., 2008. – 23 с.
117. *Коротовских, Т. В.* К проблеме становления социально-психологической зрелости в подростковом возрасте / Т. В. Коротовских // Вестник Шадринского государственного педагогического института. – 2013. – № 2. – С. 176-179.

118. *Краевский, В. В.* Методология педагогики: Пособие для педагогов-исследователей / В. В. Краевский. – Чебоксары: Изд-во Чуваш, ун-та, 2001. – 244 с.
119. *Краснощеков, В. И.* Вопросы хороведения: Учеб. пособие для дирижерско-хоровых фак. консерваторий / В. И. Краснощеков. – М.: Музыка, 1969. – 300 с.
120. *Кудрявцев, В. Т.* Психология развития человека / В. Т. Кудрявцев. – Рига, 1999. – 159 с.
121. *Кузнецов, В. Г.* Герменевтика и гуманитарное познание / В. Г. Кузнецов. – М.: Издательство МГУ, 1991. – 192 с.
122. *Кули, Ч. Х.* Человеческая природа и социальный порядок / Ч. Х. Кули / пер. с англ. – М.: Идея-пресс. Дом интеллектуальной книги, 2000. – 320 с.
123. *Кутузов, Б. П.* Русское знаменное пение / Б. П. Кутузов. – М.: Андрей Рублев, 2008. – 300 с.
124. *Лагутин М. Б.* Наглядная математическая статистика: учебное пособие / М. Б. Лагутин. – М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2009. – 472 с.
125. *Лебон, Г.* Психология толп. Мнение и толпа / Г. Лебон, Г. Тард. – М.: Институт психологии РАН. Издательство КСП+, 1998. – 416 с.
126. *Леви-Стросс, К.* Структурная антропология / К. Леви-Стросс / пер. с франц. В. В. Иванова. – М., 1985. – 399 с.
127. *Лежнева, Т. М.* Хоровое искусство как фактор инкультурации личности: дисс. канд. культурологии / Т. М. Лежнева. – Чита, 2006. – 157 с.
128. *Леонтьев, А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – М.: Политиздат, 1975. – 130 с.
129. *Лепехина, Р. Х.* Духовно-нравственное воспитание учащихся в условиях социальных перемен в обществе: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук / Р. Х. Лепехина. – М., 2003. – 29 с.
130. *Лернер, И. Я.* Дидактические основы методов обучения / И. Я. Лернер. – М.: Педагогика, 1981. – 186 с.

131. *Ли, Л. В.* Система духовно-нравственного воспитания старшеклассников в образовательном учреждении гуманитарного профиля: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук / Л. В. Ли. – Волгоград, 2005. – 27 с.
132. *Лисовенко, Г. В.* Национальные традиции как средство духовно-нравственного воспитания школьников в условиях полиэтнического региона: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук / Г. В. Лисовенко. – Сочи, 2004. – 23 с.
133. *Лихачев, Б. Т.* Философия воспитания: спец. курс / Б. Т. Лихачев. – М.: ВЛАДОС, 2010. – 335 с.
134. *Логинова, Н. А.* Шарлотта Бюлер – представитель гуманистической психологии / Н. А. Логинова // Вопросы психологии – 1980. – № 1. – С. 154-157.
135. *Лукацкий, М. А.* Педагогическая науки: история и современность: учебное пособие / М. А. Лукацкий. – М: ГЭОТАР-Медиа, 2012. – 448 с.
136. *Лукьянов, В. Г.* Социология музыки: к истории становления научной дисциплины / В. Г. Лукьянов. – СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 2016. – 187 с.
137. *Лыкова, Н. Г.* Возможности православного воспитания в формировании духовно-нравственных ценностей учащихся: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук / Н. Г. Лыкова. – Тюмень, 2003. – 25 с.
138. *Мадди, С.* Теории личности: Сравнительный анализ / С. Мадди; пер. с англ. – СПб.: Речь, 2002. – 539 с.
139. *Махортова, М. В.* Духовно-нравственное воспитание личности на основе православной этики: Социально-философский анализ: автореферат дис. ... кандидата философских наук / М. В. Махортова. – Ставрополь, 2000. – 23 с.
140. *Майковская, Л. С.* Артистизм действий: художественно-коммуникативная деятельность педагога-музыканта: учеб. пособие для студентов вузов / Л. С. Майковская. – М.: Музыка, 2006 – 109 с.

141. *Макклеланд, Д.* Мотивация человека / Д. Макклеланд. – СПб.: Питер, 2007. – 672 с.
142. *Максакова, В. И.* Педагогическая антропология / В. И. Максакова. – М.: Academia, 2004. – 208 с.
143. *Мамедов, Н. М.* Моделирование и синтез знаний / под ред. И. Б. Новика. – Баку, Издательство «Элм», 1979. – 107 с.
144. *Маркузе, Г.* Эрос и цивилизация. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе / пер. с англ. А. А. Юдина. – М.: АСТ, 2003. – 526 с.
145. *Мартынов, В. И.* История богослужебного пения: учеб. пособие / В. И. Мартынов. – М., 1994. – 237 с.
146. *Маслоу, А.* Мотивация и личность / А. Маслоу / пер. с англ. Т. Гутмана, Н. Мухиной. – СПб.: Питер, 2019. – 352 с.
147. *Матвеев, Н. В.* Хоровое пение: Учеб. пособие по «Хороведению» / Н. В. Матвеев. М.: Изд-во Братства во имя св. князя Александра Невского, 1998. – 287 с.
148. *Медушевский, В. В.* Духовно-нравственное воспитание средствами музыкального искусства // Теория музыкального образования: учебник для студ. высш. пед. учеб. заведений / Абдуллин Э. Б., Николаева Е. В. – М.: Прометей, 2020. – 502 с.
149. *Мелконян, А. А.* Духовно-нравственное воспитание студентов в условиях глобализации и межкультурной коммуникации: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук / А. А. Мелконян. – Волгоград, 2015. – 26 с.
150. *Мертон, Р.* Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 873 с.
151. *Металлов, В. М.* Очерк истории православного церковного пения в России / Сост. свящ. В. М. Металлов. – Саратов: тип. Губ. земства, 1893. – 101 с.

152. Милорадова, Н. Г. Психология и педагогика / Милорадова Н. Г. – М.: ГАРДАРИКИ, 2007. – 334 с.
153. Мировая художественная культура. XX век. Кино, театр, музыка / Л. М. Баженова, Л. М. Некрасова, Н. Н. Курчан, И. Б. Рубинштейн. – М.: Питер, 2008. – 425 с.
154. Мозер, Г. И. Музыка средневекового города / Г. И. Мозер / пер. с нем. И. Глебова. – Л.: Тритон, 1927. – 73 с.
155. Монтень, М. Опыты, кн. 1 / М. Монтень. – М. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1954. – 557 с.
156. Морозова, С. Е. Роль хорового исполнительства в духовно-нравственном воспитании детей / С. Е. Морозова / Наука и современность – 2014: сборник материалов XXX Международной научно-практической конференции / под общ. ред. С. С. Чернова. – Новосибирск, 2014. – С. 80-84.
157. Мудрик, А. В. Социальная педагогика: Учеб. для студ. пед. вузов / А. В. Мудрик / под ред. В. А. Сластенина. – 5-е изд., доп. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 200 с.
158. Музыка в воспитании и развитии ребенка. Роль музыкальной культуры в жизни детей (по трудам Д. Кабалевского) / сост. Л. В. Школяр, Е. Д. Критская. – М.: Амрита-Русь, ИД Шалвы Амонашвили, 2020. – 224 с.
159. Музыкальная библиография русской периодической печати XIX века / сост. Т. Ливанова; Акад. наук СССР. – М.: Музгиз, 1960-1979. Вып. 1: 1801-1825. – 1960. – 183 с.
160. Назарчук, А. В. Теория коммуникации в современной философии / А. В. Назарчук. – М.: Прогресс-Традиция, 2009. – 320 с.
161. Наследов А. Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных. Учебное пособие / А. Д. Наследов. – Спб.: Речь, 2004. – 392 с.
162. Настольная книга священнослужителя, т. 4 – М., 1983. – 824 с.

163. *Никольская-Береговская, К. Ф.* Русская вокально-хоровая школа IX – XX веков. Методическое пособие / К. Ф. Никольская-Береговская. – М.: издательство «Языки славянской культуры», 1998. – 192 с.
164. *Никольский, А. В.* Формы русского церковного пения / А. В. Никольский / публикация, вступ. ст. и коммент. Ю. А. Ефимовой. – М.: Научно-издательский центр «Московская консерватория», 2010. – 92 с.
165. Новая Российская Энциклопедия, т. 12. – М.: Изд-во «Энциклопедия», 2013. – 480 с.
166. *Новиков Д. А.* Статистические методы в педагогических исследованиях (типовые случаи) / Д. А. Новиков. – М.: МЗ-Пресс, 2004. – 67 с.
167. *Орлова, Е. В.* Социокультурное пространство: к определению понятия / Е. В. Орлова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnoe-prostranstvo-k-opredeleniyu-ponyatiya>.
168. *Отто, Р.* Священное: об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным / Р. Отто / пер. с нем. А. М. Руткевича. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2008. – 269 с.
169. *Пархоменко, Н. А.* Духовно-нравственное воспитание школьников на традициях народной культуры: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук / Н. А. Пархоменко. – Курск, 2002. – 23 с.
170. *Пашина, О. А.* Народное музыкальное творчество / О. А. Пашина. – СПб: Композитор, 2005. – 568 с.
171. *Пигров, К. К.* Руководство хором: учебное пособие для очных, заочных и вечерних отделений музыкальных училищ и высших музыкальных учебных заведений / К. К. Пигров / под ред. и со вступ. статьей К. Б. Птицы. – М.: Музыка, 1964. – 220 с.
172. *Пирс, Ч. С.* Избранные сочинения / Ч. С. Пирс. – М.: Логос, 2000. – 412 с.

173. *Платон*. Собрание сочинений в четырех томах, т. 2 / Платон. – М.: «Мысль», 1993. – 528 с.
174. *Платонов, Р. С.* Семантика слова «*ηθος*» в древнегреческой культуре VIII-IV вв. / Р. С. Платонов // *Этическая мысль. Научно-теоретический журнал*, т. 15. – № 2. – 2015. – С. 20-38 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://et.iphras.ru/issue/view/188>.
175. *Подласый, И. П.* Педагогика / кн. 1, Общие основы. Процесс обучения / И. П. Подласый. – М.: Владос, 1999. – 573 с.
176. *Покровский, А. М.* Очерки истории церковного пения: Богослужбное пение древней христианской Церкви / А. М. Покровский. – Новгород: Губ. тип., 1910. – 20 с.
177. *Поликарпов-Орлов, Ф. П.* «Лексикон треязычный, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище» / Ф. П. Полоикарпов-Орлов. – М.: Синодальная типография, 1704 – 403 с.
178. *Преображенский, А. В.* Очерк истории церковного пения в России: / А. Преображенский. – СПб.: Регент. уч-ще, учр. С. В. Смоленским, 1910. – 64 с.
179. *Пургина, Е. И.* Методологические подходы в современном образовании и педагогической науке: учеб. пособие / Е. И. Пургина. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2015. – 275 с.
180. *Рада, Н. В.* Развитие идеи духовно-нравственного воспитания личности в отечественной педагогике второй половины XIX-начала XX века: 1861-1917 гг.: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук / Н. В. Рада. – Нижний Новгород, 2004. – 19 с.
181. *Ражина, И. Н.* Педагогические особенности взаимодействия школы и семьи в духовно-нравственном воспитании младших школьников в поликультурной образовательной среде: диссертация ... кандидата педагогических наук / И. Н. Ражина. – Пятигорск, 2019. – 241 с.

182. *Разумовский, Д. В.* Церковное пение в России: (Опыт ист.-техн. изложения): Из уроков, читанных в Консерватории при Моск. муз. обществе Д. Разумовским. – М., 1869. – 367 с.
183. *Рикёр, П.* Конфликт интерпретаций / П. Рикёр / пер. с франц. – М.: Институт философии РАН, 2008. – 695 с.
184. *Риккерт, Г.* Науки о природе и науки о культуре / Г. Риккерт; пер. с нем. / общ. ред. и предисл. А.Ф. Зотова. – М.: Республика, 1998. – 413 с.
185. *Рогачёва, Л. С.* Духовно-нравственное воспитание подростков средствами музыкально-театральной деятельности в детском творческом объединении: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук / Л. С. Рогачёва. – М., 2017. – 25 с.
186. *Рожков, М. И.* Организация воспитательного процесса в школе: Учеб. пособие для студентов вузов / М. И. Рожков, Л. В. Байбородова. – М.: Владос, 2000. – 253 с.
187. *Розен, И. Р.* Историко-педагогические основы духовно-нравственного воспитания детей на Руси XI-XVII вв.: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук / И. Р. Розен. – М., 2001. – 22 с.
188. *Рубинштейн С. Л.* Проблемы общей психологии / С. Л. Рубинштейн / отв. ред. Е. В. Шорохова. – М.: Педагогика, 1973. – 424 с.
189. *Ручкин, Б. А.* Российская молодежь: десять главных проблем / Б. А. Ручкин, Е. А. Гришина, Н. А. Серикова. – М., 2007. – 87 с.
190. *Рыбакова, Е. Л.* Развитие музыкального искусства эстрады в современной России: традиции, перспективы исследования: [монография] / Е. Л. Рыбакова. – СПб.: СПбГУКИ, 2006. – 278 с.
191. *Рябчикова, С. Б.* Духовно-нравственное воспитание младших подростков в процессе изучения древнерусской культуры: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук / С. Б. Рябчикова. – Ярославль, 2009. – 22 с.
192. *Сапогова, Е. Е.* Территория взрослости: горизонты саморазвития во взрослом возрасте / Е. Е. Сапогова. – М.: Генезис, 2016. – 309 с.

193. *Сартр, Ж.-П.* Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Ж.-П. Сартр. – М.: ТЕРРА-Кн. Клуб «Республика», 2002. – 638 с.
194. *Сартр, Ж.-П.* Проблемы метода / Ж.-П. Сартр / пер. с франц. В. П. Гайдамака. – М.: Академический Проект, 2008 – 222 с.
195. *Седов, В. В.* Происхождение и ранняя история славян / В. В. Седов. – М.: Наука, 1979. – 156 с.
196. *Селицкий, А. Я.* Музыкальная драматургия: теоретические проблемы / А. Я. Селицкий. – СПб.: Лань, 2019. – 78 с.
197. *Сафина, Р. М.* Организационно-педагогические условия духовно-нравственного воспитания младших школьников: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук / Р. М. Сафина. – Уфа, 2015. – 25 с.
198. *Сикур, П. И.* Церковное пение: подготовка дирижеров и регентов к работе с хором / П. И. Сикур. – М.: Русский хронографъ, 2012. – 493 с.
199. *Скаткин, М. Н.* Дидактика средней школы: некоторые проблемы современной дидактики / М. Н. Скаткин. – М.: Просвещение, 1982. – 319 с.
200. *Словарь Академии Российской (1789-1794). Ч. 2.* – СПб, 1790. – 1200 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://runivers.ru/lib/book3173/10108/>
201. *Словарь Академии Российской (1789-1794). Ч. 4.* – СПб, 1793. – 1272 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://runivers.ru/lib/book3173/10110/>.
202. *Словарь готского языка* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hofuna.ru/gothic-lang/gothic-vocabulary/>.
203. *Словарь церковно-славянского и русского языка. Т. 2.* – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1847. – 472 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа – https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003825500?page=472&rotate=0&theme=white.

204. *Смоленский, С. В.* Курс хорового церковного пения, составленный для преподавания в Казанской учительской семинарии С. В. Смоленским / С. В. Смоленский. – Казань, 1885. – 291 с.
205. *Смоленский, С. В.* Мусикийская грамматика Николая Дилецкого / С. В. Смоленский. – М., 1910. – 175 с.
206. *Смоленский, С. В.* Азбука знаменного пения старца Александра Мезенца / С. В. Смоленский. – Казань, типография Императорского университета, 1888. – 132 с.
207. *Солдатенков, А. Д.* Теория и практика духовно-нравственного воспитания школьников: автореферат дис. ... доктора педагогических наук / А. Д. Солдатенков. – М., 1998. – 47 с.
208. *Соловьева, Н. А.* Гармонизация условий духовно-нравственного воспитания школьников: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук / Н. А. Соловьева. – Тюмень, 2000. – 19 с.
209. *Сонин, В. А.* Учитель как социальный тип личности / В. А. Сонин. – СПб.: Речь, 2007. – 395 с.
210. *Сорокин, П. А.* Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет / Ин-т социологии. – М.: Наука, 1994. – 560 с.
211. *Степанов, В. В.* Взаимодействие государства и Церкви в сфере духовно-нравственного воспитания молодежи: автореферат дис. ... кандидата политических наук / В.В. Степанов. – М., 2014. – 30 с.
212. *Сурова, Л. В.* Педагогика духовного развития. Статьи разных лет / Л. В. Сурова. – Киев: Украина Православная, 2014. – 470 с.
213. *Сушанский, А. С.* Духовно-нравственное воспитание в военно-учебных заведениях России XVIII - начала XX вв.: диссертация ... кандидата педагогических наук / А. С. Сушанский. – М., 2002. – 304 с.
214. *Тённис, Ф.* Общность и общество. Основные понятия чистой социологии / пер. с немецкого Д. В. Складнева. – СПб.: «Владимир Даль», 2002. – 452 с.

215. *Тиллих, П.* Избранное: Теология культуры / П. Тиллих / пер. с англ. – М.: Юрист, 1995. – 479 с.
216. Толковый словарь живаго великорусскаго языка В. И. Даля, ч. 2. – М.: Типография Лазаревского института восточных языков, 1865. – с. 629-1348. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_020000000628/.
217. *Торчинов, Е. А.* Религии мира. Опыт запредельного. / Е. А. Торчинов. – СПб: центр «Петербургское востоковедение», 2000. – 384 с.
218. *Тэн, И.* Философия искусства / И. Тэн / общ. ред. и послесл. А. М. Микиши; вступит. ст. П. С. Гуревича. – М.: Республика, 1996. – 351 с.
219. *Уколова, Л. И.* Дирижирование / Л. И. Уколова. – М.: Изд. центр «Владос», 2003. – 207 с.
220. *Уколова, Л. И.* Педагогическая модель музыкальной среды в образовательном пространстве / Л. И. Уколова. – М.: МГПУ, 2011. – 179 с.
221. *Уколова, Л. И.* Педагогически организованная музыкальная среда как средство становления духовной культуры растущего человека: специальность 13.00.08 "Теория и методика профессионального образования": диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Уколова Любовь Ивановна. – Москва, 2008. – 343 с.
222. *Ушинский, К. Д.* Собрание сочинений, т. 10 / К. Д. Ушинский. – М.: Изд-во Академии пед. наук, 1950. – 668 с.
223. *Успенский, Л. А.* Богословие иконы православной Церкви / Л. А. Успенский. – М., изд-во Московского патриархата, 1989. – 474 с.
224. *Фасмер, М.* Этимологический словарь русского языка в 4-х тт., т. 1 / М. Фасмер / пер. с нем. О. Н. Трубачева. – М.: Прогресс, 1986. – 576 с.
225. *Фасмер, М.* Этимологический словарь русского языка в 4-х тт., т. 3 / М. Фасмер / пер. с нем. О. Н. Трубачева / М. Фасмер. – М.: Прогресс, 1987. – 832 с.
226. *Фомин, М. С.* Система духовно-нравственного воспитания военнослужащих Российской армии, проходящих службу по призыву:

- автореферат дис. ... кандидата педагогических наук / М. С. Фомин. – СПб., 2010. – 23 с.
227. Формирование системы духовно-нравственного развития и воспитания детей и молодежи в образовательных учреждениях всех видов и типов: методические рекомендации / сост.: Т. Н. Глазкова, Е. В. Коровина, С. В. Кондратюк, С. Г. Новикова, Д. С. Рязанов / под общ. ред. Н. Е. Астафьевой. – Тамбов: ТОГОАУ ДПО «Институт повышения квалификации работников образования», 2013. – 81 с.
228. *Фромм, Э.* Бегство от свободы. Человек для себя / Э. Фромм. – М.: АСТ, 2006. – 571 с.
229. *Фромм, Э.* Иметь или быть? / Э. Фромм / пер. с нем. Э. Телятниковой. – М. АСТ, 2017. – 320 с.
230. *Фуко, М.* Археология знания / М. Фуко / пер. с франц. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебренниковой. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», 2012. – 416 с.
231. *Фуко, М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко / пер. с франц. В. П. Визгин, Н. С. Автономова. – СПб: А-сэд, 1994. – 407 с.
232. Фундамент нравственной традиции в педагогике. 30 ступеней к званию педагога. – М.: Амрита, ИД Шалвы Амонашвили, 2018. – 248 с.
233. *Хабермас, Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие: перевод с немецкого / Ю. Хабермас / под ред. Д. В. Складнева. – СПб.: Наука, 2006. – 377 с.
234. *Хайдеггер, М.* Бытие и время / М. Хайдеггер / пер. с нем. В. В. Бибихина. – М.: Издательство «Ad Marginem», 1997. – 451 с.
235. *Хайдеггер, М.* Прологомены к истории понятия времени / М. Хайдеггер / пер. с нем. Е. В. Борисова. – Томск: Изд-во «Водолей», 1998. – 384 с.
236. *Хакен, Г.* Тайны природы. Синергетика: учение о взаимодействии / Г. Хакен / пер. с нем. А. Р. Логунова. – Москва-Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2003. – 320 с.

237. *Херцберг, Ф.* Мотивация к работе / Ф. Херцберг / пер. с англ. Д. А. Куликова. – М.: Вершина, 2007. – 240 с.
238. *Хёйзинга, Й.* Homo ludens. Человек играющий / сост., предисл. и пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова; коммент., указатель Д. Э. Харитоновича. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. – 416 с.
239. Хоровая самодеятельность как средство воспитания: / сб. ст. / уауч. ред. П. П. Левандо, Д. Н. Ардентова. – Л.: ЛГИК, 1981. – 183 с.
240. *Хуторской, А. В.* Современная дидактика / А. В. Хуторской. – М.: Высшая школа, 2007. – 638 с.
241. *Цукерман, В. С.* Единое социокультурное пространство: аспекты рассмотрения / В. С. Цукерман [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/edinoe-sotsikulturnoe-prostranstvo-aspekty-rassmotreniya/viewer>.
242. Человек творческий: философия, психология и социология творчества: международная междисциплинарная коллективная монография / Н. М. Смирнова, М. В. Бахтин, Т. Б. Сиднева и др. / сост., ред. М. В. Бахтин, И. Э. Соколовская. – М.: Энциклопедист-Максимум, 2020. – 129 с.
243. *Чесноков, П. Г.* Хор и управление им / П. Г. Чесноков. – М.: изд-во «Лань», 2015. – 199 с.
244. *Шаклеина, И. П.* Формирование ценностного отношения к русской православной музыке у студентов в системе вузовского музыкально-педагогического образования: дисс. канд. пед. наук / И. П. Шаклеина. – Курск, 2010. – 221 с.
245. *Шелер, М.* Избранные произведения / М. Шелер / пер. с нем., под ред. А. В. Денежкина – М.: «Гнозис», 1994. – 490 с.
246. *Шилова, Н. Е.* Формирование духовно-нравственной культуры учащихся средствами музыки в организациях дополнительного образования: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук / Н. Е. Шилова. – М., 2013. – 23 с.

247. *Шюц, А.* Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / А. Шюц / сост. А. Я. Алхасов / пер. с англ. А. Я. Алхасова, Н. Я. Мазлумяновой. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. – 336 с.
248. *Элиаде, М.* Аспекты мифа / М. Элиаде. – М.: Акад. Проект, 2000. – 224 с.
249. Энциклодический словарь. В 86 т. Т. 21 / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб., 1897. – 480 с.
250. Энциклодический словарь. В 86 т. Т. 81 / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб., 1904. – 576 с.
251. *Эриксон, Э.* Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон / пер. с англ. / общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. – 344 с.
252. *Ясвин, В. А.* Образовательная среда: от моделирования к проектированию / В. А. Ясвин. – М.: Смысл. 2001. 365 с.
253. *Aristotle.* The Nicomachean ethics with an English translation by H. Rackham, M. A. Harvard University press, 1956. – 650 p.
254. *Kohlberg, Lawrence; T. Lickona, ed.* (1976). «Moral stages and moralization: The cognitive-developmental approach». Moral Development and Behavior: Theory, Research and Social Issues. Holt, NY: Rinehart and Winston / http://www.justinecassell.com/CC_Winter04/pdfs/kohlberg_moral.pdf.
255. *Hofmann, J. B.* Ετυμολογικόν Λεξικόν της αρχαίας ελληνικής. Εν Αθηναις, 1974. – 543 p.
256. *Köbler, Gerhard.* Althochdeutsches Wörterbuch, (6. Auflage) 2014 / <https://koeblergerhard.de/ahdwbhin.html>.

Приложение

Значение t-критерия Стьюдента при уровне значимости
(0,01; 0,05; 0,1; 0,15; 0,20; 0,25; 0,30)

Таблица 2

n	P - 0,01	P - 0,05	P - 0,1	P - 0,15	P - 0,2	P - 0,25	P - 0,3
51	2,6757222	2,0075838	1,6752850	1,4615468	1,2983727	1,1636032	1,0470798
52	2,6737336	2,0066468	1,6746892	1,4611170	1,2980450	1,1633454	1,0468730
53	2,6718226	2,0057460	1,6741162	1,4607037	1,2977298	1,1630975	1,0466741
54	2,6699848	2,0048793	1,6735649	1,4603059	1,2974265	1,1628588	1,0464826
55	2,6682160	2,0040448	1,6730340	1,4599228	1,2971343	1,1626289	1,0462982
56	2,6665124	2,0032407	1,6725223	1,4595535	1,2968527	1,1624073	1,0461204
57	2,6648705	2,0024655	1,6720289	1,4591974	1,2965810	1,1621936	1,0459489
58	2,6632870	2,0017175	1,6715528	1,4588538	1,2963189	1,1619873	1,0457833
59	2,6617588	2,0009954	1,6710930	1,4585219	1,2960657	1,1617881	1,0456234
60	2,6602830	2,0002978	1,6706489	1,4582013	1,2958211	1,1615955	1,0454689
61	2,6588571	1,9996236	1,6702195	1,4578913	1,2955846	1,1614094	1,0453196
62	2,6574786	1,9989715	1,6698042	1,4575914	1,2953558	1,1612293	1,0451750
63	2,6561450	1,9983405	1,6694022	1,4573011	1,2951343	1,1610550	1,0450351
64	2,6548543	1,9977297	1,6690130	1,4570201	1,2949198	1,1608861	1,0448996
65	2,6536045	1,9971379	1,6686360	1,4567478	1,2947120	1,1607226	1,0447683
66	2,6523935	1,9965644	1,6682705	1,4564838	1,2945106	1,1605640	1,0446410
67	2,6512197	1,9960084	1,6679161	1,4562278	1,2943152	1,1604102	1,0445176
68	2,6500813	1,9954689	1,6675723	1,4559795	1,2941256	1,1602609	1,0443978
69	2,6489768	1,9949454	1,6672385	1,4557384	1,2939416	1,1601161	1,0442815
70	2,6479046	1,9944371	1,6669145	1,4555042	1,2937629	1,1599754	1,0441685
71	2,6468634	1,9939434	1,6665997	1,4552768	1,2935893	1,1598387	1,0440588
72	2,6458519	1,9934636	1,6662937	1,4550557	1,2934205	1,1597058	1,0439521
73	2,6448688	1,9929971	1,6659962	1,4548408	1,2932564	1,1595766	1,0438484
74	2,6439129	1,9925435	1,6657069	1,4546317	1,2930968	1,1594509	1,0437475
75	2,6429831	1,9921022	1,6654254	1,4544282	1,2929415	1,1593286	1,0436493
76	2,6420783	1,9916726	1,6651514	1,4542302	1,2927903	1,1592095	1,0435537
77	2,6411976	1,9912544	1,6648845	1,4540374	1,2926430	1,1590936	1,0434606
78	2,6403400	1,9908471	1,6646246	1,4538495	1,2924996	1,1589806	1,0433699
79	2,6395046	1,9904502	1,6643714	1,4536665	1,2923598	1,1588705	1,0432815
80	2,6386906	1,9900634	1,6641246	1,4534881	1,2922236	1,1587632	1,0431953
81	2,6378971	1,9896863	1,6638839	1,4533141	1,2920907	1,1586586	1,0431113
82	2,6371234	1,9893186	1,6636492	1,4531444	1,2919611	1,1585565	1,0430294
83	2,6363688	1,9889598	1,6634202	1,4529788	1,2918347	1,1584569	1,0429494
84	2,6356325	1,9886097	1,6631967	1,4528173	1,2917113	1,1583597	1,0428713
85	2,6349139	1,9882679	1,6629785	1,4526595	1,2915908	1,1582648	1,0427951
86	2,6342123	1,9879342	1,6627654	1,4525055	1,2914732	1,1581722	1,0427207
87	2,6335272	1,9876083	1,6625573	1,4523550	1,2913582	1,1580816	1,0426480
88	2,6328580	1,9872899	1,6623540	1,4522080	1,2912459	1,1579932	1,0425770
89	2,6322042	1,9869787	1,6621553	1,4520643	1,2911362	1,1579067	1,0425075
90	2,6315652	1,9866745	1,6619611	1,4519238	1,2910289	1,1578222	1,0424397

Статистическая таблица Т-значений с «критическими точками» Н0.